САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ

ГУАП

ФИЛОСОФИЯ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

PHILOSOPHY AND HUMANITIES IN INFORMATION SOCIETY

Выпуск № 2(36)
апрель – июнь
2022

Санкт-Петербург / Saint Petersburg

Содержание

О журнале 4
To Our Readers and Authors. 5
Состав редакционного совета журнала 6
Состав редакционной коллегии журнала 8
От редакции. Краткая аннотация выпуска журнала 10

Философия информационного общества

Социальная философия и компьютерная виртуальная реальность
С. В. Орлов. 12
Факторы упадка аграрных и современных обществ
О. К. Трубицын 23
Цифровая культура как индикатор зрелости информационного общества
А. Л. Крайнов. 47

Культурология

Латышская секция Ленинградской организации писателей (1925–1937 гг.)
Т. М. Смирнова. 54

Психология и педагогика

Оптимизм в философии надежды Отто Фридриха Больнова
Ю. В. Андреева. 85

Из истории отечественной науки

Российские физиологи об адренергических механизмах нервной трофики в приложении к процессам старения и долголетия
О. Н. Забродин 95

Требования к оформлению статей

Требования к оформлению статей. 107

Content

About the Journal 4
To Our Readers and Authors *(In English)* 5
Editorial Council of the Journal 6
Editorial Board of the Journal. 8
Editorial. Summary of the Issue. 10

Philosophy of Information Society

Social Philosophy and Computer Virtual Reality
S. V. Orlov 12
Factors in the Decline of Agrarian and Modern Societies
O. K. Trubitsyn. 23
Digital Culture as an Indicator of Information Society Maturity
A. L. Krainov 47

Theory and History of Culture

Latvian Section of the Leningrad Writers' Organization (1925–1937)
T. M. Smirnova. 54

Psychology and Pedagogics

Optimism in Otto Friedrich Bollnow's Philosophy of Hope
Y. V. Andreeva 85

From the History of the Science of Our Country

Russian Physiologists on Adrenergic Mechanisms of Nervous Trophism in Application to the Processes of Aging and Longevity
O. N. Zabrodin. 95

Article Presentation Rule

Article Presentation Rules. 107

О журнале

Уважаемые читатели и авторы журнала!

С июля 2013 года Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения выпускает сетевое издание – журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», доступный на сайте www.fikio.ru. Журнал включен в базу данных РИНЦ, зарегистрирован в Роскомнадзоре (свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ №ФС77-54191), ему присвоен ISSN 2309-6888.

Формирование в последние десятилетия постиндустриального, или информационного, общества привело к глубоким и сложным сдвигам во всех областях и сферах человеческой жизни. В нашем издании предлагается широкий подход к их исследованию. Во-первых, наш подход включает в себя разработку концепции информационного общества как такового в единстве с изучением общефилософских проблем его развития и конкретно-научных исследований, которые дают эмпирический материал для последующих философских обобщений. Во-вторых, мы публикуем работы по историческим аспектам (например, история науки и культуры), содержащие в себе взгляд на те или иные события прошлого с точки зрения современности, то есть науки информационной эпохи.

Охват в одном журнале проблем философии, теории культуры, истории, социологии, психологии и педагогики, политологии может показаться чрезмерно широким. Мы, однако, надеемся, что именно материалы этого обширного массива знаний дают возможность составить достаточно полную, репрезентативную картину развития информационного общества, лучше понять тот мир, в котором живет современный человек.

Мы приглашаем к сотрудничеству всех исследователей, как российских, так и зарубежных, для которых представляет интерес тематика нашего журнала. Будем внимательно изучать предложения, уточнять перспективные направления работы, участвовать в дискуссиях.

В журнале рассматриваются преимущественно проблемы, составляющие содержание следующих групп специальностей научных работников:

09.00.00 – философские науки;

23.00.00 – политология;

24.00.00 – культурология.

Журнал выходит четыре раза в год.

Главный редактор – доктор философских наук, профессор Орлов Сергей Владимирович. Email: orlov5508@rambler.ru.

Редакционная коллегия

To Our Readers and Authors

Dear colleagues!

We present the following issue of our Internet journal "Philosophy and Humanities in Information Society".

The problems of contemporary society are widely discussed at any time. Our journal contains a broad approach in studying them. Firstly, our approach includes the investigations of an information society itself – the philosophical and humanitarian studies. Secondly, we publish historical articles, for example, the history of science and culture, which contain an analysis of the past from the point of view of the present situation, i. e. from the point of view of a person who lives in the information society.

Embracing different problems of philosophy, theory of culture, philology, history, sociology, political science, psychology, pedagogy in a single journal is supposed to be extremely vast. But we hope that such a broad intellectual area gives an opportunity to reconstruct a representative picture of the information society.

We consider that such a wide inter-discipline approach gives man of an information age an opportunity to understand better our contemporary society.

We are glad to collaborate with researchers who are interested in our journal and its topics.

Our journal is published four times a year.

Editor-in-chief: prof. Sergei V. Orlov. Email: orlov5508@rambler.ru

Editorial board

Состав редакционного совета журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»

Председатель редакционного совета:

Боер Виктор Матвеевич – декан юридического факультета ГУАП, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ.

Члены редакционного совета:

Лосев Константин Викторович – декан гуманитарного факультета ГУАП, доктор экономических наук, профессор.

Лазаревич Анатолий Аркадьевич – директор института философии Национальной академии наук Беларуси, кандидат философских наук, доцент (по согласованию).

Лаура Пана (Laura Pana) – ассоциированный профессор Бухарестского политехнического университета, кафедра автоматизации и промышленной информатики, Румыния (по согласованию).

Меган Диксон (Megan Dixon) – преподаватель Колледжа Айдахо (США), PhD по русской литературе, PhD по гуманитарной географии (по согласованию).

Кудашов Вячеслав Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск (по согласованию).

Диев Владимир Серафимович – директор института философии и права Новосибирского государственного университета, доктор философских наук, профессор, председатель Сибирского отделения Российского философского общества (по согласованию).

Субетто Александр Иванович – доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Центра ноосферного развития Научно-исследовательской лаборатории россиеведения, Евразии и устойчивого развития Северо-Западного института управления (филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России) (по согласованию).

Комашинский Владимир Ильич – доктор технических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института проблем транспорта Российской академии наук им. Н. С. Соломенко (по согласованию).

Арефьев Михаил Анатольевич – заведующий кафедрой философии и культурологи Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Выжлецов Геннадий Павлович – профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского

государственного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Комаров Виктор Дмитриевич – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Михайловской военной артиллерийской академии, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Орлов Сергей Владимирович – профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала.

Состав редакционной коллегии журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»

Главный редактор:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу философии:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Оконская Наталия Камильевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета (по согласованию).

Выжлецов Павел Геннадиевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Коробкова Светлана Николаевна – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу культурологи:

Смирнова Тамара Михайловна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Выжлецова Наталья Викторовна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры рекламы и современных коммуникаций гуманитарного факультета ГУАП.

Гусарова Юлия Васильевна – преподаватель, координатор годовых программ, Принц Султан Юниверсити, Эр-Рияд, Королевство Саудовская Аравия (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу истории:

Гусман Леонид Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Тропов Игорь Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Санкт-Петербургского горного университета (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу филологии:

Чиханова Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу психологии и педагогики:

Дмитренко Нина Андреевна – кандидат педагогических наук, доцент, директор Учебно-лингвистического центра Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу истории отечественной науки:

Забродин Олег Николаевич – доктор медицинских наук, старший научный сотрудник кафедры анестезиологии и реаниматологии Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова (по согласованию).

Ответственный секретарь редакции:

Коломийцев Сергей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Распределение обязанностей в редакции

Орлов Сергей Владимирович – выпускающий редактор.
Коломийцев Сергей Юрьевич – технический редактор.
Дмитренко Нина Андреевна – переводчик.

От редакции. Краткая аннотация выпуска журнала

Второй выпуск журнала за 2022 год открывает статья доктора философских наук, профессора **С. В. Орлова «Социальная философия и компьютерная виртуальная реальность»**. Автор развивает мысль о компьютерной виртуальной реальности как особой сфере материального мира, возникающей в информационном обществе и обеспечивающей функционирование современной формы всеобщего труда. Специфика компьютерного труда является глубинной причиной происходящего в современном обществе усложнения общественного бытия и общественного сознания, что по-своему проявляется на каждом уровне организации социальной системы. Кандидат философских наук, доцент **О. К. Трубицын** в публикации **«Факторы упадка аграрных и современных обществ»** сопоставляет существующие модели упадка общества, определяя, какое место в этих процессах занимают отдельные факторы общественной жизни: пассионарность (асабия), политические и экономические проблемы, разрастание бюрократического аппарата, стремление к геополитической экспансии, продолжительность периода благополучия, материального изобилия и безопасности. В работе кандидата философских наук, доцента **А. Л. Крайнова «Цифровая культура как индикатор зрелости информационного общества»** цифровая культура рассматривается как исторический этап развития культуры информационной. Для этого этапа характерны трансформация самого человека и его сознания, изменение социальной модели поведения, когнитивных способностей и восприятия мира, формирование цифровой этики, развитие новых компетенций для достижения поставленных задач.

В разделе «Культурология» публикуется обширная статья члена редколлегии и постоянного автора журнала, доктора исторических наук, профессора **Т. М. Смирновой «Латышская секция Ленинградской организации писателей (1925–1937 гг.)».** Тамара Михайловна, как всегда, вводит в научный оборот обширный архивный материал. Подробно прослеживается роль латышских писателей в становлении многонациональной советской литературы, показывается и определенная наивность в постановке задач культурной политики, свойственная той эпохе. Автор скрупулёзно исследует также наиболее трагичные страницы истории советской культуры этого периода – массовые политические репрессии и уничтожение значительного слоя писателей и других литературных работников.

В разделе «Психология» помещена статья, объединяющая философские, психологические и педагогические проблемы школьного воспитания – **«Оптимизм в философии надежды Отто Фридриха Больнова»**. В ней кандидат педагогических наук, доцент **Ю. В. Андреева** анализирует принципы педагогики О. Ф. Больнова, в которых философия экзистенциализма используется как основа для построения позитивного творческого взаимодействия между учителем и учеником.

Раздел «Из истории отечественной науки» представлен в этом выпуске журнала обзорной статьей нашего постоянного автора, доктора медицинских наук **О. Н. Забродина «Российские физиологи об адренергических механизмах нервной трофики в приложении к процессам старения и долголетия»**. Как известно, научные исследования различных механизмов старения проводились многими выдающимися русскими врачами и физиологами – такими, как И. П. Павлов, И. И. Мечников, Л. А. Орбели, А. Д. Сперанский, С. В. Аничков и др. Конкретные результаты изучения процессов старения у животных и человека давали основания для научных рекомендаций по их замедлению.

Главный редактор

ФИЛОСОФИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 004.946; 316.324.8

Социальная философия и компьютерная виртуальная реальность*

Орлов Сергей Владимирович – Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, кафедра истории и философии, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербург, Россия.
Email: orlov5508@rambler.ru
SPIN: 6519-6360
ORCID: 0000-0002-8505-7852
ResearcherID: AAI-6212-2020

Авторское резюме

Состояние вопроса: Крупные исторические изменения в науке, технике и технологиях влекут за собой уточнения и корректировки как концепции общества, так и наиболее фундаментальных понятий философии. В эпоху кризиса в физике на рубеже XIX–XX веков потребовалось уточнение понятий материи и сознания, объективного и субъективного, познания, отражения, опыта. Аналогичным образом в информационном обществе возникает необходимость раскрыть связь между традиционными представлениями философского материализма и современным пониманием материи, информации, виртуальной реальности, программного продукта, взаимодействия материального и идеального. Пока общепринятого подхода к этой проблеме не существует.

Результаты: Сопоставление компьютерных технологий с традиционными механизмами познавательной и трудовой деятельности позволяет обосновать понимание виртуальной компьютерной реальности как особой, специфической искусственно созданной области материального мира. Она становится посредником между человеческим сознанием и традиционным предметным, человекоразмерным миром, в котором результаты духовной деятельности опредмечиваются (материализуются). Компьютерный труд добавляет новые ступени в процесс материализации идеального образа. Компьютерная виртуальная реальность превращается в особую область материальных процессов, приобретающую большое сходство с идеальными явлениями. Особыми специфическими свойствами виртуальной компьютерной реальности являются квазиидеальность и квазисубъективность, имеющие внешнее сходство с идеальностью и субъективностью сознания.

Выводы: Социальная форма материи в XX веке породила новый класс материальных объектов и процессов, связанных с компьютерной виртуальной

* © Орлов С. В., 2022.

реальностью. Трудовая деятельность с этими объектами значительно меняет человеческую личность, экономику, политику и культуру. Поэтому социальная философия в информационном обществе начнет, по всей видимости, разрабатывать новые, более сложные формы материалистического понимания истории.

Ключевые слова: виртуальная компьютерная реальность; материальное; идеальное; квазиидеальность; квазисубъективность; всеобщий труд; абстрактные материальные структуры.

Social Philosophy and Computer Virtual Reality

Orlov Sergey Vladimirovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of History and Philosophy, Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg, Russia.

Email: orlov5508@rambler.ru

Abstract

Background: Major historical changes in science, engineering and technology entail more accurate definitions and adjustments of both the concept of society and the basic notions of philosophy. In the era of crisis in physics at the turn of the XIX–XX centuries, it was necessary to clarify the concepts of matter and consciousness, objective and subjective, cognition, reflection, experience. Similarly, in information society, there is a need to reveal the connection between the traditional ideas of philosophical materialism and the modern understanding of matter, information, virtual reality, software product, the interaction of the material and the ideal. So far, there is no generally accepted approach to this problem.

Results: Comparison of computer technologies with traditional mechanisms of cognitive and labor activity can substantiate the understanding of virtual computer reality as a special, specific artificially created sphere of the material world. It becomes an intermediary between human consciousness and the traditional objective, human-sized world, in which the results of spiritual activity are objectified (materialized). Computer labor adds new steps to the process of materialization of the ideal image. Computer virtual reality turns into a special area of material processes, acquiring a great resemblance to ideal phenomena. Specific properties of virtual computer reality are quasi-ideality and quasi-subjectivity, which have an external resemblance to the ideality and subjectivity of consciousness.

Conclusion: In the 20th century, the social form of matter gave rise to a new class of material objects and processes associated with computer virtual reality. Working with these objects significantly changes the human personality, economy, politics and culture. Therefore, social philosophy in information society tends to develop new, more complex forms of materialistic understanding of history.

Keywords: virtual computer reality; material; ideal; quasi-ideality; quasi-subjectivity; general labor; abstract material structures.

Концепция информационного общества становится одной из быстро развивающихся областей научных исследования. Вклад в ее создание вносят экономисты, социологи, психологи, политологи, юристы, биологи и представители других областей знания. Закономерно возникает вопрос: с постановкой и решением каких новых философских проблем может быть связано научное осмысление эпохи информационного общества?

Дискуссии в современной российской философской литературе однозначно показывают: осмысление таких новых, недавно возникших или ставших предметом научного исследования явлений как информация, виртуальная реальность, дополненная реальность, компьютерная программа, файл, компьютерный вирус требует уточнения и дальнейшего развития традиционных понятий и концепций философии. Требуют определенного переосмысления наиболее фундаментальные понятия – материя, сознание, познание, взаимосвязь объективной и субъективной реальности, идеальность, отражение. Только философское исследование может установить, какое содержание традиционных фундаментальных категорий и концепций сохраняется незыблемым, а какое требует уточнения и дальнейшего развития. Пока эта работа не выполнена, философия останется ориентированной преимущественно на осмысление прошедших эпох, а не тех вопросов, которые постоянно порождает наука и практика информационного общества.

Переосмысление фундаментальных онтологических и гносеологических понятий, востребованное развивающимся естествознанием, происходило в философии и в прошлом. Интересный аналог современных научных проблем и дискуссий можно найти на рубеже XIX–XX веков в эпоху всем известного кризиса в физике. Открытие новой формы материи – поля, делимости атома, дефекта массы, постоянства скорости света по отношению к любому наблюдателю настоятельно требовало разработки новой фундаментальной физической теории, которая могла бы подобные факты объяснить. Для создания такой теории разные ученые предлагали использовать различные философские основания – так, Эрнст Мах и его последователи предложили новые версии философских концепций материи, сознания и человеческого познания (эмпириокритицизм). В. И. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм» сопоставил этот подход с традицией субъективного идеализма Дж. Беркли, Д. Юма и И. Канта, подробно обосновав, что философия Э. Маха является модификацией их взглядов. Так, развивая мысль Беркли о телах как комплексах ощущений, Эрнст Мах попытался вообще упразднить проблему превращения материального в идеальное, якобы не имеющую научного смысла, и постулировал существование «элементов мира», которые в одних связях выступают как физические (тела), а в других – как психические элементы (ощущения). «Элементы мира» у Маха не рассматриваются как объективно существующие компоненты внешней реальности. «Эти элементы известны в психической области как ощущения, а в области естественно-научной – как физические свойства, но сами по себе они идентичны, а только различны в зависимости от точки зрения, с которой они рассматриваются» [1, с. 42]. «Наша точка зрения не знает противоположения субъекта объекту (в

обыкновенном смысле этих слов)» [1, с. 282]. Таким образом, Э. Мах, основываясь на принципе «экономии мышления», предлагал построить картину мира так, как будто никакого взаимодействия и взаимоперехода материального и идеального вообще не существует. Тут явно работает также и принцип конвенционализма – ученые могут, якобы, сами решить, какие элементы и отношения включить в картину мира. Но концепция, основанная на отрицании реально существующих свойств и явлений, не дает ни адекватного описания, ни объяснения природных процессов, ни представлений о способах воздействия на них человека. А. Эйнштейн, преодолевший кризис в физике, фактически опирался на материалистическое представление о материи, существующей независимо от человеческого сознания (а не просто являющейся веществом) и воздействующей на наши органы чувств. Аналогичную точку зрения о существовании независимой от нас «объективной реальности», которую познают ученые, формулирует в настоящее время ряд ведущих физиков – например, С. Вайнберг [см., напр.: 2, с. 132, с. 147].

Не всегда обращают внимание на то, что в начале XX века исследования фундаментальных проблем философии были связаны не только с революцией в физике. Параллельно с дискуссиями физиков и философов проходили исследования высшей нервной деятельности под руководством И. П. Павлова. Его работы не только заложили мощный фундамент для современной материалистической концепции сознания, но и создали предпосылки для понимания все более сложных взаимодействий сознания и материи, открытых – или искусственно сформированных – благодаря современным информационным технологиям.

Сегодняшние сложности (или даже кризис) в понимании философских проблем мира и человека, порожденные взрывным развитием информационных технологий, имеют как общие черты, роднящие их с кризисом в физике рубежа XIX–XX веков, так и специфические особенности. К *общим чертам* относится, прежде всего, необходимость определенного переосмысления и уточнения понятий материального и идеального, объективного и субъективного, познания, отражения. *Специфические черты* современных сложностей и проблем – осмысление информации и информационных технологий, виртуальной реальности, компьютерных игр, прямого влияния новых информационных технологий на образ жизни и поведение миллиардов людей. Современный кризис в философском осмыслении общества обусловлен не столько самими по себе открытиями в естественных науках (как было в начале XX века), сколько формированием на основе этих открытий в результате целенаправленной человеческой деятельности особого типа бытия – информационной, виртуальной реальности. Подлежат осмыслению ее связи с человеком, новые методы человеческой деятельности в этой реальности, новые возможности и угрозы, которые она создает.

Наиболее глубинный философский вопрос во всей этой проблематике – отношение информации и виртуальной реальности к объективной и субъективной реальности. Многие современные исследователи среди основных свойств информации прямо называют «нематериальность» [3, с. 142].

К. К. Колин приводит простой пример механического отражения: в результате столкновения объект **В** оставляет вмятину **С** на поверхности объекта **А**. «Этот новый объект **С** не является материальным, и поэтому он должен рассматриваться как *объект идеальной реальности*» [4, с. 142]. Таким образом, даже простейшие информационные процессы в природе, по мнению К. К. Колина, порождают идеальное. Е. В. Грязнова, проанализировав список из 11 существующих в научной литературе трактовок виртуальной реальности, делает вывод об их философском содержании: «Остается неразрешенным вопрос о том, какое место может занять виртуально-информационная реальность в типологии форм бытия» [5, с. 53–82].

Слабой стороной многих трактовок информации и виртуальной реальности остается неопределенность понятия идеального. Если, например, идеальные явления могут возникать в простых физических взаимодействиях, неясно, в чем специфика человеческого мышления, которое психология рассматривает как идеальное? Известный исследователь проблемы идеального, Д. И. Дубровский, еще до наступления эпохи Интернета отмечал: «*Определение идеального в качестве субъективной реальности является исходным и должно сохранять свое значение во всех контекстах, где употребляется категория идеального. В противном случае категория идеального утрачивает смысл»* [6, с. 18].

Ключ к пониманию природы виртуальности содержится, как нам представляется, в специфическом явлении информационной эпохи – в *виртуальной компьютерной реальности*. Весь современный виртуальный мир (если не принимать во внимание многочисленные иносказательные и метафорические трактовки понятия виртуальной реальности) создан именно компьютерной реальностью. Компьютерная виртуальная реальность физически реализуется на совершенно определенном материальном субстрате (носителе) – это компьютеры, компьютерные программы, контент файлов. Считать компьютерную виртуальную реальность нематериальной, идеальной, духовной – это значит полагать, что на флэшках, жестких дисках и других носителях информации возникают идеальные мысленные образы и протекают психические процессы. Получается, например, что компьютерная программа – это система идеальных мысленных образов: ощущений, понятий и т. п., которые должны в ней каким-то образом преобразовываться и изменяться (что и происходит в человеческом мозге). Но это наукой не подтверждается – программа не обладает психическими свойствами, психической активностью. В то же время виртуальная компьютерная реальность сильно отличается от традиционной, «человекоразмерной» (термин академика В. С. Степина) объективной реальности, с которой человек имеет дело в повседневной жизни. Виртуальная компьютерная реальность (и заключенная в ней информация) не идеальна, но она образует совершенно особую, специфическую сферу объективной реальности, обладающую большим внешним сходством с реальностью субъективной, идеальной. В чем их сходства и различия?

Если фундаментальные свойства сознания – *идеальность* и *субъективность,* то специфику виртуальной реальности можно, как нам

представляется, выразить с помощью понятий *квазиидеальности* и *квазисубъективности* [подробнее см.: 7]. Традиции школы И. П. Павлова и российской психологии позволяют дополнить определение Д. И. Дубровского и дать более полное определение идеального: *идеальное* – это способ существования свойств, отношений и характеристик материальных объектов не на их собственном материальном субстрате, а на особом, универсальном материальном субстрате человеческого мозга в виде мысленных образов, копий материальных предметов [см., напр.: 8, с. 189–194]. *Квазиидеальность* компьютерной виртуальной реальности проявляется в том, что содержание компьютерной программы и созданного с ее помощью информационного контента файлов – тоже не собственные свойства записывающих и сохраняющих их магнитных частиц, а содержание познанных человеком предметов и процессов, которые отражены в программе, в контенте файлов. Программа направлена на изучение, а также преобразование этих познанных человеком явлений в технологических процессах материального производства. Однако программы и файлы, несущие информацию о материальных предметах, сформулированную посредством человеческого мышления, остаются материальными.

Субъективность сознания проявляется в его закрытости от постороннего наблюдения. Мысленные образы (ощущения, понятия) существуют только для данного субъекта и в своей субъективной форме не могут быть переданы никому другому. *Квазисубъективность* программного продукта также проявляется в его замкнутости, скрытости от внешнего наблюдателя. Внутреннее содержание программы обычно недоступно ни для кого, кроме программистов, владеющих специальными кодами, изначально заложенными в программу при ее создании. Мы опять имеем дело со свойством, напоминающим свойство сознания, но не совпадающим с ним полностью.

Квазиидеальность и квазисубъективность отличаются от подлинной идеальности и субъективности сознания и не превращают компьютерные программы или информационные процессы в идеальное, духовное, субъективное бытие. Виртуальная реальность создается как особый материальный посредник между человеческим мышлением и традиционным предметным, человекоразмерным материальным миром, в котором продукты мысли материализуются, опредмечиваются. Усложняется, таким образом, не только человеческое знание, но и структура самой объективной реальности. Эти особенности компьютерной виртуальной реальности имеют далеко идущие последствия.

Работа на компьютере – особый тип труда, заметно отличающийся как от традиционного физического, так и от умственного. В традиционном физическом труде, описанном Карлом Марксом в «Капитале», материализация человеческих знаний проходит в три этапа. На *первом этапе* возникает замысел, план воздействия на внешний материальный мир. Этот план – совокупность идеальных мысленных образов, существующих на субстрате человеческого мозга. Создавая мысленные образы, человек действует как мыслящее, духовное существо. На *втором этапе* человек действует как

материальное существо. «Для того чтобы присвоить вещество природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы» [9, с. 188]. Человек воздействует как материальная сила на материальные предметы природы, руководствуясь своими планами, то есть идеальными мысленными образами. При этом сначала используются простые материальные орудия труда, на более высоких этапах развития общества – машинная техника. На *третьем этапе* завершается создание материального продукта – предмета, в котором воплощены планы, мысленные образы человека. Однако ничего идеального, никаких мыслей в продукте материального труда нет, остается лишь материальная составляющая. Мысли «остались» только на субстрате человеческого мозга.

В компьютерном труде происходит усложнение воздействия человека на природу, и материализация мысленных образов осуществляется уже не через три, а по меньшей мере через пять этапов. Отвечая на вопрос, материальна или идеальна компьютерная программа, попытаемся проследить ее функционирование в процессах материального производства.

На *первом этапе* человек использует свои знания, формулирует цель и последовательность действий, которые он собирается осуществить. Это чисто мысленная, идеальная, духовная деятельность (как было и в случае с простым физическим трудом).

На *втором этапе* возникают отличия от физического труда – продумывается и мысленно конструируется не сразу сам продукт труда как таковой, а компьютерная программа, то есть последовательность команд для электронного устройства, которая позволит в конечном счете создать требуемый материальный продукт. Это тоже духовная деятельность, но уже особая, существующая только в информационном обществе – формирование не непосредственного плана преобразования материального предмета механическими или машинными орудиями, а плана действия автоматического контрольного устройства, под управлением которого рабочая машина будет преобразовывать предмет труда.

На *третьем этапе* запускается механизм материализации программы. При необходимости (но совсем не обязательно) она может быть записана на бумажном носителе и в этом случае существует в форме знаковой системы. В аспекте соотношения материального и идеального, объективного и субъективного это уже первый, но пока частичный, неокончательный этап ее материализации. С одной стороны, она становится существующей в объективной форме записью информации посредством материальных знаков, может быть прочитана разными людьми и служит объектом авторского права наравне с книгой или нотами музыкального произведения. С другой стороны, материализация программы еще не завершена. Она записана посредством материальных знаков, но пока не способна функционировать независимо от сознания как самостоятельный материальный объект – не может, например, принимать участие в технологическом процессе производства и действовать наравне с его материальными компонентами. Закодированная в ней

информация может быть прочитана, осмыслена и переведена в знания, но ее содержание не может непосредственно воздействовать на материальный мир, как могут воздействовать друг на друга материальные объекты в природе. Она еще остается системой знаков, не имеющей смысла в отрыве от создавшего ее разума и не способной самостоятельно вызвать какие-либо изменения в окружающем мире.

В практике программирования третий этап материализации программы (в виде записи на бумажном носителе) обычно пропускается и происходит переход сразу к четвертому этапу. На нем преодолевается ограниченность знаковой формы существования программы.

На *четвертом этапе* программа записывается в память машины на вещественный носитель – например, на жесткий диск. Теперь она физически существует как свойство, совокупность ориентаций магнитных диполей, на субстрате которых никакие идеальные, духовные процессы существовать не могут. Диполи – не знаки, а материальные объекты, которые, в отличие от знака, участвуют в процессе труда своими объективными физическими свойствами (знак же мог влиять на материальный мир только через человеческое сознание и направляемую им материальную деятельность организма человека-работника). Роль программы в системе машин состоит в том, что она непосредственно управляет процессом материального производства и становится неким дополнением орудий труда, или специфическим микроскопическим орудием. Микроскопические материальные образования (диполи) воздействуют через необходимые преобразователи на рабочую машину, на орудие труда, являясь дополнительным промежуточным материальным звеном между сознанием и предметом труда.

На *пятом этапе* материализация мысленного образа завершается. Происходит окончательное опредмечивание человеческих целей и планов, которые первоначально существовали в виде идеальных образов. Идеальный образ был формой, способом существования материального содержания, сменяющегося на этапе окончательной материализации материальным содержанием в материальной форме (продуктом труда). В случае успешного завершения всего процесса труда материализуется то явление, которое изначально планировал в своих мыслях человек. «В конце процесса труда, – характеризовал эту ситуацию в индустриальную эпоху Карл Маркс, – получается результат, который в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально» [9, с. 189]. В информационном обществе компьютерная программа тоже материализована в продукте труда, однако никакого «вещества», «субстанции» программы – в отличие от вещества природы – в этом продукте найти нельзя. Аналогичным образом меновые стоимости «не заключают в себе ни одного атома потребительной стоимости» [9, с. 46], а «в стоимость [Wertgegenstandlichkeit] не входит ни одного атома вещества природы» [9, с. 56]. В этом смысле программа также проявляет сходство с другими орудиями труда: в субстанцию продуктов труда не входят ручные инструменты или станки, участвовавшие в процессе производства.

В качестве итога можно отметить, что с созданием компьютерной виртуальной реальности усложняется не просто наше знание о материи, а сама структура материального мира. В нем появляется особая область, обслуживающая взаимодействие классической (традиционной, человекоразмерной, используя выражение В. С. Стёпина) материальной реальности и сферы идеального, сознания. Виртуальная компьютерная реальность, оставаясь материальной, приобретает некоторые особые черты, делающие ее похожей на субъективную реальность – квазиидеальность и квазисубъективность – и нужные для того, чтобы частично замещать как сознание, так и материальную деятельность человека в процессах производства. Это современный этап становления того особого вида труда, который К. Маркс называл всеобщим трудом (general work, universal labor), снимающим противоположность умственного и физического труда [см.: 10, с. 111, 210].

Компьютерные программы и файлы, в отличие, например, от книги – не просто знания, записанные с помощью знаковых систем. Виртуальная компьютерная реальность есть особая часть общественного бытия, материальной жизни общества, в которой Галактика Гутенберга превращается в Галактику Интернет и несет в себе не просто новую организацию знаний, но и новые материальные технологии автоматизированного производства. Компьютерная программа не только содержит информацию как книга, но и самостоятельно управляет технологическими процессами материального производства. Люди, работающие с компьютерными программами и файлами, заняты всеобщим материальным трудом. Они неизбежно приобретают некоторое сходство с работниками классических форм материального труда. Материальный труд эволюционирует от тяжелого физического труда к работе с абстрактными материальными структурами. Отсюда – новый уровень квалификации наемных работников, новый баланс интересов в информационном обществе, новые проявления классовой борьбы, новые типы социальных движений. На особенности этих движений в XXI веке обратил внимание классик теории информационного общества Мануэль Кастельс [см.: 11]. Наиболее глубокие изменения общества и человеческой личности в XXI веке во многом определяются усложнением структуры материального мира, взаимодействия материального и духовного в трудовой деятельности и в том типе культуры, который стал постоянно воспроизводиться в эпоху цифровых технологий. Поэтому социальная философия в информационном обществе начнет, по всей видимости, разрабатывать новую, более сложную концепцию материалистического понимания истории. Противостоящие ей идеалистические концепции общества тоже должны будут неизбежно усложняться.

Список литературы

1. Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 304 с.

2. Вайнберг С. Мечты об окончательной теории: Физика в поисках самых фундаментальных законов природы. Пер. с англ. Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 256 с.

3. История информатики и философия информационной реальности: Учеб. пособие для вузов / Под ред. чл.-корр. РАН Р. М. Юсупова, проф. В. П. Котенко. – М.: Академический проект, 2007. – 429 с.

4. Колин К. К. Философия информации и структура реальности: концепция «четырех миров» // Информационное общество. – 2013. – № 2. – С. 136–147.

5. Грязнова Е. В. Философский анализ концепций виртуальной реальности // Философская мысль. – 2013. – № 4. – С. 53–82. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.4.278.

6. Дубровский Д. И. Проблема идеального. – М.: Мысль, 1983. – 228 с.

7. Орлов С. В. Философия информационного общества: новые идеи и проблемы // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2013. – № 1. – С. 10–24. URL: http://fikio.ru/?p=159 (дата обращения 01.05.2022).

8. Орлов В. В. Психофизиологическая проблема. Философский очерк. – Пермь: Пермский университет, 1966. – 438 с.

9. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том 1 // Маркс К., Энгельс Ф. / Сочинения. Издание 2. Т. 23. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – 907 с.

10. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»). В 2-х ч. Ч. 2. – М.: Политиздат, 1980. – 619 с.

11. Castells M. Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age. – Cambridge: Polity Press, 2015. – 346 p.

References

1. Mach E. The Analysis of Sensations and the Relation of the Physical to the Psychical [*Analiz oschuscheniy i otnoshenie fizicheskogo k psikhicheskomu*]. Moscow: Territoriya buduschego, 2005, 304 p.

2. Weinberg S. Dreams of a Final Theory [*Mechty ob okonchatelnoy teorii: Fizika v poiskakh samykh fundamentalnykh zakonov prirody*]. Moscow: Izdatelstvo LKI, 2008, 256 p.

3. Yusupov R. M., Kotenko V. P. (Eds.) History of Computer Science and Philosophy of Information Reality [*Istoriya informatiki i filosofiya informatsionnoy realnosti*]. Moscow: Akademicheskiy proekt, 2007, 429 p.

4. Kolin K. K. The Philosophy of Information and the Structure of Reality: The Conception of “Four Worlds” [Filosofiya informatsii i struktura realnosti: kontseptsiya “chetyrekh mirov”]. *Informatsionnoe obschestvo* (Information society), 2013, no. 2, pp. 136–147.

5. Gryaznova E. V. Philosophical Analysis of the Concepts of Virtual Reality [Filosofskiy analiz kontseptsiy virtualnoy realnosty]. *Filosofskaya Mysl* (Philosophical Thought), 2013, no. 4, pp. 53–82. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.4.278.

6. Dubrovsky D. I. The Problem of the Ideal [*Problema idealnogo*]. Moscow: Mysl, 1983, 228 p.

7. Orlov S. V. The Philosophy of Information Society: New Ideas and Problems [Filosofiya informatsionnogo obschestva: novye idei i problemy]. *Filosofiya I gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2013, no. 1, pp. 10–24. Available at: http://fikio.ru/?p=159 (accessed 01 May 2022).

8. Orlov V. V. Psychophysiological problem. Philosophical essay [*Psikhofiziologicheskaya problema. Filosofskiy ocherk*]. Perm: Permskiy universitet, 1966, 438 p.

9. Marx K. Capital: A Critique of Political Economy. Vol. 1 [Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii. Tom 1]. *Marks K., Engels F. Sochineniya. Tom 23* (Marx K., Engels F. Works. Vol. 23). Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury, 1960, 907 p.

10. Marx K. Economic Manuscripts 1857–1861 (The Original Version of "Capital"): in 2 parts. Part 2 [*Ekonomicheskie rukopisi 1857–1861. (Pervonachalnyy variant "Kapitala"): v 2 ch. Ch. 2*]. Moscow: Politizdat, 1980, 619 p.

11. Castells M. *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. Cambridge: Polity Press, 2015, 346 p.

УДК 930.1

Факторы упадка аграрных и современных обществ*

Трубицын Олег Константинович – Новосибирский государственный университет, институт философии и права, доцент, кандидат философских наук, Новосибирск, Россия.

Email: trubitsyn77@mail.ru
SPIN: 5197-9813

Авторское резюме

Состояние вопроса: Основная часть теоретических моделей упадка общества разработана на материале аграрных обществ. В настоящее время становится актуальным их критический анализ, важный для определения факторов, которые могут быть причиной упадка современных обществ.

Результаты: Можно выделить два основных подхода к объяснению упадка аграрных обществ. Первый связывает его с деградацией общественной морали, точнее снижением того, что именуется пассионарностью или асабией. Под асабией понимается сочетание таких параметров коллективной психологии как солидарность и энергия. Обычно упадок асабии связывается с вырождением элитных династий. Второй подход связывает упадок общества с финансовым кризисом, вызываемым чрезмерным разрастанием бюрократического аппарата и чрезмерной геополитической экспансией, которая приводит к имперскому перенапряжению.

Область применения результатов: Выявление причин, которые могут приводить общества к деградации, может способствовать выработке стратегии национального развития, реализация которой позволит избежать упадка.

Методы исследования: В работе нашли применение философские и общенаучные методы, в первую очередь сравнение и анализ имеющихся подходов к объяснению общественного упадка.

Выводы: В наше время основной потенциальной причиной общественного упадка является утрата асабии, вызванная длительным периодом благополучия, материального изобилия и безопасности. Это вызвало усиление престижа и влияния такой социокультурной группы как богема с ее специфическим этосом, разрушающим естественную мораль общества.

Ключевые слова: теоретическая история; философия истории; циклические модели развития общества; общественный кризис; распад империй; этос; асабия; пассионарность.

Factors in the Decline of Agrarian and Modern Societies

Trubitsyn Oleg Konstantinovich – Novosibirsk State University, Institute of Philosophy and Law, Associate Professor, PhD (Philosophy), Novosibirsk, Russia.

* © Трубицын О. К., 2022.

Email: trubitsyn77@mail.ru

Abstract

Background: The main part of the theoretical models of the decline of society has been developed on the basis of agrarian societies. At present, their critical analysis is relevant, which is important for determining the factors that may be the cause of the decline of modern societies.

Results: There are two main approaches to explaining the decline of agrarian societies. The first one associates it with the decline of public morality, or rather the decline of what is called passionarity or asabiyya. Asabiyya is a combination of such parameters of collective psychology as solidarity and energy. Usually the decline of asabiyya is associated with the degeneration of elite dynasties. The second approach relates the decline of society to the financial crisis caused by the excessive growth of the bureaucracy and excessive geopolitical expansion, which leads to imperial overstrain.

Implications: The reasons that can lead societies to decline are identified. They contribute to the development of a national strategy, the implementation of which will avoid national decline.

Research methods: Philosophical and general scientific methods are used in the work, first, comparison and analysis of existing approaches to explaining social decline.

Conclusion: In our time, the main potential cause of social decline is the loss of asabiyya, caused by a long period of prosperity, material abundance and security. This caused an increase in the prestige and influence of such socio-cultural groups as bohemia with its specific ethos that destroys the natural morality of society.

Keywords: theoretical history; philosophy of history; cyclic models of society development; social crisis; collapse of empires; ethos; asabiyya; passionarity.

Философия, как известно, начинается с удивления. Одно из наиболее удивляющих явлений в социальной истории – регулярно обнаруживаемая цикличность в развитии различных обществ, их весьма распространенная неспособность предотвращать упадок, который может достигать катастрофических масштабов. Возникает вопрос о том, «почему со временем погибает успешный и выдвинувшийся в лидеры социальный организм» [1, с. 161]? Интуитивно кажется, что капитал различного происхождения имеет тенденцию к самовозрастанию, что успех должен приводить к последующему успеху, и что успешные общества должны сохранять и увеличивать свои преимущества. Отсюда вызывает определенное недоумение историческая загадка, которую хорошо сформулировал В. Шутов: «Действительно, почему такой организм, имеющий налаженную структуру, связи, обладающий набором преимуществ, вдруг распадается, уступая свое место под солнцем? Вроде бы все должно безотказно работать на поддержание его лидирующего положения, поскольку он имеет:

– преимущественные возможности нахождения на передовых рубежах знания;

– возможность эксплуатации слабых социальных организмов;

– способность концентрации в необходимом направлении значительных средств, в том числе экономических, военных, непосильную для слабых организмов;

– возможность своевременного пресечения нежелательных действий со стороны как внешних, так и внутренних врагов;

– возможность успешной идеологической обработки населения, основанную на лидерстве» [1, с. 161].

Таким образом, регулярность падения некогда успешных обществ, в том числе лидеров своего времени, наводит на мысль о существовании фундаментальных причин и механизмов загнивания и гибели обществ. Под обществами здесь подразумеваются социальные системы высшего уровня, то есть не являющиеся элементами системы более высокого порядка[1], важнейшим свойством которых становится наличие центральной власти на определенной территории. По сути имеются в виду политии имперского или иного типа.

Существует ряд теорий (подробнее о них речь пойдет далее) циклического подъема и упадка обществ, чаще всего политий имперского типа. В них под подъемом, как правило, подразумевается в первую очередь территориальная экспансия, а под упадком – потеря территорий или крах государства в результате его распада или утраты независимости. Предельный случай негативного варианта неспособности общества справиться с кризисом, результат тотального упадка можно обозначить также как коллапс. Дж. Даймонд определяет коллапс следующим образом: «Под коллапсом я подразумеваю резкое падение численности населения и / или потерю политических, экономических, социальных достижений на значительной территории на продолжительное время» [3, с. 9].

Эти модели циклического подъема и упадка разработаны на материале доиндустриальных обществ и потому, за некоторым исключением, претендуют только на объяснение исторических событий прошлой эпохи, но не современности. Как указывает П. Турчин, «…проблема с изучением индустриальных и постиндустриальных государств заключается в том, что перемены в них происходят слишком быстро, а общества становятся слишком сложными… Более того, мы слишком близки к этим обществам, и нам тяжело объективно их исследовать» [4, с. 41]. Тем не менее в данной работе делается попытка наметить перспективные подходы к расширению сферы применения модели циклического подъема и упадка государств на современные общества с упором на объяснение причин упадка.

Для этого также требуется расширить объем понятий «подъем» и «упадок», не ограничивая их исключительно сферой геополитики, как это чаще всего делается. Подъем состоит в успешном развитии военного дела, хозяйства,

[1] Системность глобального уровня, например, уровня современной капиталистической мир-системы в расчет не берется. Признается, что «полная самостоятельность не является абсолютно необходимым предварительным условием определения социальной системы как общества. Для того, чтобы быть обществом, социальная система должна обладать своим собственным внутренним ″центром тяжести″, то есть иметь свою собственную систему власти в рамках своих собственных границ. Кроме того, она должна иметь свою собственную культуру» [2, с. 344].

культуры данного общества, территориальной экспансии и росте численности населения. При сопоставлении нескольких обществ более развитым логично признать то, которое обладает явными преимуществами по некоторым из этих параметров и, по крайней мере, не уступает существенно по другим. В современную эпоху более значимыми становятся параметры технолого-экономического и культурного характера, обеспечивающие так называемую «мягкую силу» государства. В прежние эпохи ключевыми были геополитические параметры – военная сила и способность использовать ее для территориальной экспансии. Однако и в наше время геополитические и демографические параметры не стоит сбрасывать со счета.

Соответственно задача статьи состоит в том, чтобы извлечь из имеющихся теорий циклического развития политий представления о факторах упадка и попытаться применить их к обществам современного типа.

Прежде чем перейти к собственно моделям циклического развития обществ, для которых упадок – это закономерная часть жизненного цикла социальных организмов, кратко отметим наличие различного рода теорий, для которых упадок или коллапс обществ не является закономерным или не объясняется действием циклических механизмов. Сюда относятся различные однофакторные модели, связывающие упадок обществ с каким-либо определенным обстоятельством, не возникающим закономерным образом в процессе жизнедеятельности общества. Например, в своей книге «Коллапс» Дж. Даймонд анализирует такую распространенную причину этого явления как экологический кризис. Здесь основной действующей причиной выступает неспособность определенного общества выработать культуру, позволяющую ему функционировать без побочного эффекта в виде катастрофического разрушения его природной среды. Главными ответственными за такой исход чаще всего являются политические элиты данного общества, принимающие неверные, безответственные с точки зрения экологии и долгосрочного выживания социума решения. (Впрочем, нужно заметить, что основная часть приводимых им примеров – это не сложные цивилизованные общества, а относительно примитивные этнические общности.) Об экологических и, шире, природных факторах упадка и гибели обществ, в том числе крупных цивилизаций, писали и многие другие исследователи. Например, Платон описывал гибель Атлантиды в результате природной катастрофы, выступающей случайным обстоятельством по отношению к истории социума. Другие философы, представители более поздних эпох, опирались на более достоверные, научно подтверждаемые исторические случаи упадка и гибели цивилизаций, в которых значительную, если не решающую роль также сыграли обстоятельства природного характера. Так, Л. Гумилев объясняет крушение Римской империи ссылкой на два фактора, имеющих природные основания: основной – снижение уровня пассионарности из-за исчерпания импульса, полученного от потоков космической энергии, и производный от него – экологический кризис, вызванный антропогенным воздействием [см.: 5, с. 212]. Впрочем, модель Л. Гумилева в полной мере относится к числу циклических

моделей исторической динамики, поэтому она будет более подробно рассмотрена далее.

Существуют также различные многофакторные модели, согласно которым упадок общества является не закономерным, но, напротив, выступает результатом относительно случайного стечения ряда обстоятельств. Обычно таковыми являются объяснения упадков некоторых конкретных обществ, даваемые не философами и не представителями теоретической истории, а историками-эмпириками. В качестве примера можно привести объяснение, которое дают современные историки случаю кризиса средиземноморских цивилизаций бронзового века. Эта совокупность локальных цивилизаций эпохи древности представляла собой мир-систему в форме слабоинтегрированной международной рыночной сети. До определенного времени они процветали в условиях относительно развитого международного разделения труда, но затем эту мир-систему постигли крах и дезинтеграция, а составляющие ее общества пришли либо к временному упадку, либо к окончательному коллапсу. Современные историки по-разному оценивают причины этого события, сейчас преобладают многофакторные схемы, когда среди причин краха цивилизаций бронзового века называют стихийные бедствия, иноземные нашествия и др. Но чаще всего причиной называют крах международной торговли из-за пиратства [см.: 6; 7]. О. Дикинсон даже называет это «издержками глобализации», то есть платой за взаимозависимость [см.: 7]. Называть это «глобализацией» неверно, поскольку это была лишь локальная слабоинтегрированная рыночная сеть. Тем не менее ее дезинтеграция способствовала краху или стагнации ряда участвующих в ней обществ. Поскольку в качестве одной из ключевых первопричин упадка средиземноморских цивилизаций бронзового века называются стихийные бедствия – форс-мажорное по отношению к социальным процессам обстоятельство, то из данного частного объяснения не выводятся общие закономерности циклического характера. Хотя все же такая причина упадка как распад системы международного разделения труда может претендовать на роль универсального объясняющего фактора.

Теперь перейдем к собственно циклическим моделям. О наличии циклических тенденций в развитии общества говорили еще в древности. В качестве примера можно привести сохраняющую, как нам кажется, определенную актуальность классическую работу Платона «Государство». Согласно Платону, типичный полис проходит путь регресса из пяти ступеней – форм правления. При удачном стечении обстоятельств полис может вернуться к наилучшей форме устройства и пройти цикл заново (преодолеть порочную тенденцию к упадку можно лишь путем построения идеального государства). Первоначальным, наилучшим из реально встречающихся форм правления является монархическое или аристократическое государство – правление наиболее достойных людей, самоотверженно следующих своему долгу и заботящихся об общем благе. Основное объяснение деградации правильного государства, предлагаемое Платоном, не соответствует современной научной картине мира, поскольку отсылает к астрологии и нумерологии. Зачатие детей должно происходить не произвольно, а в соответствии с «научными» законами,

и «коль это останется невдомек нашим стражам и они не в пору сведут невест с женихами, то не родятся дети с хорошими природными задатками и со счастливой участью» [8, с. 390]. Но помимо этого Платон указывает и на рациональную причину деградации аристократического государства – соперничество аристократов, постепенно утрачивающих аристократические моральные достоинства, которое приводит к отказу от общности имущества и появлению института частной собственности. В результате устанавливается первая порочная форма правления – тимократия, господство честолюбцев, жадных до личной воинской славы и добычи. Далее, «скопление золота в кладовых частных лиц губит тимократию…» [8, с. 395]. Потомки военных предпринимателей-авантюристов, выросшие в условиях материального изобилия и безопасности, выше ценят комфорт и блага, даваемые богатством – следовательно, больше ценят богатство, чем воинскую славу. Таким образом они превращаются в буржуа-олигархов. Про вырождение олигархии Платон пишет следующее: «Благо, выдвинутое как конечная цель – в результате чего и установилась олигархия, – было богатство… А ненасытное стремление к богатству и пренебрежение всем, кроме наживы, погубили олигархию» [8, с. 412]. Его пассаж про судьбу олигархического государства кажется пришедшим из далекого будущего – из манифеста коммунистической партии: динамика олигархического режима приводит к росту неравенства, депривации и вызывает классовую борьбу, которая приводит к победе бедного большинства. Саму же демократию в конце концов губит ненасытное стремление к свободе, раздувающее индивидуалистический эгоизм и провоцирующее моральную вседозволенность, что разрушает полисный коллективизм.

При всей своей кажущейся архаичности модель Платона выдвигает вполне современные и достойные рассмотрения предположения о значимости фактора общественной морали, господствующих ценностей, этоса различных социокультурных групп. Не лишенной смысла выглядит выявленная им закономерность движения от аристократического правления к олигархическому, демократическому и, наконец, тирании. Государства модерна уже прошли путь от аристократических монархий (больше похожих на тимократию в схеме Платона) к чистым олигархиям (причем нередко это происходило путем обуржуазивания аристократии). В XX веке олигархии заменяются демократическими режимами, которые первоначально были по большей части ширмами, скрывающими ту же олигархию. Однако со временем динамика формально демократических режимов все чаще приводит к подъему популистских режимов, похожих на демократию в описании Платона. Так что возможно стоит присмотреться к гипотезе Платона о том, что демократия со временем вырождается в тиранию. Причем, согласно принципу Платона, это скорее может произойти в наиболее радикальных демократиях, ненасытно стремящихся к ложно понятым свободе и справедливости.

Для некоторых парадигм современной философии истории, в частности для цивилизационного подхода, утверждение о том, что общества проходят стадии подъема, расцвета, надлома и упадка является одним из базисных

положений, начиная с Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера. Впрочем, у О. Шпенглера объяснение этого процесса носит ненаучный характер и связывается с умиранием души культуры. Согласно модели развития цивилизаций А. Тойнби [см.: 9], результаты кризисов зависят не только от их причин и интенсивности, но и от того, какой ответ дает данное общество на вызов кризиса, с которым оно столкнулось. Кризис представляет собой не только угрозу, но и новые возможности. В случае нахождения положительного ответа преодолевшее кризис общество получает новый импульс для развития. Если же положительного ответа не найдено, то общество переживает упадок, может даже полностью погибнуть. У А. Тойнби появляется рациональное объяснение причин этого упадка: истощение творческой энергии и волевых качеств у господствующей элиты (творческого меньшинства), снижение их способности находить ответы на вызовы для общества, вести за собой народ и морального авторитета, побуждающего народ следовать за ними. Однако в модели А. Тойнби остается открытым вопрос, почему же происходит это оскудение творческих способностей элиты?

Методологической особенностью цивилизационного подхода является то, что его сторонники рассматривают в качестве единицы исторического развития не отдельные общества-государства, а цивилизации – сообщества таких обществ. Однако то, что верно для цивилизации в целом, верно и для ее составных элементов. То есть упадок цивилизации должен вести к упадку составляющих ее обществ. На практике мы можем видеть различные ситуации, не вписывающиеся в цивилизационную модель. Упадок цивилизации в смысле гибели определенной культуры не всегда приводит к гибели или упадку общества – носителя этой культуры. Так, Древняя Русь, приняв христианство и перестав быть языческой, продолжила свое поступательное развитие. Иран, потеряв независимость во время арабского нашествия, одновременно с этим утратил зороастрийскую культуру, но затем, став шиитским, пережил (неоднократно) свое возрождение. В то же время упадок отдельных обществ, входящих в определенную цивилизацию, не обязательно сопровождается упадком других членов этой цивилизации. Например, в рамках Европы упадок испытал целый ряд обществ. Так, Португалия после подъема XVI века пережила долгосрочный упадок и даже в период максимального могущества Европы в начале XX века оставалась бледной тенью самой себя четырехсотлетней давности.

Л. Гумилев [см.: 5], во многом критически относившийся к теории А. Тойнби, создал сходную в принципиальных чертах модель исторической динамики общества. По Л. Гумилеву, подъем общества связан с тем, что государствообразующий этнос получает некий пассионарный импульс – заряд энергии, который тратится на развитие данного общества, постепенно истощаясь. Для каждой стадии развития общества характерен свой уровень пассионарности и соответствующие ему ценности и идеалы. Надлом происходит, когда стремление к идеалу победы, характерное для акматической фазы, сменяется стремлением к идеалу успеха, затем стремлением к идеалу знания и красоты и наконец поиску удачи с риском для жизни. Переход к

инерционной фазе связан со стремлением к благоустройству без риска для жизни. После чего наступает фаза обскурации, когда тихие обыватели ведут жизнь, адаптированную к биоценозу ареала. Как указывает П. Турчин, при всей своей спорности теория Л. Гумилева справедливо поднимает вопрос о том, что «этния и полития, возможно, составляют одно динамическое целое» [4, с. 85]. Его другая «потенциально плодотворная гипотеза заключается в том, что существует сходство процесса этногенеза с расширенной коллективной солидарностью» [4, с. 85].

Как можно заметить, Л. Гумилев связал фазы этногенеза и, следовательно, подъем и упадок общества с определенными уровнями морально-волевых характеристик государствообразующего этноса и особенно его элиты. Впрочем, объяснение этому он дал малоубедительное, точнее говоря, не верифицируемое методами современной науки. Состояние морально-волевых характеристик он объяснил уровнем пассионарности[2], источником которой выступает экзогенный и непредсказуемый фактор – космическое излучение. Таким образом, Л. Гумилев, как и А. Тойнби, связал упадок общества с деградацией определенных качеств и способностей элиты, но также не дал убедительного объяснения причин данного морально-психологического упадка.

В. Шутов [см.: 1, с. 163] полагает главной причиной упадка общества низкую вертикальную мобильность, при которой элита наследственно воспроизводит себя, не удаляя из своих рядов испорченных представителей и не кооптируя новых членов извне. Вырождение элиты провоцирует деградацию общества в целом: верхи не дают остальным повысить свой статус с помощью труда и талантов, но соблазняют их собственным демонстративным потреблением и гедонизмом. Как мы видим, данная модель также, как и предыдущие указывает на связь общего упадка политии с вырождением ее элиты, но здесь этому дается рациональное объяснение. Эта трактовка близка к версии, выдвинутой в свое время В. Парето, который также указывал на тенденцию постепенного вырождения элиты. Циклический характер исторического процесса согласно В. Парето обусловлен феноменом «новых элит, которые в ходе непрерывной циркуляции возникают из нижних слоев общества, достигают высших слоев, расцветают, а затем приходят в упадок, разрушаются и исчезают» [цит. по: 11, с. 458]. Однако институциональные ограничения для циркуляции элит по Парето приводят скорее к революции и принудительной радикальной ротации элит, чем к постепенной долговременной деградации общества.

Рассмотренные выше модели настойчиво связывают упадок общества с упадком морально-психологических качеств его элиты, что побуждает серьезно рассматривать данный фактор в качестве объясняющей гипотезы. Однако само вырождение элиты при этом не получило в них достаточно убедительного

[2] «Человек увлеченный (или патриотической деятельностью, или реформаторской деятельностью, или научной деятельностью, или даже искусством) мало обращает внимания на свою семью, на свое богатство, на свой достаток, даже на свое здоровье. Он жертвует ими и при этом он – счастлив! Вот это и есть пассионарность…» [10, с. 134].

объяснения. Династический элитаризм и отсутствие циркуляции элит при институционально обусловленной низкой вертикальной мобильности объясняют то, почему вырожденная элита, не способная справиться с вызовами для общества, не заменяется на более адекватную. Но из истории мы знаем примеры и того, как определенные аристократические династии веками успешно справлялись со стоящими перед обществом задачами, и того, как новые элиты оказывались совершенно не на высоте возникающих перед обществом вызовов. То есть получается, что нет жесткой неизбежности в быстром моральном вырождении второго-третьего или какого-то еще определенного поколения элиты, как нет и гарантии, что даже первое поколение новой элиты будет достойно своего положения. Таким образом, фактор вырождения элиты в случае режима династического элитаризма следует учитывать при объяснении упадка общества, но необходимо также найти факторы, объясняющие само это вырождение.

Теперь попробуем подойти к проблеме с другой стороны – со стороны структурных факторов упадка политий. Ш. Айзенштадт [см.: 12] рассматривает причины имперского распада, связывая их со свойствами данной политической организации. Политически централизованная империя обладает таким достоинством как способность благодаря дани, налогам и монополии в торговле перераспределять экономические потоки в центр, что позволяет финансировать имперский административный аппарат и армию. Но обратной стороной имперской политической организации является стремление бюрократии поглотить слишком большую долю доходов. Эта проблема обостряется, когда чрезмерное налоговое давление, эксплуатация и репрессии провоцируют мятежи, что дополнительно увеличивает военные издержки. Это требует увеличения поборов ради содержания армии, что порождает порочный круг, ведущий государство к распаду.

Модель Ш. Айзенштадта имеет в себе здравое зерно: рост притязаний элиты, в том числе имперской бюрократии (но не только) может способствовать кризису определенного политического режима и государственности как таковой из-за финансового перенапряжения и чрезмерной эксплуатации, ведущей к мятежам. Однако это слишком упрощенная модель. Едва ли одного этого фактора достаточно, чтобы привести не просто к смене династии или режима, но к тотальной деструкции мощного государства. Что касается чрезмерной бюрократизации с ее негативными последствиями, то это больше касается не традиционных империй аграрной эпохи, а национальных государств эпохи модерна. М. Вебер утверждал, что бюрократизация является составным элементом общей тенденции рационализации и модернизации общества, соответственно именно высоко модернизированные государства являются и наиболее бюрократизированными. Однако наиболее бюрократизированные государства пока к окончательному упадку не пришли, а когда придут, то вряд ли именно бюрократизация станет главной причиной этого. Напротив, это именно развитая бюрократия по всей видимости удерживает от государственного распада некоторые наиболее деградировавшие постсоциалистические страны. Бюрократия как правило

выступает в качестве консервативного элемента социальной системы – нередко она тормозит развитие общества излишней регламентацией, ограничениями инициативы и налогами, но она же тормозит и процессы социальной энтропии.

Рассмотрим теперь геополитические теории упадка политий. П. Кеннеди [см.: 13] пишет о причинах подъема и упадка обществ одного определенного типа – политий в форме империи. Он указывает на связь социально-экономического развития государств с их военными и геополитическими успехами. Однако он избегает однозначной формулировки в виде строгих законов и утверждает, что конвертация экономического богатства в военную мощь не является чем-то совершенно необходимым; скорее это значимый фактор, наряду с политическим искусством правителей. Более подробно подъем общества к его расцвету и могуществу объясняется сочетанием нескольких обстоятельств. В конкуренции держав изначальным преимуществом обладает та, которая лучше обеспечена природными и демографическими ресурсами. Но более важны факторы, порождаемые действием эффективных социальных институтов. Прежде всего, это способность общества постоянно генерировать технологические инновации. С ними связаны в свою очередь экономическая и финансовая мощь. Наконец, значимы также факторы субъективного и культурно-психологического порядка, в частности готовность народа сражаться и переносить лишения, способность правителей избегать грубых ошибок. Страны-лидеры – это те, кто в свое время проявил бóльшую волю и энергию, бóльшую гибкость и способность к самореформированию. Они успешнее развивались в экономическом плане, что позволило создать достаточную ресурсную базу для геополитической экспансии. В целом его выводы в данном пункте кажутся достаточно очевидными: военная мощь в конечном счете зависит от экономического и технологического развития. Более интересны и своеобразны его рассуждения о политическом искусстве правителей. Правящие элиты любой амбициозной державы сталкиваются с проблемой ограниченности ресурсов, находящихся в ее распоряжении. Соответственно ресурсы должны быть оптимальным образом распределены между тремя сферами, а именно а) военными структурами и ВПК, б) социальной сферой и в) экономикой. С одной стороны, недооценка значимости военного потенциала может привести к поражению в войне, что очевидно негативно скажется на статусе страны, а может привести и к полному коллапсу излишне «пацифистской» державы. С другой стороны, выбор в пользу «пушек» вместо «масла» может привести к недофинансированию социальной сферы, что подорвет уровень жизни населения и снизит его лояльность, либо к недофинансированию экономики и инфраструктуры, что подорвет долгосрочный экономический рост и в конце концов оставит страну без средств на военную и социальную сферы. Однако чаще всего крах империи бывает связан с тем, что успешная империя не останавливается вовремя в своей экспансии, что приводит к непосильному «имперскому перенапряжению». Это связано с тем, что геополитическая экспансия дает дополнительные преимущества в краткосрочном плане, но создает проблему роста издержек контроля в долгосрочном плане.

В чем можно с П. Кеннеди согласиться? Очевидно, что экономическое и технологическое развитие являются значимыми параметрами общего успешного развития общества, а также могут быть источником ресурсной базы для военного успеха и решения социальных проблем. Также и в плане демографии более высокий уровень материальной обеспеченности, который предоставляет успешное технико-экономическое развитие, сам по себе способствует более высокой рождаемости. Однако экономический подход к развитию общества предполагает скорее кумулятивистскую модель, когда накопленное богатство порождает новое богатство, а технологическое лидерство способствует дальнейшему технологическому лидерству. Этот подход плохо объясняет циклические процессы и случаи упадка былых лидеров, которыми полна Всемирная история. Кроме того, даже в наши дни, когда значимость экономического и технологического факторов достигла максимума, они не позволяют объяснить демографической и нередко также военной успешности того или иного общества. Наибольший демографический прирост демонстрируют сейчас наименее развитые в технико-экономическом плане общества благодаря преимуществу отсталости в деле женской эмансипации и относительно низкому распространению гедонистических установок в общественной психологии, что более чем компенсирует низкий уровень жизни и высокую смертность. Нередки также случаи, когда партизаны с примитивным вооружением изгоняли со своей территории армии мощнейших держав, вооруженных по последнему слову военной техники.

Справедливым кажется утверждение П. Кеннеди, что правительство должно уметь наиболее правильно распорядиться ограниченными ресурсами для успешной игры на «мировой шахматной доске». Также каждому имперскому правительству стоит учитывать угрозу чрезмерного расширения и имперского перенапряжения. Но важнейшими и первейшими качествами правящей элиты являются не высокая интеллектуальная изощренность, позволяющая тщательно просчитывать все ходы, а наличие чувства долга и ответственности перед своей страной, патриотизма и готовности к самопожертвованию. Моральное вырождение элиты, как правило, предшествует интеллектуальному и способствует ему. Кеннеди принимает элиту с ее качествами и способностями как данность, не пытаясь объяснить, а почему собственно та или иная элита определенной страны в определенный период ее существования оказывается наделенной или не наделенной соответствующими качествами.

Далее необходимо упомянуть о геополитической теории государственного распада Р. Коллинза [см.: 14]. Согласно его модели, крах имперского государства является непредумышленным следствием его же предыдущего геополитического успеха. Обладающее преимуществами в ресурсах и геостратегическом положении (так называемое окраинное положение) государство расширяется за счет менее обеспеченных ресурсами и менее удачно расположенных стран. Однако, включая в свой состав иноэтнические регионы и расширяя свои границы, экспансионистская империя сталкивается рано или поздно с негативными эффектами от своего успеха.

Поглощая центральные области, некогда окраинная держава сама становится центральной, а, следовательно, начинает сталкиваться с потенциальными угрозами одновременно с нескольких сторон. Граница становится слишком протяженной и удаленной от центра метрополии, что требует все больших ресурсов на содержание армии. Включенные в состав империи иноэтнические группы начинают расшатывать ее изнутри, особенно когда она сталкивается с серьезными внешними вызовами. В конце концов эта необходимость противостоять множеству внешних и внутренних противников, причем удаленных от центра империи, приводит к финансовому кризису. Банкротство делает невозможным эффективное выполнение государственных функций, в том числе по сохранению целостности страны, и она распадается. При этом может происходить и внутриполитический кризис в метрополии, приводящий к смене режима, поскольку имперский кризис чрезмерного расширения и вызванный им распад империи приводят к снижению легитимности господствующего режима. Р. Коллинз таким образом более подробно и обоснованно развивает идею о роли имперского перенапряжения, которая также присутствует в виде наброска в работе П. Кеннеди.

Данная модель обладает как своими достоинствами, так и недостатками. Будучи именно «геополитической», теория Р. Коллинза по большей части ограничивается действием геополитических факторов и оценивает преимущественно геополитические же проявления упадка общества. Таким образом она может быть скорее дополнением к основной модели, чем ее ядром. Но и с геополитической точки зрения к ней имеются претензии. П. Турчин, проведя математическую проверку гипотезы Р. Коллинза на обширном эмпирическом материале, пришел к выводу, что окраинное положение сравнительно редко является предпосылкой успешного имперского проекта. Также, по его мнению, «геополитические переменные (в узком смысле) не могут объяснить длительного (столетие или более) характера упадка империй. Такие геополитические переменные, как тыловая нагрузка и потеря преимуществ пограничного положения, начинают работать без запаздывания во времени» [4, с. 65]. С другой стороны, теория Р. Коллинза не имеет ограничений в плане применимости как к аграрным, так и к современным обществам.

П. Турчин утверждает, что его собственная теория исторического цикла подъема и упадка обществ в наибольшей мере подтверждается математическим моделированием и эмпирическими данными. Сама эта теория проистекает из двух источников – неомальтузианской структурно-демографической теории и модели исторического цикла, предложенной средневековым арабским мыслителем Ибн Халдуном. По сути она соединяет основные утверждения двух рассмотренных ранее подходов – связывающего упадок общества с вырождением элиты и связывающего его с действием геополитических факторов.

Подход Ибн Халдуна, являющийся одним из исторически первых вариантов модели элитного вырождения, можно также назвать теорией асабии – по той роли, которую играет в ней данное явление. Асабия – морально-

психологическая характеристика определенной группы, обозначающая высокий уровень групповой сплоченности и воли к действию. Иначе говоря, это способность группы предъявлять требования и оказывать сопротивление. Группа с более высокой асабией способна установить свою власть над остальным обществом, сохраняться на длительном промежутке времени и расширяться за счет других групп с относительно низкой асабией. Если использовать современные понятия, то асабия – это аналог социального капитала и является результатом общения, дружбы, длительного сотрудничества[3]. То есть получается, что общество порождается и поддерживается сообществом определенного рода, являясь не только совокупностью формальных институтов, но и воплощением солидарности, основанной на общности ценностей.

П. Турчин пытается эндогенезировать асабию, то есть определить факторы роста или снижения коллективной солидарности. В результате своего исследования он приходит к выявлению трех факторов.

1. Конфликтность окружающей среды: расположение в безгосударственной среде или на границе ведет к сплачивающей группу внешней угрозе.

2. Плотность населения: при ее росте возникает конкуренция за ограниченные ресурсы, что ведет к росту внутренней конфликтности и снижению сплоченности.

3. Расположение возле глубокого метаэтнического разлома способствует усилению асабии.

В процессе этногенеза (как и в модели Л. Гумилева) первоначально происходит рост асабии и возникает движение к созданию и расширению государства. Как можно заметить, переменные № 1 и 3 – геополитические; они связывают импульс к расширению государства с вызовом внешней угрозы (как у А. Тойнби). Переменная же № 2 подводит нас к структурно-демографической теории.

П. Турчин развивает идеи другого представителя структурно-демографической теории – Дж. Голдстоуна. Голдстоун модернизировал теорию Ибн Халдуна, связавшего упадок государства со снижением асабии и финансово-экономическим кризисом, вызванным демографическим ростом и ростом претензий элиты. Согласно Дж. Голдстоуну, в аграрном обществе действует циклическая динамика: рост населения ведет к снижению продукции на душу населения, следовательно, к снижению излишка, доступного государству, что провоцирует финансовую неплатежеспособность государства, а банкротство приводит к коллапсу государства и снижению численности населения. П. Турчин предлагает усложнить модель отдельным рассмотрением народа и элиты и их взаимодействия. В период демографического роста численность элиты растет опережающими темпами. Сначала это способствует укреплению государства, но затем приводит к перепроизводству элиты,

[3] Стоит отметить, что о том, что основой устойчивой общественной (полисной) организации является *дружба,* писал еще Аристотель [см.: 15].

вызывающему рост расходов и снижению доходов государства и, в конце концов, его банкротству. При этом П. Турчин формулирует следующую гипотезу: «В то время как динамика государства на коротком промежутке времени может в большей степени зависеть от асабии его элит, долговременный успех (или неудача) очень сильно зависит от асабии народных масс» [4, с. 236].

Напоследок стоит рассмотреть еще одну интересную модель исторического цикла подъема и упадка, предложенную Дж. Глаббом [см.: 16]. Он провел сравнительное исследование ряда ближневосточных держав и сформулировал обобщенную модель типичного жизненного цикла аграрного государства. В среднем они существуют по 250 лет и проходят несколько последовательных стадий (по сути тот же цикл Ибн Халдуна): от вторжения варваров через расцвет, последующую деградацию и гибель. Модель Глабба имеет много общего не только с концепцией асабии Ибн Халдуна, но и с концепцией пассионарности Л. Гумилева. Дж. Глабб, конечно, не использует термин «пассионарность», но также начинает описание цикла с того, что некий варварский народ – толпы неграмотных и авантюрных племен получают какой-то «толчок» и атакуют цивилизованных соседей. Завоеватели характеризуются преобладанием «естественной» этики, то есть верностью «своим», доходящей до самопожертвования, чувством долга, храбростью и жестокостью. После своего возникновения варварское государство начинает экспансию. Варвары перенимают военные методы старых империй, совершенствуют, изобретают новые, что ведет к военному успеху и территориальной экспансии, покорению других народов и созданию собственной империи. Экспансия ведет к объединению под одной властью разных народов и территорий, созданию единого пространства с общим рынком. Исчезают торговые барьеры в лице дорожных грабителей и таможенных постов, что ведет к расцвету торговли и обогащению торговцев. Постепенно растет материальное изобилие, особенно богатство буржуазных слоев. Экономический подъем буржуазии ведет к усилению ее влияния и культурного престижа. Буржуазные ценности начинают вытеснять воинскую этику: традиционные добродетели постепенно обесцениваются, выгода вытесняет долг и честь, растет эгоизм, ценятся упорство, трудолюбие, накопительство и коммерческая предприимчивость. Затем наступает эпоха разума, когда олигархи-меценаты спонсируют науку и искусство ради стремления к признанию. В созданных ими университетах расцветает отвлеченный интеллектуализм, вера во всемогущество разума, скептицизм к традиционным верованиям. Начинается активный приток иностранцев в становящиеся мультикультурными космополисами города. Наконец, наступает эпоха упадка. Устанавливается доминирование популизма в политике, что, в частности, проявляется в расширении социальных программ («хлеба и зрелищ»!) на фоне финансового кризиса[4]. Наблюдается

[4] «Беспорядки, последовавшие после переворота 861 года и развал империи привели экономику к хаосу. Можно было ожидать, что в этот момент каждый предпримет еще большие усилия, чтобы спасти страну от банкротства, но ничего подобного не произошло. В этот момент обрушившейся торговли и нехватки финансов жители Багдада проголосовали за введение пятидневной рабочей недели. Когда я читаю эти описания Багдада в

социокультурное доминирование богемы и ее ценностей, когда героями становятся певцы, актеры, спортсмены. Процветает толерантность, любовь к иностранному. Происходит рост атеистических и скептических настроений, социального пессимизма, гедонизма и половой распущенности. Появляются тенденции и движения, наподобие современного феминизма. Упадок воинской и деловой этики (буржуазных добродетелей) приводят к тому, что военное могущество, а за ним и богатство страны начинают уменьшаться. В конце концов такая держава оказывается не в состоянии оказать сопротивление вторжению извне варваров, которые уничтожают выродившееся общество и устанавливают свои порядки, утверждают ценности, основанные на естественной этике. Цикл замыкается и начинается снова с новым участниками.

Из теории Дж. Глабба, представляющей собой описание логической последовательности стадий развития и деградации общества, можно извлечь факторную модель государственного упадка. Непосредственной причиной падения держав прошлого обычно выступало вторжение варварских племен или иных народов, находившихся на более ранней фазе своего жизненного цикла. Но фактором падения стоит признать не столько само иноземное нашествие, сколько неспособность данной державы оказать эффективное сопротивление. Эта неспособность проистекает из морально-психологического фактора – отказа от традиционной («естественной») морали, снижения военного могущества и финансово-экономического кризиса. Причем ключевым является морально-психологический фактор, способствующий упадку общества как непосредственно, так и косвенно – через военный и экономический упадок. Предпосылкой же упадка морали выступает длительное благополучие, материальное изобилие и безопасность жизни в успешной империи.

Можно заметить существенные сходства между большинством представленных выше подходов. Крах аграрной империи обычно происходит вследствие неспособности ее властей организовать эффективное сопротивление иноземным захватчикам или сепаратистам, как правило представителям нетитульного этноса. Однако крах – это лишь одно из возможных последствий длительного упадка общества, которое может и не наступать достаточно долго при отсутствии сильного внешнего вызова. Главные предпосылки упадка общества лежат не в плоскости силы вызова, а в плоскости неспособности общества дать адекватный ответ на него. Большинство исследователей (Ибн Халдун, Ш. Айзенштадт, П. Кеннеди, П. Турчин, Р. Коллинз, Дж. Глабб) указывают на такое обстоятельство, делающее государство недееспособным, как финансовый кризис, иногда доходящий до банкротства. Без денег невозможно эффективно вести длительную войну, также как и содержать аппарат чиновников и полицейских, без которых нельзя удерживать контроль над территорией и подавлять сепаратизм. Сам этот финансовый кризис может вызываться демографическим давлением (следовательно, крестьянским

X веке, я с трудом верю своим глазам. Я говорю себе – это наверняка шутка! Поскольку эти описания могли быть взяты из сегодняшнего номера «Таймс». От сходства деталей перехватывает дыхание – развал империи, сексуальная аморальность, «поп» исполнители с гитарами, женщины на новых профессиях, пятидневная [рабочая] неделя. Я даже не буду пытаться объяснить это!» [16, с. 15].

малоземельем и перепроизводством элиты) или ростом тыловых нагрузок вследствие чрезмерного расширения. Еще более значимой причиной упадка дееспособности государства, чем финансовые проблемы, является морально-психологический упадок, описываемый Л. Гумилевым как снижение пассионарности, а Ибн Халдуном – как снижение асабии. О тенденции межпоколенческого вырождения элиты говорят Платон, В. Шутов и В. Парето. П. Турчин, А. Тойнби и Дж. Глабб также говорят об утрате господствующим этносом, а особенно его элитой (воинской аристократией) определенных морально-волевых качеств. Утрата этих морально-психологических достоинств проистекает из таких обстоятельств как а) демографическое давление (особенно же перепроизводство элиты), вызывающее рост конкуренции, б) гарантированное, не требующее усилий и особых достоинств попадание в ряды элиты выходцев из элитных слоев (производящий «мажоров» династический элитаризм и низкий уровень вертикальной мобильности) и в) длительный период благополучной, безопасной и изобильной жизни, способствующий вытеснению буржуазным, а затем и богемным этосом ценностей воинской деонтологической этики.

Помимо факторной модели на основе обобщения представленных подходов можно также построить идеально-типическую модель жизненного цикла империи (которая, впрочем, остается пока достаточно спорной гипотезой). Этот жизненный цикл связан с доминирующей системой ценностей, а также уровнем асабии / пассионарности. Последний параметр, собственно, и порождает тип господствующего этоса. Сам же он представляет собой что-то вроде социальной энергии, которая порождается чрезвычайным напряжением сил народа, столкнувшегося с длительным и тяжелым вызовом – как правило, угрозой со стороны предельно чуждых по своей культуре народов. Если этнос, начинающий путь своего этногенеза, смог справиться с вызовом, то в период ослабления внешнего давления (или чего-то еще, не вполне очевидного, например, в случае появления харизматического лидера или великой идеи) он оказывается наделен излишком энергии. Происходит то, что Л. Гумилев называет «пассионарным взрывом», а Дж. Глабб «толчком», и народ начинает путь своего исторического развития. Сначала преобладает воинский этос, и энергия направляется на внешнюю экспансию. Затем происходит постепенное истощение энергии, ослабление аристократического этоса служения общему делу, переход к буржуазному этосу, когда энергия направляется преимущественно на бизнес, на личный материальный успех; далее – к этосу интеллигенции, когда энергия направляется в основном на науку и искусство; наконец, к этосу богемы и люмпен-пролетариата, когда остатки энергии тратятся на развлечения и борьбу за права (то есть выбивание подачек из правительства). Поскольку аграрные государства существовали в условиях суровой «дарвиновской» борьбы за существование и своеобразного «естественного отбора», то ослабевшие общества с растраченной энергией уничтожались более сильными и здоровыми конкурентами с более высоким уровнем энергии, не достигнув еще пределов своей деградации. Не обязательно при этом уничтожался каким-либо образом государствообразующий этнос. Но,

лишенный энергии и собственной элиты, он превращался в этнографический материал или переходил на мемориальную фазу своего жизненного цикла. Впрочем, этот сценарий не фатален. Снижение асабии у элиты обычно идет быстрее, чем у народа. Поэтому возможен сценарий, когда элита уже выродилась, а народ – еще нет. В таком случае, когда народ еще сохранил сплоченность, волю и естественную мораль (основные параметры асабии), то он способен породить новую собственную элиту. В таком случае происходит смена режима или кадровая революция, государство возрождается.

Представленная в таком виде последовательность стадий вызывает обоснованные сомнения в своей универсальности. Пожалуй, наиболее надежным выводом из данной схемы может быть утверждение о том, что существует тенденция оскудения асабии. По мере нарастания этого процесса происходит переход от «героической» этики (долг и самопожертвование во имя коллектива) к этике индивидуалистической и гедонистической («мне все должны, а я никому ничего не должен»). Вместе с этим может происходить переход к депопуляции – не из-за невыносимых материальных условий жизни, а из-за нацеленности на потребительские ценности и удовлетворение гедонистических потребностей.

Возникает вопрос, может ли данная факторная модель и связанная с ней последовательность фаз цикла подъема и упадка быть применена к современному индустриальному (постиндустриальному) обществу? В аграрном обществе предпосылками упадка асабии становятся сначала рост материального благополучия и безопасности по мере усиления державы и развития в ней торговли, ремесел и сельского хозяйства (при достаточном еще земельном фонде), а затем, по мере роста населения и возникновения дефицита земли, рост конкуренции из-за сокращающейся ресурсной базы. Последнее обстоятельство становится также, наряду с чрезмерным расширением, предпосылкой финансово-экономического кризиса. В классическом индустриальном обществе даже при продолжающемся и ускоряющемся росте населения проблема крестьянского малоземелья более не актуальна. Индустриальное общество вырвалось из мальтузианской ловушки за счет повышения урожайности сельского хозяйства, механизации труда, урбанизации и использования невозобновляемых источников энергии. В современный, условно постиндустриальный (точнее позднеиндустриальный) период истории, демографический рост на большей части Земли прекратился вовсе. Соответственно, как представляется, устраняется одна из основных предпосылок финансового кризиса и внутригрупповой конкуренции, подрывающей асабию.

Также может возникнуть предположение, что теория Ибн Халдуна (а также Шутова и Парето) работает только в отношении авторитарных государств, но не демократических, поскольку именно несменяемая власть, стремясь к бесконечному росту престижного потребления, разоряет казну и ведет государство к экономическому краху, а демократическая власть ограничена в своих претензиях электоральным контролем. Однако практика показывает, что часто сменяемые элиты демократических обществ бывают

ничуть не лучше несменяемых элит авторитарных обществ. Нередко им свойственна психология временщиков, заботящихся о сохранении рейтинга в период ближайшего электорального цикла, а не о реализации программ долгосрочного развития своих стран, плоды которых достанутся скорее всего уже не им. Демократические выборы часто похожи на соревнование в демагогии и популизме, когда выигрывает тот, кто больше всех обещает. Реализация популистских предвыборных программ вполне может привести к экономическому и финансовому кризису точно так же, как и престижное потребление родовой аристократии.

Примерно то же относится и к принципу вырождения наследственной элиты при недостаточном уровне ротации элит, сформулированному Платоном, В. Парето и В. Шутовым. Элита современных стран Запада по всей видимости весьма сильно подвержена настроениям эгоистического гедонизма, хотя формально является демократически избранной и сменяемой. При объяснении этого факта придется уходить в область, близкую к конспирологии, признавая, что формальная демократия является политическим спектаклем, официальная политическая элита – это лишь «фронтмены»-исполнители, а реальной господствующей элитой является наследственная олигархия. Либо же придется принять утверждение, что дело не в династическом элитаризме: важно не то, благодаря происхождению или нет человек попадает в ряды элиты, а то, чтобы эта кооптация происходила в результате прохождения серьезных испытаний, требующих претерпевания трудностей и лишений, может быть даже с риском для жизни. По всей видимости, слишком низкий уровень вертикальной мобильности действительно способствует вырождению элит, но тут дело не в том, чтобы проводить постоянную ротацию, а в том, чтобы попадание и сохранение в составе элиты было обусловлено наличием необходимых достоинств и достижений.

При этом угроза перепроизводства элит и ее последствий в плане снижения уровня асабии, вопреки кажущейся неактуальности для современного исторического этапа, сохраняется и в современных условиях отсутствия демографического роста. Развитие демократии и стремление к идеалу общества равных возможностей устраняют формальные барьеры для вертикальной мобильности, характерные для сословных обществ прошлого, что способствует усилению конкуренции за элитные позиции. Еще сильнее, чем в прежние века, действует такой фактор упадка асабии как длительный период жизни в условиях безопасности и материального изобилия[5]. Кроме того, такой важный компонент асабии как солидарность подрывается социальными программами, характерными для современных развитых стран (welfare state) – на что указывает, например, Ф. Фукуяма [см.: 18]. Нельзя сбрасывать со счета и фактор леволиберальной идеологии, тщательно пестующей самосознание индивида, озабоченного исключительно собственными правами и живущего по принципу «мне все должны, а я никому ничего не должен». Зацикленность на

[5] Люди, как и другие виды животных, сформировались в условиях суровой борьбы за существование и, видимо, эволюционно не приспособлены для слишком хороших условий жизни. По крайней мере, такая гипотеза напрашивается как интерпретация знаменитого этологического эксперимента «Вселенная 25» [см.: 17].

справедливости, понимаемой как позитивная дискриминация в отношении «угнетенных» меньшинств, раскалывает общество на конгломерат взаимно враждебных и завистливых сообществ – группировок по совместному поиску политической ренты в виде этой самой позитивной дискриминации.

Поскольку демократия, эгалитарные идеологии и порождаемые ими популистские политические практики широко распространены в современном мире, а уровень жизни и безопасности от внешних угроз высок сейчас как никогда в истории, то исходя из принципов представленной модели стоило бы ожидать повсеместного упадка асабии и вызванного этим упадка обществ. Почему же, на первый взгляд, мы этого не обнаруживаем? Прежде всего потому, что обнаружить упадок общества стало сложнее. Ранее он становился очевиден, когда данное общество вступало в военный конфликт с другим (а случалось это очень часто). Поражение в войне и утрата территорий или суверенитета наглядно свидетельствовали о том, что данное общество уже пережило свой расцвет и пришло к упадку. В наши дни войны между странами редки, особенно такие, когда территории проигравшего отходят к победителю. С одной стороны, это вроде бы гуманно и хорошо, но с другой перестает действовать механизм (квази)естественного отбора. Как в человеческих популяциях по мере улучшения медицины и снижения смертности наблюдается рост генетического груза, так и среди стран мира растет число так называемых несостоявшихся государств (failed states). Это общества, пришедшие к упадку, что проявляется в неспособности сформировать эффективную элиту, поддерживать функционирование эффективной государственной машины. Однако в условиях отсутствия внешнего военного вызова они продолжают влачить свое существование, неспособные ни самостоятельно развиваться, ни полностью исчезнуть с карты мира.

Также не стоит сбрасывать со счетов фактор финансового кризиса. Поскольку для современного периода (после Второй мировой войны и крушения колониальной системы) не характерно расширение территорий одних государств за счет других, то вроде бы устраняется основная традиционная предпосылка финансового кризиса – чрезмерное расширение. Значит ли это, что данная модель вообще более не актуальна? По всей видимости, нет, не значит. Прежде всего, поскольку сохраняется геополитическая напряженность, сохраняется и практика содержания удаленных военных баз и участия в конфликтах на отдаленных территориях. Хотя непосредственного столкновения сильнейших военных держав не было уже достаточно давно, сохраняется практика ведения гибридных и прокси войн. Подобные явления способны подорвать финансовую состоятельность государства не меньше традиционного имперского перенапряжения из-за чрезмерного расширения. К тому же финансовый кризис как непосредственный спусковой крючок окончательного упадка государства может выступать следствием не только геополитического перенапряжения. Как показывает практика, государственный дефолт грозит в том числе странам с относительно низкими расходами на оборону. Это может стать следствием неверной экономической политики, чрезмерных социальных расходов и прочих последствий популизма или же иных обстоятельств.

Можно заметить различие в действии механизма упадка общества из-за финансовых проблем в прошлом и настоящем. Если прежде государственное банкротство провоцировалось в основном таким почти не зависящим от деятельности правительства фактором, как демографический рост, либо было следствием чрезмерного имперского расширения, то сейчас оно является итогом неверной или недальновидной популистской политики. Сама же эта политика является следствием вырождения элиты или общего интеллектуально-культурного упадка нации. Так что если раньше финансовый кризис был фактором в некоторой мере независимым от состояния общественного сознания и морали, то теперь моральный упадок провоцирует упадок общества как посредством механизма снижения асабии, так и посредством механизма финансового кризиса.

Соответственно главный вопрос – это вопрос о причинах упадка естественной морали. Можно заметить, что, как и в прежние эпохи, зерна упадка как правило коренятся в предыдущих успехах. Но если раньше успехи в демографическом росте и территориальном расширении обычно становились главными предпосылками последующего упадка, то теперь таковыми становятся в основном успехи в социально-экономическом развитии, достижении целей безопасной и изобильной жизни. Скорее всего, дело не в собственно материальном изобилии как таковом, а в том, что появление излишка богатства приводит к расширению общественных потребностей за счет услуг развлекательного характера. Это приводит к экспансии богемы как социокультурной группы, повышению ее престижа и влияния, что далее ведет к распространению богемного этоса с его гедонистическими ценностями. Параллельно с этим в силу видимой удовлетворенности потребности в безопасности падает престиж вооруженных сил, которые все чаще воспринимаются не как защитники и элита общества, а как социальные паразиты и пережитки архаических времен. Так военные все чаще становятся героями анекдотов про тупых солдафонов. Соответственно снижается влияние воинского, можно сказать подлинно аристократического этоса чести и долга. А по мере роста удовлетворенности материальных потребностей снижается предельная общественная полезность производителей материальных благ, их престиж и влияние производительного (буржуазного) этоса трудолюбия и бережливости. В конце концов устанавливается культурная гегемония богемы, и гедонистический эгоизм подрывает моральный базис национального хозяйства (трудовую этику), обороноспособность (этику воина-защитника страны) и даже способность нации к демографическому воспроизводству. В наше время подобное или близкое к нему положение установилось в большинстве развитых стран. Ситуация с упадком естественной морали, предполагающей верность своему коллективу, примордиальной национальной общности в наше время еще больше усложняется влиянием глобализации, которая втягивает многих людей, особенно представителей среднего класса крупных городов в транснациональные сети различного рода. Последнее делает их жизнедеятельность оторванной от жизнедеятельности национального

сообщества, делает образ жизни и самосознание космополитичными, что снижает уровень асабии данного сообщества.

Сам же упадок общества, как было отмечено ранее, реже проявляется теперь в территориальных потерях, но чаще в общем упадке по большинству параметров развития. Теряющее энергию общество с выродившейся элитой и неэффективным государственным аппаратом, утратившим асабию населением начинает испытывать депопуляцию и оказывается неспособным обеспечить высокие темпы технологического и экономического развития, сопротивляться военным угрозам, а также порождать привлекательные жизнеутверждающие культурные образцы.

Указанные факторы деградации устойчиво действуют во многих современных обществах. Так, практически во всех развитых и многих развивающихся странах наблюдается нарастающий финансовый кризис (пока что выражающийся в основном в неконтролируемом росте задолженности), революция прав (особенно прав меньшинств) и рост необоснованных социальных претензий, обострение внутриэлитных конфликтов, депопуляция коренного населения и рост иммиграции из бедных, чаще всего инокультурных стран. Отсюда можно ожидать масштабного упадка большинства современных обществ, перехода все большего числа стран в разряд несостоявшихся. Угроза ядерной войны едва ли способна «взбодрить» стареющие народы. Что в таком случае может стать средством усиления асабии и вдохнуть новую энергию – пока не ясно.

Рассмотренные выше модели игнорируют самостоятельную роль культурного фактора, полагая его функцией от объективных обстоятельств материального характера. Однако возможно стоит учесть самостоятельную роль культуры и влияние культуры различных типов на уровень асабии. Так японцам как-то удавалось сохранять самурайский дух в период самоизоляции несмотря на отсутствие явной внешней угрозы и нарастающее демографическое давление. Возможно, для современных обществ требуется какая-то специфическая культура, заряжающая общество энергией даже в условиях отсутствия постоянной внешней угрозы и высокого уровня благосостояния.

Если такого позитивного решения проблемы упадка асабии не будет найдено, то, возможно, неприятным лекарством окажется мировой экономический кризис, который обрушит уровень жизни, а также нарастающая военная напряженность, которая сделает жизнь небезопасной. Думается, большинство наших современников хотели бы избежать подобного сценария, особенно той его части, когда войны опять станут средством очищения человечества от одряхлевших народов и пришедших в упадок государств. При этом само по себе снижение уровня жизни никак не гарантирует повышения асабии. В условиях нарастающего энергетического и ресурсного кризиса и спровоцированного им продовольственного кризиса некоторые бедные или наиболее утратившие пассионарность общества вполне могут прийти к коллапсу вместо возрождения.

Список литературы

1. Шутов В. Н. Основы современной социологии: 15 фундаментальных законов. – М.: Этерна, 2015. – 224 с.

2. Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология. – М.: Прогресс, 1972. – С. 341–359.

3. Даймонд Дж. Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – 762 с.

4. Турчин П. Историческая динамика. На пути к теоретической истории. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 368 с.

5. Гумилёв Л. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Издательство АСТ, 2001. – 560 с.

6. Cline E. H. 1177 B. C.: The Year Civilization Collapsed. – Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2015. – 264 p.

7. Diskinson O. The Aegean from Bronze Age to Iron Age. Continuity and Change Between the Twelfth and Eighth Centuries B. C. – New York: Routledge, 2006. – 298 p.

8. Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета; Издательство Олега Абышко, 2007. – 752 с.

9. Тойнби А. Дж. Постижение истории: Сборник. – М.: Рольф, 2001. – 640 с.

10. Гумилев Л. Струна истории. Лекции по этнологии. – М.: Айрис-пресс, 2013. – 608 с.

11. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. – М.: Прогресс-Универс, 1993. – 606 с.

12. Eisenstadt S. N. The Causes of Disintegration and Fall of Empires: Sociological and Historical Analyses // Diogenes. – 1961. – No. 34, Summer. – Pp. 82–107.

13. Кеннеди П. Взлеты и падения великих держав. Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г. – Екатеринбург: Гонзо, 2020. – 848 с.

14. Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности. – М.: УРСС, 2015. – 499 с.

15. Аристотель. Политика // Сочинения: в 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – 830 с.

16. Glubb J. The Fate of Empires and Search for Survival. – Edinburgh: William Blackwood & Sons Ltd, 1976. – 24 p.

17. Кэлхун, Джон (этолог) // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Кэлхун,_Джон_(этолог) (дата обращения 12.06.2022)

18. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. – М.: Издательство АСТ, 2004. – 730 с.

References

1. Shutov V. N. Fundamentals of Modern Sociology: 15 Fundamental Laws [*Osnovy sovremennoy sotsiologii: 15 fundamentalnykh zakonov*]. Moscow: Eterna, 2015, 224 p.

2. Shils E. Society and Societies: Macrosociological Approach [Obschestvo i obschestva: makrosotsiologicheskiy podkhod]. *Amerikanskaya sotsiologiya* (American sociology). Moscow: Progress, 1972, pp. 341–359.

3. Diamond J. Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed [*Kollaps. Pochemu odni obschestva vyzhivayut, a drugie umirayut*]. Moscow: AST: AST Moskva, 2010, 762 p.

4. Turchin P. Historical Dynamics. On the Way to Theoretical History [*Istoricheskaya dinamika. Na puti k teoreticheskoy istorii*]. Moscow: LKI, 2007, 368 p.

5. Gumilev L. Ethnogenesis and the Biosphere of Earth [*Etnogenez i biosfera Zemli*]. Moscow: Izdatelstvo AST, 2001, 560 p.

6. Cline E. H. *1177 B. C.: The Year Civilization Collapsed*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2015, 264 p.

7. Diskinson O. *The Aegean from Bronze Age to Iron Age. Continuity and Change Between the Twelfth and Eighth Centuries B. C.* New York: Routledge, 2006, 298 p.

8. Plato. Essays: in 4 vol. Vol. 3, part 1 [*Sochineniya v chetyrekh tomakh. T. 3. Ch. 1*]. St. Petersburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta; Izdatelstvo Olega Abyshko, 2007, 752 p.

9. Toynbee A. J. A Study of History [*Postizhenie istorii: Sbornik*]. Moscow: Rolf, 2001, 640 p.

10. Gumilev L. String of History. Lectures on Ethnology [*Struna istorii. Lektsii po etnologii*]. Moscow: Ayris-press, 2013, 608 p.

11. Aron R. Stages of Development of Sociological Thought [*Etapy razvitiya sotsiologicheskoy mysli*]. Moscow: Progress-Univers, 1993, 606 p.

12. Eisenstadt S. N. The Causes of Disintegration and Fall of Empires: Sociological and Historical Analyses. *Diogenes*, Summer 1961, no. 34, pp. 82–107.

13. Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000 [*Vzlety i padeniya velikikh derzhav. Ekonomicheskie izmeneniya i voennye konflikty v formirovanii mirovykh tsentrov vlasti s 1500 po 2000 g.*]. Yekaterinburg: Gonzo, 2020, 848 p.

14. Collins R. Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run [*Makroistoriya: ocherki sotsiologii bolshoy dlitelnosti*]. Moscow: URSS, 2015, 499 p.

15. Aristotle. Politics [Politika]. *Works in 4 vol. Vol. 4.* [Sochineniya: v 4 t. T. 4]. Moscow: Mysl, 1983, 830 p.

16. Glubb J. *The Fate of Empires and Search for Survival*. Edinburgh: William Blackwood & Sons Ltd, 1976, 24 p.

17. John B. Calhoun [*Kelkhun, Dzhon (etolog)*]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Кэлхун,_Джон_(этолог) (accessed 12 June 2022).

18. Fukuyama F. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity [*Doverie: sotsialnye dobrodeteli i put k protsvetaniyu*]. Moscow: Izdatelstvo AST, 2004, 730 p.

УДК 101.1:316

Цифровая культура как индикатор зрелости информационного общества*

Крайнов Андрей Леонидович – Саратовский государственный аграрный университет имени Н. И. Вавилова, кафедра социально-гуманитарных наук, доцент, кандидат философских наук, доцент, Саратов, Россия.

Email: krainoval@sgau.ru
SPIN: 1008-4432
ORCID: 0000-0002-2129-0065

Авторское резюме

Состояние вопроса: Статья посвящена вопросам становления цифровой культуры как закономерного этапа развития информационного общества и разновидности информационной культуры. Сегодня понятия информационной и цифровой культуры не всегда разделяют, трактуя их в качестве синонимов. В статье обозначаются существенные характеристики цифровой культуры и анализируются перспективы ее развития.

Результаты: В ходе исследования было выявлено, что цифровая культура необходима для успешной интеграции в профессиональные сообщества. Незримо, но непрестанно влияя на наше сознание, цифровизация способствует его трансформации, формированию цифровой этики, развитию новых компетенций для достижения поставленных задач. Также процесс цифровизации сопровождается существенными рисками, которые необходимо учитывать и стараться предотвращать. К данным рискам прежде всего относится трансформация самого человека, изменение социальной модели его поведения, изменение когнитивных способностей и восприятия мира.

Область применения результатов: Результаты, полученные в процессе исследования, могут быть использованы при подготовке курсов по социальной философии.

Выводы: Цифровая культура является историческим этапом развития информационной культуры. Ее главными атрибутами выступают появление дополненной реальности, Интернета вещей, искусственного интеллекта, Метавселенной. Бессмысленно бороться с процессом цифровизации и препятствовать его развитию, стараясь избежать рисков информационного общества. Для предотвращения негативных аспектов цифровизации важно повышать уровень цифровой культуры.

Ключевые слова: цифровая культура; цифровизация; информационное общество; информационные технологии; цифровой контроль; цифровое общество.

* © Крайнов А. Л., 2022.

Digital Culture as an Indicator of Information Society Maturity

Krainov Andrey Leonidovich – Saratov State Agrarian University named after N. I. Vavilov, Department of Social Sciences and Humanities, Associate Professor, PhD (Philosophy), Saratov, Russia.

Email: krainoval@sgau.ru

Abstract

Background: The article is devoted to the formation of digital culture as a natural stage in the development of information society and a variety of information culture. Today, the concepts of information and digital culture are not always studied separately, being treated as synonyms. The article identifies the essential characteristics of digital culture and analyzes the prospects for its development.

Results: The study revealed that digital culture is necessary for successful integration into professional communities. Invisibly, but constantly influencing our consciousness, digitalization contributes to its transformation, the formation of digital ethics, the development of new competencies to achieve the set goals. In addition, the process of digitalization is accompanied by significant risks that must be taken into account in order to prevent them. These risks primarily include the transformation of humans themselves, a change in the social model of their behavior, a change in cognitive abilities and perception of the world.

Implications: The results obtained in the research can be used while teaching courses in social philosophy.

Conclusion: Digital culture is a historical stage in the development of information culture. Its main attributes are the emergence of augmented reality, the Internet of things, artificial intelligence, the Metaverse. It makes no sense to fight the process of digitalization and impede its development, trying to avoid the risks of information society. To prevent the negative aspects of digitalization, it is important to raise the level of digital culture.

Keywords: digital culture; digitalization; information society; information technology; digital control; digital society.

Понятие «цифровая культура» вошло в философский и общенаучный дискурс благодаря британскому теоретику в области искусства и масс-медиа Чарли Гиру, который в своей работе «Digital Culture» [см.: 1] впервые сконцентрировал внимание научных кругов на данном феномене. Также у истоков проблемного поля, связанного с данным понятием, стоят немецкий исследователь электронной культуры Мишель Шварц, американский ученый создатель термина «виртуальная реальность» Джарон Ланье, испанский теоретик информационного общества Мануэль Кастельс [см.: 2, с. 49].

В общественном сознании еще не сформировано четких границ между информационной и цифровой культурой, процессами информатизации и цифровизации, информационным и цифровым обществом/цивилизацией. Данные понятия употребляются в произвольной форме, являясь зачастую синонимами у использующего их автора. Тем не менее цифровая культура выступает в качестве частного вида информационной культуры, становясь ее

последним на сегодняшний день проявлением. Согласно М. Ю. Захарову, цифровая культура является историческим этапом развития информационной культуры, а в качестве причин ее возникновения указываются историческая эволюция информационной сферы, появление определенных технологических систем для обработки информации, возникновение информационных опасностей [см.: 3, с. 203]. В качестве основных атрибутов цифровой культуры указываются: понимание информации в качестве стратегического ресурса общества, повсеместно проводится обучение работе с цифровыми технологиями, разработка нормативно-правовой базы для защиты оцифрованных культурных ценностей, полная доступность информации [см.: 3, с. 203].

Можно дать следующее определение цифровой культуре: это часть информационной культуры общества, в основе которой лежит глобальная информационно-телекоммуникационная сеть Интернет, характеризующаяся цифровизацией всех сфер общественной жизни, наличием сетевого этикета (нетикета) и нормативно-правового регулирования, задача внедрения которой заключается в объединении аналоговой, виртуальной и дополненной реальностей в единое целое на основе создания цифровой копии Вселенной (авторское определение).

Если под информацией понимать в глобальном смысле все, что нас окружает, то становится очевидным критерий отличия информационной культуры от цифровой: появление персонального компьютера. Если период возникновения информационной культуры привязывать к этапам становления постиндустриального или информационного обществ (хотя их зачастую отождествляют), то демаркационная линия между ними должна проходить в конце двадцатого столетия, так как именно в этот период Интернет охватил собой большую часть мира. При таком подходе к исследуемому вопросу информационная культура зарождается в 40-х годах XX века с созданием кибернетики Норбертом Винером и до 90-х годов преимущественно носит оффлайновый характер.

С появлением сети Интернет процесс цифровизации приобретает массовый характер, что является основным катализатором развития цифровой культуры общества. До этого момента доступ к цифровизации имели в основном крупные IT-компании, специализирующиеся на создании программного обеспечения и компьютерных игр, военные организации и прочие ведомства. Среднестатистический пользователь зачастую мог только потреблять готовый продукт, но не имел возможности стать полноценным участником цифрового сообщества в связи с отсутствием такового. Тем не менее информационная культура успешно развивалась на данном этапе и заключалась в изучении языков программирования, работе с перфокартами и дискетами, освоении MS-DOS и NC, создании локальных компьютерных сетей и архивации данных.

С возникновением цифрового сообщества начинает зарождаться сетевой этикет или нетикет как неотъемлемая часть цифровой культуры. Если на первой стадии развития Интернета (web 1.0) задачей нетикета было

формирование этических принципов общения внутри сетевого интернет-сообщества между живыми людьми, то на четвертой стадии (web 4.0), которая называется нейронет и по прогнозам аналитиков появится в 30–40-е годы XXI столетия, этические принципы должны будут поддерживаться между живыми людьми, их цифровыми копиями (аватарами), искусственным интеллектом сети (глобальным цифровым мозгом), роботами-андроидами, людьми-киборгами.

Сегодня работа по созданию Интернета будущего – нейронета – является одним из самых приоритетных направлений цифровой нейро-сетевой экономики. С. А. Дятлов выделяет несколько видов искусственного интеллекта: от самого примитивного, способного осуществлять веб-серфинг и создавать имитацию умных ответов на вопросы (например, Маруся или Siri) до гибридного киберфизического искусственного интеллекта, который является гибридом человеко-машинного нейро-сетевого искусственного интеллекта и постоянно совершенствуется за счет глубинного машинного обучения [см.: 4, с. 26]. Создание нейро-сетевого искусственного интеллекта даст возможность подключить к нему не только различные гаджеты, но и человека посредством дополненной реальности. Возникновение Нейронета ознаменует собой новый этап развития цифровой культуры, на котором человек будет единым целым не только с цифровым супермозгом, но и с другими участниками данного пространства.

Пока Нейронет находится в процессе разработки, переходным этапом или более прогрессивным Интернетом, чем стадия web 3.0, является использование виртуальной и дополненной реальностей, а также Метавселенной Цукерберга (**компания Meta признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации**), как продвинутой площадки для общения, обучения, бизнеса, развлечения [см.: 5]. Цифровая культура постоянно пополняется новыми цифровыми технологиями, а вовлеченные в нее люди приобретают новые навыки. К ним относятся: блокчейн-технологии, технологии криптовалют, технологии создания метавселенных, NFT-технологии, разработка децентрализованных приложений dapps. Для обычного потребителя цифровой культуры эпохи web 3.0 уже недостаточно иметь персональный компьютер с выходом в Интернет и владеть вебсерфингом. Одним из условий соответствия уровню ее развития должно быть наличие очков или шлема виртуальной/дополненной реальности. В качестве важнейших навыков, отвечающих вызову современной цифровой культуры, следует отметить создание NFT-объектов, умение совершать операции в криптовалюте, умение работать, общаться и развлекаться в Метавселенной. Совсем недавно (июнь 2022 г.) в России состоялась первая свадьба в Метавселенной, что говорит о высоком уровне развития цифровой культуры молодоженов [см.: 6].

По мнению Е. Е. Елькиной, понятие цифровой культуры отражает два основных подхода: технический с позиций технологического детерминизма/трансгуманизма и гуманитарный. Если второй подход понимает под цифровой культурой совокупность различных цифровых практик, возникающих на стыке гуманитарных наук и цифровых технологий, то в рамках первого подхода под цифровой культурой понимается культура

цифровых автоматов [см.: 7, с. 201], то есть роботов, киборгов, андроидов, оцифрованных людей и т. п.

Именно второй подход чаще всего пугает обывателей, так как успел обрасти различного рода страшилками [см.: 8]. Согласно некоторым из них, речь идет о цифровом рабстве человечества. Другие пугают созданием коллективного сознания, когда человек станет управляемым по сети извне, а его сознание полностью контролируемым. Форсайтщики-трансгуманисты предвещают внедрение в тела людей электронных устройств, с помощью которых будет достигнут тотальный контроль за их сознанием, а люди превратятся в биороботов. Эти зловещие истории также являются неотъемлемым компонентом цифровой культуры, как и страшные сказки культуры обычной. Нагнетание напряженности вокруг будущего цифровизации, с одной стороны, вызвано отсутствием нейронета, его мифическим статусом на данный момент, а, с другой стороны, отсутствием четкой нормативно-правовой базы, регулирующей вопросы цифровой этики и цифровой безопасности, носящей такой же международный характер, как и сама сеть.

Следует отметить, что сейчас в мире развернута серьезная деятельность по созданию цифрового права. В России и развитых странах давно ведутся работы по формированию нормативно-правового регулирования в области искусственного интеллекта и созданию институтов для его развития и распространения [см.: 4, с. 27]. Среди российских и зарубежных юристов идут бурные дискуссии о том, что такое цифровое право и нужен ли цифровой кодекс [см.: 9]. Идея создания цифрового кодекса предполагает закрепление в нем всех норм цифрового права, что положительным образом скажется на нормативно-правовом регулировании цифровой культуры.

Нормативно-правовое регулирование цифровой культуры, безусловно, будет способствовать снижению различного рода рисков, таких как харассмент, создание фейков, цифровое мошенничество, экстремистское или террористическое поведение в сети и нейросети, в частности в Метавселенной. В дальнейшем в область цифрового кодекса, вероятно, войдет регламентация отношений между человеком, киборгом и роботом. Как бы жутко это ни звучало сегодня, надо принять данный факт как процесс естественного развития информационного общества и цифровых технологий.

На основе проведенного анализа можно заключить, что цифровая культура является закономерным этапом исторического развития информационного общества, разновидностью и последней стадией (на данный момент) информационной культуры. Целью развития цифровой культуры является вовлечение в единое цифровое пространство, управляемое на основе нейронета, человека, а также иных субъектов цифровой деятельности, к которым можно отнести цифровые копии людей, агентов искусственного интеллекта, роботов и т. п. Создание человеко-машинного нейро-сетевого искусственного интеллекта является закономерным и естественным процессом цифровизации и частью цифровой культуры. Для снижения рискогенности

цифрового общества следует проработать нормативно-правовое и этическое регулирование деятельности всех его субъектов.

Список литературы

1. Gere C. Digital Culture. – London: Reaktion Books, 2009. – 240 p.

2. Информационная эпоха: новые парадигмы культуры и образования / отв. ред. Н. Б. Кириллова. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2019. – 292 с.

3. Захаров М. Ю., Старовойтова И. Е., Шишкова А. В. Цифровая культура – исторический этап развития информационной культуры общества // Вестник университета. –2020. – № 5. – С. 200–205. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-5-200-205

4. Дятлов С. А. Искусственный интеллект как институт развития цифровой нейро-сетевой экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2021. – № 2(128). – С. 25–29.

5. Что такое Метавселенная, которую хочет создать Цукерберг? Вкратце: это Интернет будущего // Новости в России и мире – ТАСС. URL: https://tass.ru/ekonomika/12799303 (дата обращения: 30.06.2022).

6. В России сыграли первую свадьбу в Метавселенной // Новости технологий, обзоры гаджетов, смартфонов, бытовой техники и автомобилей. URL: https://www.ixbt.com/news/2022/06/06/v-rossii-sygrali-pervuju-svadbu-v-metavselennoj.html (дата обращения: 30.06.2022).

7. Елькина Е. К. Цифровая культура: понятие, модели, практики // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. – 2018. – № 2. – С. 195–203. DOI: 10.17586/2587-8557-2018-2-195-203

8. Шокирующие планы лоббистов «Нейронета»: к 2035 году homo sapiens уступит место управляемому homo digital // Искусственный интеллект, нейронные сети, квантовые компьютеры: AI новости. URL: https://ai-news.ru/2019/11/shokiruushie_plany_lobbistov_nejroneta_k_2035_godu_homo_sapiens_ustupi.html (дата обращения: 30.06.2022).

9. Рожкова М. А. Является ли цифровое право отраслью права и ожидать ли появления цифрового кодекса? // Хозяйство и право. – 2020. – № 4(519). – С. 3–12.

References

1. Gere C. *Digital Culture*. London: Reaktion Books, 2009, 240 p.

2. Kirillova N. B. (Ed.) Information Age: New Paradigms of Culture and Education [*Informatsionnaya epokha: novye paradigmy cultury I obrazovaniya*]. Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta, 2019, 292 p.

3. Zakharov M. Y., Starovoytova I. E., Shishkova A. V. Digital Culture – a Historical Stage in the Development of the Information Culture of Society [Tsifrovaya kultura – istoricheskiy etap razvitiya informatsionnoy kultury obschestva]. *Vestnik universiseta* (University Bulletin), 2020, vol. 5, pp. 200–205. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-5-200-205

4. Dyatlov S. A. Artificial Intelligence as an Institute for the Development of the Digital Neural Network Economy [Iskusstvennyy intellect kak institute razvitiya tsifrovoy neyro-setevoy ekonomiki]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Proceedings of St. Petersburg State University of Economics], 2021, Vol. 2 (128), pp. 25–29.

5. What Is the Metaverse that Zuckerberg Wants to Create? In short: This Is the Internet of the Future [*Chto takoe Metavselennaya, kotoruyu khochet sozdat Tsukerberg? Vkrattse: eto Internet buduschego*]. Available at: https://tass.ru/ekonomika/12799303 (accessed 30 June 2022).

6. The First Wedding in the Metaverse Was Played in Russia [*V Rossii sygrali pervuyu svadbu v Metavselennoy*]. Available at: https://www.ixbt.com/news/2022/06/06/v-rossii-sygrali-pervuju-svadbu-v-metavselennoj.html (accessed 30 June 2022).

7. Elkina E. E. Digital Culture: the Concept, Models and Practices [Tsifrovaya kultura: ponyatie, modeli, praktiki]. *Informatsionnoe obschestvo: obrazovanie, nauka, kultura I tekhnologii buduschego* [Information Society: Education, Science, Culture and Technology of Future], 2018, vol. 2, pp. 195–203. DOI: 10.17586/2587-8557-2018-2-195-203

8. The Shocking Plans of Neuronet Lobbyists: by 2035, Homo Sapiens Will Give Way to Controlled Homo Digital [*Shokiruyuschie plany lobbistov "Neyroneta": k 2035 godu homo sapiens ustupit mesto upravlyaemomu homo digital*]. Available at: https://ai-news.ru/2019/11/shokiruushie_plany_lobbistov_nejroneta_k_2035_godu_homo_sapiens_ustupi.html (accessed 30 June 2022).

9. Rozhkova M. A. Is Digital Law a Branch of Law and Should We Expect a Digital Code? [Yavlyaetsya li tsifrovoe pravo otraslyu prava I ozhidat li poyavleniya tsifrovogo kodeksa?]. *Khozyaystvo I pravo* [Economy and Law], 2020, vol. 4(519), pp. 3–12.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 94 (470. 23–25) + 821.174

Латышская секция Ленинградской организации писателей (1925–1937 гг.)*

Смирнова Тамара Михайловна – Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, кафедра истории и философии, профессор, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербург, Россия.

Email: mokva@inbox.ru
SPIN: 7691-2890

Авторское резюме

Состояние вопроса: Деятельность национальных секций ленинградской писательской организации 1920-х – 1930-х гг. изучена очень слабо, однако представляет несомненный научный интерес как важная страница культурной жизни национальных меньшинств советского периода. В статье впервые рассматривается история латышской секции подразделения Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) – Ленинградской ассоциации пролетарских писателей (ЛАПП) – и ее трансформация в начале 1930-х гг. в связи с созданием Союза советских писателей (ССП).

Результаты: На основании опубликованных и архивных источников изучен количественный и личностный состав латышских писателей Ленинграда и основные результаты творческой и издательской деятельности секции. Латышская секция была организована в 1925 г. в составе 20 человек и стала первой национальной секцией ЛАПП. В состав секции входили ленинградские латыши разных профессий, с разным уровнем образования и писательским опытом, объединенные коммунистической идеологией, революционным прошлым и активным участием в социалистическом строительстве. В соответствии с рапповскими установками, секция пополнялась рабочими корреспондентами и производственниками – членами литературных кружков. Секция вела большую издательскую работу на латышском и русском языках, публикуя произведения латышских писателей – дореволюционных и советских, причем не только ленинградских, но и московских, а также революционных писателей, проживающих в Латвии. Оригинальная (на родном языке) литература позволяла сохранять национальное своеобразие и напрямую обращаться к латышскому населению СССР, а также к читателям в Латвии. Переводы на русский язык способствовали знакомству с латышской литературой массового русскоязычного читателя, вводили ее в общее русло многонациональной советской литературы. Секция работала в тесном контакте

* © Смирнова Т. М., 2022.

со всей писательской организацией Ленинграда, произведения латышских писателей публиковались в общих журналах и сборниках ЛАПП. Создание Союза советских писателей как организации профессиональных писателей привело к значительному отсеву из ленинградской латышской секции, и в 1936 г. только Я. Эйдук и П. Кикутс входили в общесоюзную латышскую секцию ССП. В 1937–1938 гг. большинство латышских советских писателей были репрессированы.

Выводы: Латышская секция Ленинградской организации писателей (1925–1937 гг.) была органичной частью советской культуры данной эпохи. Произведения членов секции отражали господствующую идеологию, освещали преимущественно историю революционной борьбы и гражданской войны и были адресованы как латышскому населению СССР, так пролетариату Латвии – в надежде на мировую революцию. В то же время издание художественной литературы на родном языке способствовало включению латышского населения СССР в широкий созидательный процесс развития многонациональной страны. Перевод лучших произведений латышских писателей на русский язык делал их достоянием массового русскоязычного читателя. Латышская советская литература 1920-х – 1930-х гг. имеет историческое значение и сохраняет свою художественную ценность.

Ключевые слова: Ленинград; Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП); Ленинградская ассоциация пролетарских писателей (ЛАПП); латышская секция; Союз советских писателей (ССП); Я. Ю. Эйдук; П. Р. Кикутс; Э. Я. Сильман.

Latvian Section of the Leningrad Writers' Organization (1925–1937)

Smirnova Tamara Mikhailovna – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of History and Philosophy, Professor, Doctor of Letters, Saint Petersburg, Russia.

Email: mokva@inbox.ru

Abstract

Background: Activities of the national sections of the Leningrad Writers' Organization in the 1920s – 1930s is studied very poorly. This subject, however, represents an undoubted scientific interest, being an important page in the cultural life of national minorities during the Soviet period. The article deals with the history of the Latvian section of the subdivision of the Russian Association of Proletarian Writers (RAPP) – the Leningrad Association of Proletarian Writers (LAPP) – and its transformation in the early 1930s in connection with the foundation of the Union of Soviet Writers (SSP).

Results: Based on published and archival sources, the association membership and the main results of their creative and publishing activities were studied. The Latvian section was founded in 1925 and included 20 members. It became the first

national section of the LAPP. The section consisted of Leningrad Latvians of various professions, having different levels of education and writing experience, united by communist ideology, a revolutionary past and active participation in the construction of socialism. In accordance with Rapp's guidelines, the section was reinforced by people's correspondents and production workers – members of literary societies. The section carried out extensive publishing work in the Latvian and Russian languages, issuing works of Latvian writers – pre-revolutionary and Soviet, living in Leningrad, Moscow and Latvia. The original literature made it possible to preserve the national identity and directly appeal to the Latvian population of the USSR, as well as to readers in Latvia. Translations into Russian acquainted mass Russian-speaking readers with Latvian literature, introducing it into the mainstream of multinational Soviet literature. The section worked in close contact with the entire writers' organization of Leningrad; the works of Latvian writers were published in journals and collections of LAPP. The establishment of the Union of Soviet Writers as an organization of professional writers led to a significant dropout rate from the Leningrad Latvian section. In 1936 only J. Eiduk and P. Kikuts remained members of the all-Union Latvian section of the SSP. In 1937–1938 most of the Latvian Soviet writers were repressed.

Conclusion: The Latvian section of the Leningrad Writers' Organization (1925–1937) was an organic part of the Soviet culture of that era. The works of the members of the section reflected the dominant ideology, mainly described the events of the revolutionary struggle and the civil war, and were addressed both to the Latvian population of the USSR and the Latvian proletariat in the hope of a world revolution. At the same time, the publication of fiction in their native language contributed to the inclusion of the Latvian population of the USSR in the broad creative process of the development of a multinational country. The translation of the best works of Latvian writers into Russian made them the property of mass Russian-speaking readers. Latvian Soviet Literature of the 1920s –1930s has historical significance and retains its artistic value.

Keywords: Leningrad; Russian Association of Proletarian Writers (RAPP); Leningrad Association of Proletarian Writers (LAPP); Latvian section; Union of Soviet Writers (SSP); Ya. Yu. Eiduk; P. R. Kikuts; E. Ya. Silman.

В январе 1925 года на 1-й Всесоюзной конференции пролетарских писателей в Москве оформилась Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП), наиболее массовая из советских литературных организаций 1920-х гг., одним из отрядов которой была Ленинградская ассоциация пролетарских писателей (ЛАПП). РАПП и его региональные отделения культивировали упрощенные, прямолинейно-классовые взгляды на литературу, убежденные в том, что искусство – это классовая идеология, а культурная революция представляет собой эпоху борьбы пролетариата за культурную гегемонию, в результате которой он должен стать господствующей духовной силой. Профессиональные писатели и поэты непролетарского происхождения, по рапповской логике, относились всего лишь к «попутчикам», и им следовало

многому научиться у подлинных пролетариев. В идеале, профессия писателя должна была исчезнуть – заниматься литературным трудом должны были сами пролетарии в свободное от производства время (при этом руководители РАПП были непролетарского происхождения). Отдельными направлениями признавались крестьянская и красноармейская литературы. РАПП представляла собой своеобразную школу воспитания и подготовки кадров пролетарских писателей, в 1931 г. объявила «призыв ударников в литературу». Для подготовки к массовому литературному творчеству трудящихся повсеместно создавались литературные кружки, всемерно поощрялось рабкоровское движение. Пролетарская литература должна была выработать свой, диалектико-материалистический творческий метод. В то же время, в отличие от идеологов Пролеткульта, рапповцы призывали «учиться у классиков», однако это означало только овладение стилем, тогда как «метод» должен был остаться «пролетарским» [см.: 1, стбл. 519–526]. При ЛАПП с 1930 г. работал Рабочий литературный университет (РЛУ) [см.: 2, с. 83].

Произведения рабоче-крестьянских авторов публиковались в рапповских журналах – «РАПП», «На посту» («На литературном посту»), «Резец». Внутри РАПП происходила идейная борьба между разными группировками, среди которых были крайне «левые» – «неистовые ревнители пролетарской чистоты» [3, с. 44].

В то же время рапповцы ориентировались на реалистическую традицию, стремились отражать наиболее важные с идеологической и политической точек зрения события в стране, описывали жизнь и быт рабочих, способствовали культурному развитию масс, приобщали их к литературному творчеству. В РАПП состояли и известные советские писатели А. А. Фадеев, Ф. И. Панфёров, В. М. Киршон, В. М. Саянов, Д. А. Фурманов, Ю. Н. Либединский и др.

При Ленинградской ассоциации пролетарских писателей работали национальные секции, члены которых писали на родных языках. Первой – в мае 1925 г. – возникла латышская секция (латсекция ЛАПП, или Ленинградская Латышская группа писателей). В Правление латсекции входили Ян Эйдук (оргсекретарь), Я. Лоя (Туркс)[1], В. Мелналкнис [см.: 4, с. 192]. Ян Эйдук в 1925 г. был избран представителем секции в Правление ЛАПП, что обеспечивало тесные связи со всей организацией ленинградских пролетарских писателей [ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 11325. Л. 10]. Вслед за латышской секцией в 1925–1926 гг. организовались эстонская (руководитель Николай Каротамм [см.: 5, с. 220] и финская (руководитель Вяйне Аалто) секции [см.: 6, с. 10]. В течение 1929–1930 гг. оформились еще 5 национальных секций – белорусская, польская, татарская (татаро-башкирская, или тюрко-татарская), украинская и еврейская [см.: 7, с. 242; 8, с. 9]. Есть сведения о существовании в начале 1930-х гг. также чувашской секции ЛАПП [см.: 9, с. 666].

[1] Лоя (Туркс) Ян Вилюмович, 1896–1969 – ученый-филолог, выпускник Ленинградского государственного университета (1925), доцент (1929), кандидатская диссертация «Субъективный идеализм в языкознании» (1935), преподавал в вузах Ленинграда, Москвы, Риги. Член РСДРП(б) – РКП(б) – ВКП(б) с 1915, латышский стрелок, с 1917 по апрель 1922 г. – редактор латышских газет в Москве, Двинске, Ленинграде, Пскове.

Национальные секции были полноправными отделениями ЛАПП, их представители принимали участие в руководстве организации. В существовавшем до конца 1927 г. Северо-Западном бюро ассоциации пролетарских писателей, в котором главную роль играла ЛАПП, одним из ответственных секретарей был член латышской секции Р. И. Лаурент[2] [см.: 9, с. 664]. На 3-й Областной конференции ЛАПП в апреле 1930 г. в состав Правления ассоциации были избраны представители национальных секций Эйдук и Кадытис[3] (латышская), Кевамес (эстонская), Саволайнен (финская), Шафран (польская), Петровский (белорусская), а также Виртанен и Ивачев от Карельской ассоциации пролетарских писателей. Представители тюрко-татарской секции ЛАПП Амантаев и латышской Калнынь (от журнала «Резец») стали членами ревизионной комиссии [см.: 10, с. 8]. На заседании Президиума ЛАПП 24 мая 1930 г. в составе ассоциации был организован специальный национальный сектор [см.: 11, с. 251].

Член правления ЛАПП В. М. Саянов в докладе «О творческом лице Ленинградской ассоциации пролетарских писателей» на Второй областной конференции ЛАПП (22 апреля 1929 г.) отмечал: «У нас представлен в Ленотгизе [Ленинградское отделение государственного издательства] довольно многочисленный отряд национальной литературы – это наши национальные секции: латышская, эстонская, финская, башкиро-татарская и ряд других, возникающих сейчас усиленно быстрым темпом. Следует считать большим достоинством основание этих секций, потому что они служат для укрепления интернациональных связей нашей литературы внутри Советского Союза» [12, с. 91].

Но в целом положение писателей, представлявших национальные меньшинства, в Ленинграде являлось довольно сложным – налицо были малочисленность читателей, отсутствие материальных средств, слабость полиграфической базы. В журнале «Резец» в 1930 г. отмечалось: «У нацсекций ЛАППа своеобразная трагедия – их не знают массы, они для себя не создали аудитории. Им главным образом нужна аудитория потому, что с изданием их продукции дело обстоит плохо – нет средств, нет издательств; выступлениями в рабочих клубах нужно завоевывать авторитет. Кроме этого численный рост в нацсекциях не увеличивается. Какими они были несколько лет назад, такими же продолжают влачить жалкое существование и теперь <…> А ведь в Ленинграде на заводах масса эстонцев, поляков, белорусов и т. д., только нужно среди них повести работу, нужно выявить среди них литературный молодняк,

[2] Имеются сведения о Лауренте Рудольфе Югановиче, 1904 г.р., уроженце д. Зимитицы Волосовского р-на Лен. обл., эстонце, беспартийном, учителе Дудергофской финской НСШ, проживал: г. Ленинград, Казначеевская ул., д. 7, кв. 35. Арестован 28.08.1937 г. Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 4 ноября 1937 г. приговорен по ст. 58-1а (измена Родине) УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в г. Ленинград 11 ноября 1937 г. Источник: Ленинградский мартиролог. Т. 3 [Электронный ресурс]. URL: https://visz.nlr.ru/person (дата обращения 11 июля 2022).

[3] Кадытис-Грозный (Кадитис-, Кадикас-, Кадикис-Грозный) Артур Артурович (Янович), 1901–1934, латышский советский писатель, член РСДРП(б)–РКП(б)–ВКП(б) с апреля 1917, красногвардеец, доброволец латышских батальонов. 1930 – аспирант Ленинградского отделения Коммунистической академии при ЦИК СССР. Похоронен в пос. Красный Бор Ленинградской области.

нужно влить его в нацсекции. Лозунг «РАПП – на предприятия» должен явиться стимулом сдвига в застывшей работе нацсекции» [8, с. 9].

Увы, надежды на то, что ударник производства вполне может стать «писателем-ударником», явно не оправдывались, хотя отдельные примеры литературного роста «рабочих от станка» имели место. Национальные секции ЛАПП вели большую работу в этом направлении. Так, латсекция активно сотрудничала с Латышским домом просвещения: представитель секции входил в состав правления домпросвета, проводились литературные вечера с выступлением членов секции, читавших свои произведения, а в ноябре 1926 г. в домпросвете под руководством члена секции Д. Циммермана начал работу литературный кружок, объединивший рабкоров, стенкоров и юнкоров, то есть всех самодеятельных корреспондентов периодической печати [ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 11325. Л. 11–12].

Латышская секция ЛАПП объединила идейных единомышленников, сплоченных революционной борьбой, часть из которых уже занималась литературным трудом, и сразу активно заработала. 26 ноября 1925 г., то есть всего через полгода после создания секции, были подведены первые итоги ее деятельности. Отчет был адресован в Правление ЛАПП и в латышскую секцию Ленинградского губернского комитета ВКП(б). В это время в латсекции ЛАПП состояло 20 человек, из них по социальному происхождению 19 человек – рабочие и крестьяне, один – «прочий», а по профессии и занятиям – трое литераторов, трое партработников, трое военных курсантов, один военнослужащий, а также десять служащих. Для рапповцев первостепенной была коммунистическая/большевистская партийность, и члены латсекции были охарактеризованы также «по мировоззрению»: членов РКП(б) 14 человек, беспартийных 6 (комсомольцев не было, скорее всего, по возрасту). Руководители секции – коммунисты с дореволюционным (дооктябрьским) стажем: председатель Ян Юрьевич Эйдук (Янис Эйдукс) – с 1916 г., заместитель председателя Я. Лоя-Туркс – с 1915 г., секретарь В. Мелналкснис – с 1917 г., и только казначей П. Грауздин[4] – член РКП(б) с 1919 г. [ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 11325. Л. 10].

Основная работа латсекции была связана с подготовкой к изданию и публикацией (на родном и в переводе на русский язык) произведений латышских писателей – дореволюционных и советских, причем не только ленинградских, но и московских, а также революционных писателей, проживающих в Латвии. Советские латышские писатели в 1920-е–1930-е гг. публиковали свои произведения на родном языке в Москве в издательствах «Латиздат» (1924–1928) и «Прометей» (1923–1937), в литературном журнале «Целтнэ» – «Стройка» (1929–1937). Переводились на латышский язык и

[4] Грауздин Павел Антонович, 1877–1938 – ученый, историк, в 1925–1938 – ст. архивист Центроархива, зав. архивом Нархозучета, занимался историей революционного движения в России, основной труд «К истории революционного движения в Прибалтике в 1905 г.» // Каторга и ссылка. 1932. №7 (92). С 1919 – кандидат, в 1921–1937 – член РКП(б) – ВКП(б). Арестован 3 декабря 1937 г. Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 10 января 1938 г. приговорен по ст. 58-6 (шпионаж), 58-11 (организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению контрреволюционных преступлений) УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в г. Ленинград 15 января 1938 г.

произведения пролетарских писателей, пишущих по-русски. Активная издательская деятельность латышской секции продолжалась весь период ее существования и была рассчитана на все латышское население СССР, которое в середине 1920-х гг. составляло почти 151,5 тыс. человек, причем больше половины были сельскими жителями – крестьянами национальных колоний-поселений. Самая крупная латышская диаспора проживала в укрупненной Ленинградской области (включавшей также нынешние Псковскую, Новгородскую, Мурманскую и Вологодскую области) – 37,6 тыс. человек, в том числе в Ленинграде 12 тыс. человек (в Москве – около 10,2 тыс. человек) [см.: 13; 14; 15, с. 16–17, 32–33]. Но латышская секция ЛАПП в начальный период своей деятельности не была ориентирована на крестьян, она была чисто пролетарской [см.: 16, с. 11]. Это, с одной стороны, считалось позитивным в идеологическом плане, но с другой – сужало и без того ограниченный контингент читателей.

Национальным секциям требовалось не допустить национальной замкнутости, представлявшей реальную опасность при малочисленности своей национальной аудитории в русскоязычном окружении. Для выхода в «большой мир» – к русским и русскоязычным читателям всей страны – необходимо было публиковать литературные произведения в переводе на русский язык. Это подчеркивалось и в резолюции первой Всесоюзной конференции латышских писателей (Москва, 18–20 мая 1927 г.): «В целях сближения пролетлитератур: латышской, русской и других народов, конференция считает необходимым усилить работу по переводам произведений латышских пролетписателей на языки других народов и их изданий» [17, с. 119]. Произведения авторов национальных секций на русском языке выходили в рапповских журналах, в ленинградском издательстве «Прибой» (с 1927 г. – Ленгиз, с 1930 – Ленинградское отделение ОГИЗа – Объединения государственных книжно-журнальных издательств). В 1929–1932 гг. члены латышской секции входили в состав редколлегий журналов пролетарской литературы, издаваемых ЛАПП: Я. Калнынь, Я. Эйдук – журнала «Резец» (выходил в 1924–1939 гг.), А. Кадытис-Грозный – «Ленинград» (выходил в 1930–1932 гг.) [см.: 18, с. 141, 220].

Основным переводчиком с латышского на русский был литературовед Эдуард Янович Сильман (1893 – после 1954?). Рижанин крестьянского происхождения, он в 1914 г. окончил филологическое отделение философского факультета Гейдельбергского университета. Во время Первой мировой войны служил в царской армии в составе формирований латышских стрелков, а с 1918 по 1925 гг. – в Красной Армии, участвовал в боях с Колчаком и белополяками. В 1927–1930 гг. работал заведующим отделом переводной литературы в ленинградском журнале «Резец». Состоял членом латышской секции ЛАПП, в 1930–1931 – член Литературного объединения Красной Армии и Флота (ЛОКАФ), член секции переводчиков Всероссийского союза писателей (ВСП). Среди многочисленных работ Э. Сильмана – перевод «Избранных произведений» Л. Лайцена в 4-х томах (1929–1930) и «Собрания сочинений» того же автора в 5-ти томах (1931–1934) (см. Приложение) [см.: 19].

В 1931 г. в период «чистки» писательских рядов решением Федерации объединений советских писателей (ФОСП) исключен из ленинградского отделения ВСП с мотивировкой «антиобщественный человек». Но в середине 1930-х гг., при вступлении в новый Союз советских писателей (ССП), был охарактеризован коллегами как «один из лучших переводчиков Ленинграда и Москвы», который «может претендовать на звание не ремесленника, а художника слова» [20, с. 660–661].

(Э. Я. Сильмана миновало страшное лихолетье «Большого террора», но во время Великой Отечественной войны он был арестован. 31 июля 1944 г. Военным трибуналом войск НКВД обвинен по ст. 58 п. 10 (антисоветская пропаганда и агитация) и 58-12 (недонесение о достоверно известном, готовящемся или совершённом контрреволюционном преступлении) УК РСФСР и приговорен к 8-ми годам исправительно-трудовых лагерей с поражением в правах на 3 года с конфискацией имущества. Ему удалось выжить, и после отбытия срока он проживал в г. Кирове. Э. Я. Сильман реабилитирован посмертно 15 марта 1989 г.) [см.: 21].

В первый состав редакционно-издательской комиссии латсекции входили Я. Туркс, Я. Эйдук и Э. Сильман. На родном языке в 1925 г. латсекция ЛАПП сдала в набор рукописи стихотворений Я. Эйдука «Митинговые речи» и рассказ Кадикаса-Грозного «Вихрь». Готовились к печати сборники для массовой работы: хоровые песни для клуба и школы, пьесы для сельской сцены и сборник стихотворений «Чтец-декламатор», а также брошюры для политического просвещения. В переводе на русский язык были подготовлены к печати роман У. Упита «Под сенью грома», книги рассказов Р. Эйдемана[5] «Осажденные», два рассказа Судрабу Эджуса[6] – «Шальной Даука» и «Изгонятель бесов», повесть (название не указано) Р. Блаумана.[7] В 1925–1926 гг. на русском языке в издательстве «Прибой» вышли 5 книг латышских писателей: книга рассказов московского писателя Э. Эфферта (Клусайса)[8]

[5] Эйдеман Роберт Петрович, 1895–1937 – советский военный деятель, писатель. Участник Первой мировой войны и революционных событий 1917 г. в Сибири, депутат Учредительного собрания от партии эсеров, в 1918 г. вступил в Красную армию и РКП(б), участник Гражданской войны, сделал большую военную карьеру: командующий армией, член Реввоенсовета республики, начальник и комиссар Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе, председатель центрального совета Осовиахима, комкор (1935). Одновременно в 1927–1936 гг. – ответственный редактор журнала «Война и революция». Писал стихи, рассказы, повести, член латышской секции РАПП, затем – Союза советских писателей. Арестован 22 мая 1937 г. Обвинялся в участии в военном заговоре в Красной Армии и в подготовке свержения советской власти путем вооруженного восстания и поражения СССР в будущей войне. Расстрелян 12 июня 1937 г. Посмертно реабилитирован.

[6] Судрабу Эджус (настоящее имя и фамилия Мориц-Эдуард Зильберс), 1860–1941 – латышский советский писатель, поэт и переводчик, автор многочисленных сказок, исторических рассказов и повестей, один из зачинателей латышской советской литературы. Литературную деятельность начал в 1880 г. Участник Первой русской революции, вынужден был покинуть родину, жил в Сибири, на Кавказе. После окончания Гражданской войны жил и работал в Москве. Рассказ «Шальной Даука» (1900) – трогательная история о мальчике, жившем на берегу моря, который мечтал узнать, что же скрывается за горизонтом.

[7] Блауман (Блауманис) Рудольф Матисович, 1863–1908 – известный латышский драматург, поэт и прозаик, автор реалистической прозы о жизни крестьянства. Писал на латышском и немецком языках. Работал как журналист в латышских изданиях в Риге и Петербурге.

[8] Эфферт Эрнст Эрнестович (псевдоним Клусайс), 1889–1927 – латышский писатель, революционер, член РСДРП(б) – РКП(б) – ВКП(б) с 1914 года. После октябрьской революции 1917 г. – член первого советского правительства Латвии, в 1919 – заместитель народного комиссара по просвещению Латвийской советской республики. После падения советской власти в Латвии (январь 1920) – в РСФСР, организатор и

«Бунтующий народ» (перевод Э. Сильмана) с предисловием Я. Эйдука «Латышская пролетарская литература и Клусайс»; книги рассказов «Оправданные» Л. Лайцена[9] и «Смерть Менуса» А. Арайс-Берце[10], роман А. Упита[11] «Северный ветер». Книга Э. Клусайса «Бунтующий народ» привлекла внимание литературной критики – в ленинградском журнале «Звезда» была помещена рецензия на нее [см.: 22].

Близость идейных и творческих устремлений советских латышских писателей проявилась в издании коллективного альманаха «Молодая латышская литература». В альманах вошли произведения А. Цеплиса[12], Р. Эйдемана, Клусайса (Э. Эфферта), Судрабу Эджуса, Эд. Салениека. Вступительную статью «Латышская литература после войны и революции» написал В. Кнорин[13] – заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) [ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 11325. Л. 10–11].

На выход альманаха латышских писателей в том же 1926 г. появились отзывы в периодической печати. Известны статьи А. Запровской в журнале «Книгоноша» (№ 6. С. 31), С. Лациса («Печать и революция». № 3. С. 228), Г. Вяткина («Сибирские огни». № 6. С. 161) [см.: 23, с. 175].

В 1928 г. издательство ленинградской «Красной газеты» выпустило сборник «Голая жизнь» – альманах «революционных писателей» Латвии,

---

редактор издательства ЦК компартии Латвии «Спартакс» (Псков), с 1922 – в Москве, преподаватель Коммунистического университета национальных меньшинств Запада им. Мархлевского, основатель латышской литературной группы «Дарбдена».

[9] Лайцен (Лайценс) Линард Петрович, 1883–1937 (1938) – латвийский и советский писатель, переводчик и политик. Участник революции 1905–1907 гг., организатор легальной рабочей печати в буржуазной Латвии, депутат Рижской думы (1928), депутат Сейма Латвии (1928, 1931), член компартии Латвии с 1929 г. Автор нескольких книг стихов и рассказов, романа «Взывающие корпуса» (1930) (о тюремном режиме буржуазной Латвии). С 1932 г. в СССР, жил и работал в Москве. Арестован, обвинялся в участии в антисоветской террористической организации. Расстрелян 3 августа 1937 г. (по другим данным умер 14 декабря 1938 г.). Посмертно реабилитирован.

[10] Арайс-Берце – Август Юрьевич Берце, псевдоним Арайс, 1890–1921 – латышский революционер, писатель, поэт, переводчик, организатор нелегальной типографии, член ЦК компартии Латвии, комиссар социального обеспечения Латвийской советской республики. После ее падения арестован, приговорен латвийским судом к смертной казни и расстрелян в Риге. «Смерть Менуса» – последнее произведение Арайса-Берце (1921).

[11] Упит Андрей Мартынович, 1877–1970 – латышский писатель-романист, поэт, драматург, критик, литературовед, государственный деятель. Член партии большевиков с 1917 г. В 1919 году был заведующим отделом искусства в Наркомпросе советской Латвии. Основоположник латышской советской литературы. Народный писатель Латвийской ССР (1943), лауреат Сталинской премии 2-й степени (1946), Герой Социалистического Труда (1967). Академик АН Латвийской СССР (1946). Роман «Северный ветер» входит в цикл «Робежники», роман «Под сенью грома» («Под громами») повествует о бедствиях в результате Первой мировой войны.

[12] Цеплис Алвилс (Альвилий Карлович), 1897–1938 – латышский поэт, писатель, печатался с 1915 г. Латышский стрелок с 1916 г., коммунист, в 1918 г. служил в охране Кремля, после гражданской войны жил в Харькове, затем в Мариуполе, с 1926 г. – в Москве, работал в прессе и в латышском издательстве «Прометей». Член Союза писателей СССР (1934). Наиболее известное произведение Цеплиса – роман «Земля» («Zeme», 1936). Арестован в 1937 году, обвинялся в шпионаже в пользу Латвии. Расстрелян 28 мая 1938 года. Посмертно реабилитирован.

[13] Кнорин (Кнориньш) Вильгельм Георгиевич, 1890–1938 – советский государственный и партийный деятель, публицист, доктор исторических наук (1935). В революционном движении с 1905, член коммунистической партии с 1910 г. С середины 1920-х гг. – зав. агитпропотделом ЦК ВКП(б), секретарь ЦК КП(б) Белоруссии, член ЦК ВКП(б), деятель Коминтерна. С 1932 г. директор историко-партийного Института красной профессуры, член редколлегии газеты «Правда» и журнала «Большевик». Автор ряда работ по истории партии и многих литературно-критических статей. Арестован в июне 1938 г. по обвинению в шпионаже. Расстрелян 29 июля 1938 г. Посмертно реабилитирован.

Эстонии, Финляндии и Белоруссии. В сборнике были опубликованы рассказы латышских писателей Р. Эйдемана, Л. Лайцена, А. Упита, А. Курция (см.: Приложение).

В 1929 году в издательстве «Прибой» вышел еще один коллективный сборник латсекции ЛАПП «Триумф: Латышский литературно-художественный альманах» с произведениями А. Зедина (Зиедыньша), Я. Эйдука, О. Рихтера и вступительной статьей Я. Лоя «Латышско-пролетарская литература» [см.: 24].

Национальные секции ЛАПП выпускали и совместные сборники произведений в переводе на русский язык [см.: 25; 26]. В 1932 г. вышла «первая книга избранных произведений национальных отрядов ленинградских советских писателей» «Плечом к плечу» [см.: 23]. Руководитель латышский секции Ян Эйдук сделал обзор книги «Плечом к плечу» в сборнике армейского творчества «Залп», отметив произведения нескольких ленинградских национальных писателей, в том числе А. Кадикаса-Грозного [см.: 27, с. 74; 28, с. 185].

Советской литературе на языках сопредельных буржуазных государств, созданной авторами соответствующих национальностей – граждан СССР, придавалось большое значение в идеологической борьбе. В. Саянов, один из руководителей ЛАПП, отмечал: «В противовес латвийской буржуазной литературе мы здесь имеем рост латвийских пролетарских писателей, который будет ослаблять силы фашистской латвийской литературы, которая растет за рубежом. Чем больше наши товарищи будут расти творчески, тем более сильную угрозу будут они представлять тем фашистским организациям, которые работают за рубежом. Это колоссальное значение латышских товарищей, которое принимает международный характер, должно быть особенно нами учтено» [12, с. 92].

Ленинградские латышские писатели принимали и непосредственное участие в протестах против произвола властей буржуазной Латвии: так, в 1926 г. во всесоюзной латышской газете «Кревияс циня» («Борьба России») (М.) и в «Ленинградской правде» был опубликован протест-воззвание латсекции и русских писателей ЛАПП против ареста в Латвии рабочих поэтов Линарда Лайцена, Лоэне Паэгле и др. [ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 11325. Л. 12].

11–12 апреля 1931 г. прошло Первое совещание национальных секций ЛАПП, большое внимание которому было уделено в журнале «Резец». В № 14 были опубликованы: передовая статья «Больше внимания нацсекциям», резолюции совещания по докладам отдельных секций, обзоры белорусского и украинского альманахов. О стратегии национальных секций весьма решительно высказывался в большой статье «Национальные секции ЛАПП перед новыми задачами» литературный критик, публицист, в то время заместитель главного редактора журнала «Литературная учеба» Ефим Добин, определив главную их задачу как борьбу против национал-демократизма, то есть классово нейтрального («внеклассового») отношения к национальной культуре. В этом плане высокая оценка дается латсекции: «Латышская секция руководится

крепким пролетарским и партийным ядром. Это один из старейших и наиболее идейно выдержанных отрядов в пролетарской литературе вообще» [16, с. 10].

Начало литературной работы многих членов латсекции относилось ко времени гражданской войны – они были «латышскими стрелками», передовым отрядом революции. Их произведения были отражением и творческим осмыслением этой недавней ожесточенной войны, они во многом продолжали мыслить ее категориями в надежде на скорую победу революции в их буржуазном отечестве. Это было вполне приемлемым в политических расчетах на мировую революцию, но она все больше «запаздывала», и внимание советских литераторов требовалось сосредоточить на внутригосударственных задачах. Руководство ЛАПП так формулирует эту переориентацию: «… и в лучших, наиболее идейно-выдержанных секциях (как латышская например) мы наблюдаем слишком большую медлительность в повороте к тематике реконструктивного периода. Конечно тематика зарубежного подполья и гражданской войны должна будет и впредь занимать почетную роль в творческой продукции этих нацсекций, нужно помнить, что для латышской, финской, польской, эстонской и т.д. литератур тематика гражданской войны – *это не только тематика вчерашнего дня, но и тематика (мы уверены, что близкого) завтрашнего дня*. Но необходимо несравненно больше места уделить художественному отражению практики социалистического строительства среди этих национальностей СССР – индустриализации, коллективизации, развертыванию культурной революции. <…> Проникнутая марксистским мировоззрением, духом интернациональной солидарности литература, освещающая великие процессы социалистической стройки среди всех народов СССР, будет также и мощным агитационным оружием за пределами советских границ» (курсив мой. – *Т. С.*) [16, с. 10–11].

В октябре 1931 г. состоялась 1-я Ленинградская областная конференция латышских писателей. В процессе подготовки конференции руководитель латсекции Я. Эйдук опубликовал в журнале «Резец» статью, в которой отметил ее достижения, недостатки и задачи. Секция выросла «из небольшой горсточки литераторов» в массовую организацию, образовался ряд низовых литературных и литкоровских кружков как в Ленинграде, так и в области. Значительно выросли и творчески окрепли и сами писатели, среди них А. Кадитис-Грозный, Эдм. Бурневиц[14], В. Восс[15], М. Канинь и др., литературный стаж которых «свободно укладывается в “историю” самой секции». Была особо отмечена деятельность секции по популяризации и переводу национальной литературы на русский язык и русской – на латышский: издано на русском языке свыше

[14] Бурневиц (Бурневич) Эдмунд Давыдович, 1893–1938 – член латсекции ЛАПП, с 1936 г. актер Смоленского латышского театра. Арестован 4 декабря 1937 г., обвинялся по ст. ст. 58–4 (оказание помощи международной буржуазии), 58-6 (шпионаж), 58-10 (антисоветская пропаганда и агитация), 58-11 (организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению контрреволюционных преступлений). Расстрелян 11 января 1938 г. Посмертно реабилитирован.

[15] Восс Владимир Петрович, 1909–1938 – инструктор Ленинградского отделения журнально-газетного объединения. Арестован 4 декабря 1937 г., обвинялся по ст. ст. 58-6 (шпионаж), 58-11 (организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению контрреволюционных преступлений) УК РСФСР. Расстрелян в г. Ленинград 25 января 1938 г.

двадцати книг латышских пролетарских и революционных писателей, переведены на латышский язык отдельные произведения русских пролетарских писателей – членов ЛАПП Михаила Чумандрина, Виссариона Саянова. Устраивались интернациональные литературные вечера, проводились конференции читателей, члены латсекции выступали с докладами и т. д. Но выявились и сложности литературной учебы «рабочих от станка», основным недостатком которой называлось «недостаточное руководство и помощь низовым кружкам»: члены секции были перегружены работой, не было проработанной программы учебы, не хватало соответствующей литературы[16]. Одновременно пришлось признать, что «призыв ударников, б. красноармейцев и красных партизан в литературу протекает неудовлетворительно», но причиной назывались только «некоторая неповоротливость секции, а также отсутствие печатных возможностей. Ленинградская область по численности латышского населения – на первом месте в СССР, но лишь с 1 сентября с. г. получает первую печатную стенновку [здесь: многотиражку – *Т. С.*] в две страницы, выходящую два раза в месяц». Так что стратегическая линия по воспитанию новых пролетарских писателей не менялась: ставилась задача усилить работу по призыву перечисленных категорий лиц, «создать философско-литературный семинарий, вовлекая в учебу всех “призывников”», и продолжать работу по организации литературно-корреспондентских кружков в колхозах [29, с. 16].

На конференции обсуждались два основных вопроса: 1) резкие разногласия внутри латышских писательских организаций – латсекция ЛАПП находилась в конфликте с Центральным бюро латышских пролетарских писателей в Москве, из-за чего ленинградские латышские писатели лишились возможности публиковаться на родном языке в московском журнале «Целтнэ»; 2) необходимость выделения латсекции в автономную часть ЛАПП на правах районной организации, так как секция значительно расширилась, и теперь в ней состояли и рабочие, и крестьянские писатели, насчитывался десяток низовых кружков [см.: 29, с. 16].

В творчестве ленинградских латышских писателей видное место занимала драматургия. В 1931 г. Я. Эйдук написал пьесу «Проверка». В 1933 г. была опубликована драматическая хроника Я. Эйдука и А. Кадикаса-Грозного «Стрелки» (полное название «Strēlnieki pagriež stobrus» – «Стрелки поворачивают винтовки»), в которой был показан путь латышских стрелков от империалистической войны до революции [см.: 30, с. 464]. Пьесы «Партизаны» А. Зедыня (Зиединьша), «Черный орел» и «Ложь» Ю. Даумантиса были поставлены в 1930–1935 гг. в Смоленском латышском театре [см.: 31, с. 55–56].

Примером реализации стратегии «выращивания» пролетарских авторов может служить творческая судьба Валентина Арнольдовича Скаргеля (1896–1938). В 1914 г. вместе с эвакуированным из Риги судостроительным заводом, где он работал чернорабочим, он оказался в Петрограде, в 1917 г. вступил в

[16] Первые методические пособия для литературных кружков ЛАПП выпустил в 1931 г.: Программы для литературных кружков ЛАПП. Вып. 1. – Л.; М.: ЛАПП – [ОГИЗ]. Гос. изд-во худ. лит-ры, 1931. – 64 с.; В помощь пролетарскому кружку. – Л.; М.: ЛАПП – [ОГИЗ]. Гос. изд-во худ. лит-ры, 1931. – 64 с.

партию большевиков, в 1918–1920 гг. служил рядовым в Красной Армии. После длительной болезни в 1920 г. выбыл из членов РКП(б) как «пассивный». Приобрел профессию бутафора, работал на кинофабрике в Ялте, а в 1923 г. перевелся на «Ленфильм». Окончил журналистские курсы, как корреспондент и газетный работник до 1932 г. ездил в командировки от Посредбюро (орган, занимавшийся вопросами безработицы) Наркомтруда. Занимался в литературном кружке Латышского дома просвещения, где стал писать пьесы и был принят в состав латышской секции Ленинградского Союза советских писателей. Одно из его первых произведений, скетч «Škiršanās» – «Развод», стало весьма популярным и было переведено на русский язык. Появление собственного драматурга оказалось большой удачей для Ленинградского латышского театра, испытывавшего, как все национальные театры, большой дефицит советских пьес на родном языке. С апреля 1936 г. В. А. Скаргель стал работать в театре в качестве актера-драматурга. На сцене театра было сыграно несколько его скетчей и большая (8 актов) пьеса «Dziluma celi» – «Глубинные пути» [ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 4. Д. 21. Л. 15 – 15 об.; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 260. Л. 76].

В начале 1930-х гг., в условиях «развернутого наступления социализма по всему фронту», усиливается централизация во всех сферах государственной жизни, в том числе в культуре в целом и в литературе, в частности. 23 апреля 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает постановление «О перестройке литературно-художественных организаций» [см.: 32, с. 130–131], в котором констатировались значительные успехи советской литературы и искусства, в силу чего существование особых пролетарских организаций в области литературы становилось анахронизмом. Более того, наличие нескольких литературных организаций с разным творческим методом и взаимным неприятием друг друга часто – с сектантской идеологией своей исключительности – тормозило развитие художественного творчества. Этим вызывается необходимость соответствующей перестройки литературно-художественных организаций и расширения базы их работы. Постановление предписывало: «1) ликвидировать ассоциацию пролетарских писателей (ВОАПП[17], РАПП); 2) объединить всех писателей, поддерживающих платформу Советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем». Новая организация была призвана объединить разрозненные писательские группы в монолитную структуру, что облегчало идеологическое руководство и контроль ее деятельности. Аналогичные изменения должны были произойти и по линии других видов искусства. Для подготовки учредительного всероссийского съезда советских писателей было создано Оргбюро во главе с М. Горьким.

В соответствии с партийным постановлением литературные организации Ленинграда (Ленинградское отделение Всероссийского союза писателей,

[17] ВОАПП – Всесоюзное объединение Ассоциаций пролетарских писателей, создано на I Всесоюзном съезде пролетарских писателей (Москва, 1928 г.).

ЛАПП, ЛОКАФ – Литературное объединение Красной Армии и Флота, Объединение пролетарско-колхозных писателей) создали организационный комитет по подготовке писательского съезда в составе Р. П. Баузе[18] (председатель), Мартынов (секретарь), К. Федин, Н. Тихонов, М. Слонимский, Э. Козаков, Браун, Н. Никитин, Б. Лавренев, академик Н. Я. Марр, Д. Белицкий, М. Чумандрин, А. Черненко, Ив. Никитин, Рафаил, Дмитриев, И. Скоринко, Д. Лаврухин. Первое заседание Оргкомитета состоялось 9 мая 1932 г. Одновременно Правление ЛАПП объявило ассоциацию ликвидированной, ее журналы, финансы и имущество передавались оргкомитету. Однако ликвидация ЛАПП не должна была прервать работу литературных кружков на предприятиях, что специально оговаривалось в решении Правления [см.: 33, с. 21]. Оргкомитет руководил работой городской комиссии по приему в создававшийся Союз советских писателей (ССП). Комиссия могла принять решение о приеме (кандидатом или действительным членом Союза) или отказе в нем.

Были созданы оргбюро и в национальных секциях, они первыми рассматривали кандидатуры и рекомендовали их комиссии Ленинградского оргкомитета. Председателем оргбюро ленинградских латышских писателей стал Ян Эйдук, секретарем – Петр Кикутс [ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 2. Д. 90. Л. 2 об.].

Подготовке к первому – учредительному – съезду Союза советских писателей большое внимание уделяли партийные организации. В областном оргкомитете ССП была создана фракция ВКП(б), одним из руководителей которой был латышский писатель Ян Калнынь[19]. 29 сентября 1933 г. секретариат Ленинградского Областного комитета ВКП(б) принял

[18] Баузе Роберт Петрович, 1895–1938 – латыш, член партии большевиков с 1910 г., был сослан в Нарым (1914), бежал; участник революции и Гражданской войны. 1919 – член ЦК Латышской социал-демократической рабочей партии, член Реввоенсовета армии советской Латвии. В 1921–1926 гг. – ответственный редактор газеты на латышском языке «Krievijas Cina» («Борьба России»), научный сотрудник Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (КУНМЗ) им. Ю. Ю. Мархлевского, с 1926 по 1928 гг. – заведующий подотделом нацменьшинств Ленинградского обкома ВКП(б). В 1928–1929 гг. – ответственный секретарь Псковского окружкома ВКП(б), затем до осени 1931 г. – ответственный редактор «Красной газеты» (Ленинград). 1931–1936 – руководитель Ленинградского радиокомитета, одновременно директор Института красной профессуры (1932–1933), а также председатель Президиума Оргкомитета Ленинградского Союза советских писателей (1932–1934). Участник 1-го съезда Союза писателей СССР (1934) с правом решающего голоса. 1936–1937 – руководитель Ленинградского Института искусствознания, корреспондент немецкой коммунистической газеты «Deutsche Zentral-Zeitung» (Москва). 5 ноября 1937 г. арестован, 19 декабря 1937 г. исключен из ВКП(б). Обвинен по ст. ст. 58-6 (шпионаж), 58-8 (совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти), 58-9 (диверсии), 58-11 (организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению контрреволюционных преступлений) УК РСФСР и приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 27 января 1937 г. в Ленинграде. Посмертно реабилитирован.

[19] Калнынь Ян Антонович, 1902–1938 – прозаик, публицист. Командир Уфимского батальона латышских стрелков (1918), работник ВЧК (1919, Великие Луки), в 1920–1928 – политработник Красной Армии. Член ВКП(б) с 1925 г. В конце 1920-х в Ленинграде – заведующий отделом литературы «Красной газеты» (вечерний выпуск), в 1929 заведовал литературной консультацией литературно-художественного журнала «Резец». Член латсекции РАПП, состоял в руководстве ЛАПП, ЛОКАФ, Ленинградского отделения ФОСП (Федерации объединений советских писателей), в январе 1931 принят в члены Всероссийского Союза советских писателей (Ленинградское отделение). Секретарь фракции ВКП(б) ленинградского Оргкомитета ССП (1932–1934), впоследствии главный редактор детского радиовещания ленинградского Радиокомитета. Арестован 3 декабря 1937 г., обвинялся по ст. 58-6 УК РСФСР (шпионаж). Расстрелян 18 января 1938 г. в Ленинграде. Посмертно реабилитирован.

постановление «О литературных группах в области и о партсовещании по подготовке к съезду писателей» [34, с. 22]. В целях оживления работы литературных групп и кружков и лучшей подготовке к всесоюзному съезду в октябре 1933 г. было намечено провести партийное совещание по этим вопросам, «обеспечив широкое участие в этом совещании писателей нацмен», а фракции ВКП(б) оргкомитета поручалось назначить ответственного за работу литературных групп в области.

Первый съезд советских писателей прошел 17 августа – 1 сентября 1934 г. в Москве. На съезде был создан Союз писателей СССР, принят его устав и определен основной метод советской литературы – социалистический реализм. В работе съезда приняли участие 376 делегатов с решающим голосом, среди которых были латышские писатели, представлявшие Латвийскую организацию пролетарских писателей (С. Бергис, П. Виксне, Л. Лайцен, Р. Эйдеман – председатель), и П. Кикутс, входивший в делегацию ленинградских писателей (26 человек) [см.: 35].

В 1936 г. во всесоюзной Латышской секции Союза советских писателей состояли 22 человека – 17 членов и 5 кандидатов, в том числе двое ленинградцев – Петр Кикутс и Ян Эйдук [см.: 17, с. 118].

Петр (Петерис) Рудольфович Кикутс (1907–1937) – поэт, прозаик, переводчик. Выпускник юридического факультета Рижского университета (1931). Один из руководителей радикальной оппозиционной группы латышских писателей «Порыв молодых». С 1928 по 1931 гг. был членом латышской социалистической партии, выступал за создание латышской компартии. Издавал газету «Паматшкира» – «Основной класс» (на латышском языке). Несколько раз сидел в тюрьме в буржуазной Латвии, заочно был приговорен к четырем годам каторги. Впервые стихи П. Кикутса были напечатаны в 1924 г., но свой литературный стаж сам автор отсчитывал с 1926 года. В Латвии были опубликованы его сборники стихов «Белые башни» (1927) и «Острые переломы» (1928), поэма «Машина» (1930). П. Кикутс составил «Антологию современной латышской поэзии». В 1932 г. эмигрировал в СССР, жил в Ленинграде. Аспирант Государственного НИИ искусствознания. Переводил с русского на латышский язык В. Маяковского, Б. Пастернака, А. Безыменского, с белорусского – В. Александровича, с немецкого – Э. Вайнерта, И. Бехера. Подготовил к печати книгу стихотворений «Мост» на латышском языке, в 1934 г. велась работа по ее переводу на русский язык. В 1933–1936 гг. была написана поэма для журнала «Целтнэ», подготовлен сборник стихов для издательства «Прометей», написан рассказ «Пылающее стекло», пьеса о безработице в Латвии, в журналах печатались рассказы и стихи, в том числе в переводах на русский язык («Мой товарищ по камере. Вступление в поэму» – «Литературный Ленинград», 1936, 17 декабря), на белорусский – в журнале «Чырвона Беларусь», на немецкий язык. В Московском и Ленинградском латышских театрах ставился водевиль-памфлет «Андрей Венуляпа». П. Кикутс работал над романом «Розовые паразиты» (или «Розовые вши»), в творческих планах к 20-летию Октябрьской революции была задумана поэма «Гражданин мира» о борьбе латышских стрелков на Украине, о штурме Перекопа.

П. Р. Кикутс был членом латышской комиссии Международной организации революционных писателей (МОРП) и секретарем оргбюро ленинградской секции латышских советских писателей, делегатом учредительного съезда Союза советских писателей [36, с. 152; ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 2. Д. 90. Л. 1–4].

Тем более странно, что Комиссия по приему членов Ленинградского отделения ССП в июне 1934 г. приняла П. Р. Кикутса не действительны членом, а только кандидатом в члены Союза писателей. Это вызвало справедливое недоумение писателя, и 14 июня 1934 г. он обратился в комиссию с апелляцией о пересмотре такого решения, поскольку является состоявшимся писателем (в тексте сказано «действительным писателем»), что признано литературной критикой как в Латвии, так и в СССР. Апелляция была удовлетворена 23 июня 1934 г. президиумом Ленинградского отделения, о чем на документе имеется пометка красным карандашом «Член ССП. Прот[окол] През[идиума]. 23/VI-34». Интересно, что содержание этого заявления П. Кикутса гораздо шире просьбы пересмотреть конкретное решение о его статусе – автор приводит факты тенденциозной избирательности комиссии. Он пишет, что Ленинградский оргкомитет ССП последнее время почти не занимался вопросами литературы «народов СССР», в частности, финской, эстонской, латышской, и не оценил значение советских писателей прибалтийских стран, в то же время принимая в действительные члены «даже сравнительно незначительных русских советских писателей»: из принятых 139 человек все, кроме одного, представляют только русскую литературу; из финской и латышской секций приняты по два кандидата. Таким образом, в Ленинграде при приеме членов ССП «получилось представление не о советской литературе, а о сугубо «Великой русской литературе» [ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 2. Д. 90. Л. 5–6]. Следует признать, такое весьма смелое заявление латышского писателя имело основания, но сделать его мог только недавний эмигрант, недостаточно ориентирующийся в советских реалиях.

П. Р. Кикутс был арестован 16 июля 1937 Управлением НКВД по Ленинградской области, обвинялся по ст. 58-6 (шпионаж), 58-8 (террористический акт), 58-9 (диверсия), 58-11 (организационная деятельность, направленная к совершению контрреволюционного преступления) УК РСФСР. 10 января 1938 г. был приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 15 января 1937 г. Реабилитирован посмертно в 1956 году [см.: 37].

Организатор и бессменный руководитель латышской секции ЛАПП Ян Юрьевич Эйдук (Янис Эйдукс) родился 17 (30) июня 1897 г. в Венденском уезде Лифляндской губернии в крестьянской семье. Его отец был участником революции 1905 года. Ян окончил приходскую школу, работал в хозяйстве отца, зимой, с перерывами, учился в Рижском культурно-техническом училище, вместе с которым в годы первой мировой войны был эвакуирован в Тверь. Здесь в 1916 г., еще во время учебы, вступил в партию большевиков. Участник революционной борьбы и гражданской войны, в 1919 г. работал в комиссариате народного просвещения в советской Латвии. В 1920 г. окончил курсы журналистики в Москве и был направлен в Петроград редактором латышской

газеты «Коммунистас». Позже работал в «Петроградской правде», в «Красной газете» (вечерний выпуск), в издательстве «Прибой», одновременно учился в Литературно-художественном институте. Получив высшее образование, преподавал литературоведение – в Военно-политической школе им. Энгельса, в Педагогическом институте им. А. И. Герцена (здесь он в 1928 г. работал ассистентом кафедры латышского языка и литературы). В 1931–1932 гг. – аспирант Института языка и литературы Коммунистической академии (с 1933 г. – Института русской литературы (ИРЛИ) АН СССР – Пушкинский Дом). Его научным руководителем до середины1933 г. был А. В. Луначарский – в 1931–1933 гг. директор ИРЛИ. В 1935 г. Я. Ю. Эйдук защитил кандидатскую диссертацию на тему «Фрейлигрaт[20] и Маркс», текст диссертации в следующем году был опубликован в виде монографии. Научная работа не прерывалась – Я. Эйдук поступил в аспирантуру-докторантуру ИРЛИ, где работал над темой «Литературное окружение Карла Маркса» [38, с. 230–231; 39; ЦГА СПб. Ф. 4331. Оп. 42. Д. 158; Архив РАН. Ф. 150. Оп. 002. Д. 190].

Крестьянский сын, культработник, коммунист, журналист, латышский поэт и писатель, русский ученый-литературовед – такой путь прошел Ян Эйдук. В 1926 г. был опубликован первый сборник его стихотворений на родном языке «Митинговые речи», затем еще два – «Осенняя любовь» (1927) и стихи для детей «Радужный венок» (Минск, 1928). В 1930 г. на латышском языке вышла книга «Революционный трибунал», переведенная в следующем году на русский язык. В книге – одноименная повесть и рассказы: «Ион Вуцан», «Третья чашка весов», «Застрявший пассажир». Повесть посвящена гражданской войне в Латвии в 1919 году, в ней описывается борьба партизанского отряда батраков (9 человек) против белых. После неудачного налета на воинский эшелон отряд вынужден спасаться на территории советской России. Рецензия на русский перевод книги появилась только в 1933 году – в журнале «Резец» ее опубликовал К. И. Ровда – коллега Эйдука по аспирантуре в ИРЛИ. Рецензент в целом высоко оценил повесть, хотя и высказал замечания по поводу недостаточно глубокого раскрытия характера героев; рассказам дана более критичная оценка. Но статья не только о самой книге: К. Ровда обращает внимание на то, что за два года никто из критиков не откликнулся на это произведение национального автора, что достаточно ярко характеризует положение «советских национальных писателей» [см.: 40]. В этом же номере журнала опубликовано стихотворение Я. Эйдука «Депутаты восстаний» в переводе В. Саянова [см.: 41].

Всего у Я. Ю. Эйдука за десятилетие его писательской и научной деятельности вышло более десяти публикаций на латышском языке, большинство из которых было переведено на русский: книги рассказов, стихов, две пьесы («Проверка» и «Стрелки поворачивают винтовки»), литературоведческие статьи, посвященные творчеству А. Арайс-Берце,

[20] Фрейлигрaт Фердинанд (1810–1876) – немецкий поэт, переводчик; выдающийся представитель революционной поэзии 1848 г. Друг К. Маркса, в 1848 – 1849 гг. – соредактор «Новой Рейнской газеты», издаваемой Марксом, член Союза коммунистов.

Э. Клусайса (Эфферта), Р. Блаумана, Л. Лайцена, и монография (на русском языке).

16 июля 1937 г., в один день с Петром Кикутсом, был арестован и Ян Эйдук, член Союза советских писателей, аспирант-докторант Института литературы АН СССР. Василеостровский райком ВКП(б), где коммунист Я. Ю. Эйдук состоял на партийном учете, исключил его из партии «за связь с врагами народа» – ранее арестованными товарищами. Обвинения были стандартными: ст. 58-6 (шпионаж), 58-11 (организационная деятельность, направленная к совершению контрреволюционного преступления) УК РСФСР. Постановлением комиссии НКВД и прокурора СССР от 17 января 1938 г. определена высшая мера наказания. Я. Ю. Эйдук расстрелян 25 января 1938 г. в Ленинграде. Реабилитирован посмертно в 1957 г. [см.: 42].

Удивительно, но именно 16 июля 1937 г. было принято постановление СНК СССР «О ликвидации просветительного общества Прометей», деятельность которого уже была прекращена годом ранее. Два пункта постановления касались латышской литературы:

3. «Передать ОГИЗу РСФСР книжный магазин общества “Прометей” с киосками в Москве и Ленинграде»;

8. «Возложить на Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР издание латышской и латгальской литературы, передав ему соответствующие кадры ликвидируемого издательства общества “Прометей”» [43].

Но что́ было издавать и чьи произведения продавать, если большинство советских латышских и латгальских писателей были уничтожены в период «Большого террора» 1937–1938 гг.? 3 декабря 1937 г. началась широкомасштабная «латышская операция» – одна из национальных операций НКВД. Из двадцати двух членов и кандидатов в члены Союза советских писателей – латышей и латгальцев – были расстреляны восемнадцать, репрессиям подверглись и писатели «из ударников производства» [17, с. 122].

Латышская секция ССП, в которой состояли и два профессиональных писателя из Ленинграда, перестала существовать.

Латышская секция – первенец национальных секций Ленинградской ассоциации пролетарских писателей – была одной из наиболее активных и эффективных секций ЛАПП, полностью соответствовавшая ее «генеральной линии», политически выдержанной в духе времени, что неоднократно отмечалось правлением ЛАПП, а сама секция ставилась в пример другим национальным подразделениям ассоциации. В составе секции были профессиональные писатели, журналисты, ученые, советские и партийные работники, рабкоры, рабочие – члены литературных кружков. Многих членов секции объединяло недавнее революционное прошлое, борьба в рядах «гвардии революции» – полков латышских стрелков. Разумеется, вклад каждого в деятельность секции был неодинаков, но все они ставили перед собой общую цель – построение справедливого общества. Латсекция осуществляла большую издательскую деятельность на родном (преимущественно в московских издательствах) и на русском (в Ленинграде и в Москве) языках (см. список

публикаций на русском языке, вышедших в Ленинграде, в «Приложении»). Эти произведения сохраняют не только историческую ценность, но большинство из них продолжают свою литературную жизнь как образные свидетели своего времени.

Деятельность национальных секций писательских объединений была направлена на развитие пролетарской литературы на родных языках (что способствовало сохранению этих языков в русскоязычном окружении), укрепляла интернациональные связи советских трудящихся, ориентировала представителей разных национальностей на решение эпохальных народнохозяйственных задач, а также демонстрировала преимущества советского образа жизни по сравнению с положением трудящихся в капиталистических странах, особенно в национальных государствах вдоль границ СССР. Таким образом, национальные писательские секции были одним из важных отрядов идеологической борьбы и поддержки политической линии коммунистической партии – как внутри страны, так и на международной арене. Репрессии «Большого террора», производимые в том числе и по национальному признаку, сильно ударили по творческой интеллигенции, уничтожая целые пласты национальных культур многонациональной страны. Репрессии являются не только величайшим преступлением сталинизма, они также объективно ослабляли СССР, уничтожая людей, преданных советской власти и преданных функционерами этой власти.

Список литературы

1. Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 9. – М.: ОГИЗ РСФСР, Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935. – 832 стбл.

2. Распятые. Писатели – жертвы политических репрессий. Вып. 2. Могилы без крестов / Автор-сост. Дичаров З. Л. – СПб.: Книгоиздательство «Всемирное слово», 1994. – 215 с.

3. Либединский Ю. Современники: Воспоминания. – М.: Советский писатель, 1958. – 360 с.

4. Весь Ленинград. Адресная и справочная книга г. Ленинграда на 1927 год. – Л.: Организационный отдел Ленинградского губисполкома, 1927. – 1082 с.

5. Весь Ленинград и Ленинградская область на 1928 год. Адресная и справочная книга. Ч. I. Весь Ленинград. Ч. II. Ленинградская область. – Л.: Орготдел Ленинградского областного исполкома и Ленинградского совета, [Б. г.]. – 1514 с.

6. Национальные писатели Карелии: финская эмиграция и политические репрессии 1930-х годов. Биобиблиографический указатель. – Петрозаводск: Национальная библиотека Республики Карелия, 2005. – 124 с.

7. Весь Ленинград и Ленинградская область на 1930 год. Адресная и справочная книга. Ч. I. Весь Ленинград. Ч. II. Ленинградская область. – Л.: Орготдел Ленинградского областного исполкома и Ленинградского совета, 1930. – 1262 с.

8. Петровский Б. Нацсекции ЛАППа – на предприятия! // Резец. – 1930. – № 10. Апр. – С. 9.

9. Кукушкина Т. А. Ленинградская ассоциация пролетарских писателей (ЛАПП). Фонд 493 [Обзор] // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2017 год. – СПб: Дмитрий Буланин, 2018. – С. 661–667.

10. Состав Правления ЛАППа, избранный 3-й Областной конференцией // Резец. – 1930. – С. 8.

11. Эртис Э. Ранняя эстонская советская литература // Вопросы литературы. – 1967. – № 8. – С. 250–252.

12. Саянов В. М. О творческом лице Ленинградской ассоциации пролетарских писателей. Доклад на Второй областной конференции ЛАПП (22 апреля 1929 г.) // Из истории литературных объединений Петрограда – Ленинграда 1920–1930-х гг. Кн. 2. Исследования и материалы. – СПб.: Наука, 2006. – С. 83–102.

13. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по республикам СССР // Демоскоп Weekly. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php?reg=1 (дата обращения 30.06.2022).

14. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР // Демоскоп Weekly. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=1082 (дата обращения 30.06.2022).

15. Распределение населения Ленинградской области по полу и народности (Итоги пересчетов переписи населения 17 декабря 1926 года) // Население Ленинградской области (пересчеты материалов Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 г. в новых административных границах на 1 января 1928 г. – Л.: Издание орготдела Ленинградского облисполкома, 1929. – С. 16–33.

16. Добин Е. Национальные секции ЛАПП перед новыми задачами // Резец. – 1931. – № 14. Май. – С. 10–11.

17. Штраус В. П. С латышского на русский (Проблемы перевода и издания произведений писателей латышской диаспоры в России в 20-30-х гг. XX в.) // Россия и Балтия. Вып. 6: Диалог историков разных стран и поколений / Отв. ред. А. О. Чубарьян. – М.: Весь мир, 2011. – С. 117–122.

18. Периодика по литературе и искусству за годы революции 1917–1932 / Сост. В. Д. Муратова; под ред. С. Д. Балухатова. – Л.: Изд-во АН СССР, 1933. – 344 с.

19. Литераторы Санкт-Петербурга. XX век: Энциклопедический словарь // Книжная лавка писателей. – URL: https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/s/silman--977 (дата обращения 20.06.2022).

20. Кукушкина Т. И. К истории секции ленинградских переводчиков (1924–1932) // Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам. – СПб.: Пушкинский дом, 2011. – С. 638–682.

21. Книга памяти Кировской области // Открытый список. – URL: https://ru.openlist.wiki/Сильман_Эдуард_Янович_(1893) (дата обращения 20.06.2022).

22. Клусайс Э. Бунтующий народ*:* Рассказы. Ленинград. 1925. [Рецензия] // Звезда. – 1925. – № 2. – С. 296–297.

23. Мацуев Н. И. Художественная литература и критика русская и переводная 1926–1928 гг.: библиографический указатель / с предисл. Н. К. Пиксанова. – М.: Издание книжно-библиотечных работников, 1929. – 298 с.

24. Триумф: Латышский литературно-художественный альманах / А. Зедин, Я. Эйдук, О. Рихтер; Вступит. ст. Я. Лой. Латышско-пролетарская литература. – [Л.]: Прибой [и] ЛАПП, 1929. – 127 с.

25. Третья большевистская. Сборник нацсекций ЛАПП. – Л.; М.: ГИХЛ, 1932. – 112 с.

26. Плечом к плечу: сборник. Октябрь в мировой литературе. – Л.: ЛенГИХЛ, 1932. – 335 с.

27. Залп. Сборник армейского творчества. Пятая очередь. – Л. – 1933. – № 5.

28. Шошин В. А. Ленинградско-Балтийское отделение Литературного объединения Красной Армии и Флота (1930–1934) // Из истории литературных объединений Петрограда–Ленинграда 1920–1930-х гг. Кн. 2. Исследования и материалы. – СПб.: Наука, 2006. – С. 160–189.

29. Эйдук Я. К областной конференции латышских пролетарских писателей // Резец. – 1931. – № 25. Сент. – С. 16.

30. История советского драматического театра: в 6 т. Т. 4: 1933–1941. – М.: Наука, 1968. – 696 с.

31. Чернова Т. Смоленский латышский театр // Латыши и белорусы: вместе сквозь века: сборник научных статей. Вып. 5. – Минск: РИВШ, 2016. – С. 54–60.

32. «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925–1938. Документы / сост. Д. Л. Бабиченко. – М.: Росспэн, 1997. – 318 с.

33. О перестройке Ленинградских литературно-художественных организаций // Резец. – 1932. – № 13–14. 10 мая. – С. 21.

34. О литературных группах в области и о партсовещании по подготовке к съезду писателей // Резец. – 1933. – № 21. Нояб. – С. 22.

35. Участники Первого съезда советских писателей с решающим голосом // Википедия – свободная энциклопедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Участники_Первого_съезда_советских_писателей_с_решающим_голосом (дата обращения 10.06.2022).

36. Писатели Ленинграда: Биобиблиографический справочник. 1934–1981 / Авт.-сост. В. Бахтин, А. Лурье. – Л.: Лениздат, 1982. – 376 с.

37. Ленинградский мартиролог, 1937–1938: Книга памяти жертв политических репрессий. Т. 7: январь 1938 года. – СПб.: РНБ, 2007. – 742 с. – URL: https://visz.nlr.ru/person/book/t7 (дата обращения 10.06.2022).

38. Распятые. Писатели – жертвы политических репрессий. Вып. 3. Палачей судит время / Автор-сост. З. Л. Дичаров. – СПб.: Отделение издательства «Просвещение», 1998. – 255 с.

39. Ровда К. И. Луначарский – академик и директор Пушкинского Дома // А. В. Луначарский: исследования и материалы / Отв. ред. А. Н. Иезуитов – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1979. – С. 207–232. [Электронный ресурс]. URL: http://lunacharsky.newgod.su/issledovania/issledovaniya-i-materialy/lunacharskij-akademik-i-direktor-pushkinskogo-doma/ (дата обращения 20.06.2022).

40. Ровда К. Революционный трибунал: рецензия // Резец. – 1933. – № 19. Окт. – С. 22–23.

41. Эйдук Я. Депутаты восстаний: стихотворение / Пер. В. Саянова // Резец. – 1933. – № 19. Окт. – С. 11.

42. Ленинградский мартиролог, 1937–1938: Книга памяти жертв политических репрессий. Т. 8: январь – февраль 1938 года. – СПб.: РНБ, 2008. – 698 с. – URL: https://visz.nlr.ru/person/book/t8/28/10 (дата обращения 20.05.2022).

43. Постановление Совнаркома СССР от 16 июля 1937 г. «О ликвидации просветительного общества Прометей» // Топография террора. – URL: https://topos.memo.ru/en/node/70 (дата обращения 20.06.2022).

References

1. Literary Encyclopedia: in 11 vol. Vol. 9 [*Literaturnaya entsiklopediya: v 11 t. T. 9*]. Moscow: OGIZ RSFSR, Sovetskaya entsiklopediya, 1935, 832 col.

2. Dicharov Z. L. (Author-comp.) Crucified. Writers – Victims of Political Repression. Issue. 2: Graves without Crosses [*Raspyatye. Pisateli – zhertvy politicheskikh repressiy. Vyp. 2. Mogily bez krestov*]. St. Petersburg: Vsemirnoe slovo, 1994, 215 p.

3. Libedinsky Yu. Contemporaries: Memories [*Sovremenniki: Vospominaniya*]. Moscow: Sovetskiy pisatel, 1958, 360 p.

4. All Leningrad. Address and Reference Book of Leningrad for 1927 [*Ves Leningrad. Adresnaya i spravochnaya kniga g. Leningrada na 1927 god*]. Leningrad: Organizatsionnyy otdel Leningradskogo gubispolkoma, 1927, 1082 p.

5. All Leningrad and the Leningrad Region in 1928. Address and Reference Book. Part I. All Leningrad. Part II. Leningrad Region [*Ves Leningrad i Leningradskaya oblast na 1928 god. Adresnaya i spravochnaya kniga. Ch. I. Ves Leningrad. Ch. II. Leningradskaya oblast*]. Leningrad: Orgotdel Leningradskogo oblastnogo ispolkoma i Leningradskogo soveta, 1514 p.

6. National Writers of Karelia: Finnish Emigration and Political Repressions of the 1930s. Bio-Bibliographic Index [*Natsionalnye pisateli Karelii: finskaya emigratsiya i politicheskie repressii 1930-kh godov. Biobibliograficheskiy ukazatel*]. Petrozavodsk: Natsionalnaya biblioteka Respubliki Kareliya, 2005, 124 p.

7. All Leningrad and the Leningrad Region in 1930. Address and Reference Book. Part I. All of Leningrad. Part II. Leningrad Region [*Ves Leningrad i Leningradskaya oblast na 1930 god. Adresnaya i spravochnaya kniga. Chast I. Ves*

Leningrad. Chast II. Leningradskaya oblast]. Leningrad: Orgotdel Leningradskogo oblastnogo ispolkoma i Leningradskogo soveta, 1930, 1262 p.

8. Petrovsky B. National Sections of the LAPP – to the Enterprises! [Natssektsii LAPPa – na predpriyatiya!]. *Rezets* (Tool Bit), 1930, no. 10, Apr., p. 9.

9. Kukushkina T. A. Leningrad Association of Proletarian Writers (LAPP). Fund 493 [Leningradskaya assotsiatsiya proletarskikh pisateley (LAPP). Fond 493]. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2017 god* (Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2017). St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2018, pp. 661–667.

10. Composition of the LAPP Board, Elected by the 3rd Regional Conference [Sostav Pravleniya LAPPa, izbrannyy 3-y Oblastnoy konferentsiey]. *Rezets* (Tool Bit), 1930, p. 8.

11. Ertis E. Early Estonian Soviet Literature [Rannyaya estonskaya sovetskaya literatura]. *Voprosy literatury* (Questions of Literature), 1967, no. 8, pp. 250–252.

12. Sayanov V. M. About the Creative Face of the Leningrad Association of Proletarian Writers. Report at the Second Regional Conference of LAPP (April 22, 1929) [O tvorcheskom litse Leningradskoy assotsiatsii proletarskikh pisateley. Doklad na Vtoroy oblastnoy konferentsii LAPP (22 aprelya 1929 g.)]. *From the History of Literary Associations of Petrograd – Leningrad in the 1920s-1930s. Book 2. Research and Materials* [Iz istorii literaturnykh obedineniy Petrograda – Leningrada 1920–1930-kh gg. Kn. 2. Issledovaniya i materialy]. St. Petersburg: Nauka, 2006, pp. 83–102.

13. All-Union Population Census of 1926. National Composition of the Population in the Republics of the USSR [*Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1926 goda. Natsionalnyy sostav naseleniya po respublikam SSSR*]. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php?reg=1 (accessed 30 June 2022).

14. All-Union Population Census of 1926. National Composition of the Population by Regions of the RSFSR [*Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1926 goda. Natsionalnyy sostav naseleniya po regionam RSFSR*]. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=1082 (accessed 30 June 2022).

15. Distribution of the Population of the Leningrad Region by Gender and Nationality (Results of the Recounts of the Population Census on December 17, 1926) [Raspredelenie naseleniya Leningradskoy oblasti po polu i narodnosti (Itogi pereschetov perepisi naseleniya 17 dekabrya 1926 goda)]. *Naselenie Leningradskoy oblasti (pereschety materialov Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 17 dekabrya 1926 g. v novykh administrativnykh granitsakh na 1 yanvarya 1928 goda)* (Population of the Leningrad Region. Recounts of the Materials of the All-Union Population Census on December 17, 1926 within the New Administrative Boundaries on January 1, 1928). Leningrad: Izdanie orgotdela Leningradskogo oblispolkoma, 1929, pp. 16–33.

16. Dobin E. National Sections of LAPP Before New Tasks [Natsionalnye sektsii LAPP pered novymi zadachami]. *Rezets* (Tool Bit), 1931, no. 14, May, pp. 10–11.

17. Strauss V. P., Chubaryan A. O. (Ed.) From Latvian into Russian (Problems of Translation and Publication of the Works of Writers of the Latvian Diaspora in Russia in the 20–30s of the XX century) [S latyshskogo na russkiy (Problemy perevoda i izdaniya proizvedeniy pisateley latyshskoy diaspory v Rossii v 20-30-kh gg. XX v.)]. *Rossiya i Baltiya. Vyp. 6: Dialog istorikov raznykh stran i pokoleniy* (Russia and Baltic Countries. Issue 6: Dialogue of Historians of Different Countries and Generations). Moscow: Ves Mir, 2011, pp. 117–122.

18. Muratova V. D. (Comp.), Balukhatova S. D. (Ed.) Periodicals on Literature and Art During the Years of the Revolution 1917–1932 [*Periodika po literature i iskusstvu za gody revolyutsii 1917–1932*]. Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR, 1933, 344 p.

19. Writers of St. Petersburg. XX Century: Encyclopedic Dictionary [*Literatory Sankt-Peterburga. XX vek: Entsiklopedicheskiy slovar*]. Available at: https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/s/silman--977 (accessed 30 June 2022).

20. Kukushkina T. I. On the History of the Section of Leningrad Interpriters (1924–1932) [K istorii sektsii leningradskikh perevodchikov (1924–1932)]. *Instituty kultury Leningrada na perelome ot 1920-kh k 1930-m godam* (Institutes of Culture of Leningrad at the Turning Point from the 1920s to the 1930s). St. Petersburg: Pushkinskiy dom, 2011, pp. 638–682.

21. Book of Memory of the Kirov Region [*Kniga pamyati Kirovskoy oblasti*]. Available at: https://ru.openlist.wiki/Сильман_Эдуард_Янович_(1893) (accessed 30 June 2022).

22. Klusays E. Rebellious People: Stories. Leningrad. 1925 [Buntuyuschiy narod: Rasskazy. Leningrad. 1925]. *Zvezda* (Star), 1925, no. 2, pp. 296–297.

23. Matsuev N. I. Fiction and Russian Criticism and Translation 1926–1928: Bibliographic Index [*Khudozhestvennaya literatura i kritika russkaya i perevodnaya 1926–1928 gg.: bibliograficheskiy ukazatel*]. Moscow: Izdanie knizhno-bibliotechnykh rabotnikov, 1929, 298 p.

24. Zedin A., Eiduk J., Richter O. Triumph: Latvian Literary and Artistic Almanac [*Triumf: Latyshskiy literaturno-khudozhestvennyy almanakh*]. Leningrad: Priboy; LAPP, 1929, 127 p.

25. Third Bolshevik. Collected National LAPP Sections [*Tretya bolshevistskaya. Sbornik natssektsiy LAPP*]. Leningrad; Moscow: GIKhL, 1932, 112 p.

26. Shoulder to Shoulder: Collected Works. October in World Literature [*Plechom k plechu: sbornik. Oktyabr v mirovoy literature*]. Leningrad: LenGIKhL, 1932, 335 p.

27. Volley. Collected Army Creativity. Fifth Line [*Zalp. Sbornik armeyskogo tvorchestva. Pyataya ochered*]. Leningrad, 1933. no. 5.

28. Shoshin V. A. Leningrad-Baltic Branch of the Literary Association of the Red Army and Navy (1930–1934) [Leningradsko-Baltiyskoe otdelenie Literaturnogo obedineniya Krasnoy Armii i Flota (1930–1934)]. *Iz istorii literaturnykh obedineniy Petrograda–Leningrada 1920–1930-kh gg. Kn. 2. Issledovaniya i materialy* (From the History of the Literary Associations of Petrograd–Leningrad in the 1920s-1930s., Book 2, Research and Materials). St. Petersburg: Nauka, 2006, pp. 160–189.

29. Eiduk J. To the Regional Conference of Latvian Proletarian Writers [K oblastnoy konferentsii latyshskikh proletarskikh pisateley]. *Rezets* (Tool Bit), 1931, no. 25, Sept., p. 16.

30. History of the Soviet Drama Theatre: in 6 vol. Vol. 4: 1933–1941 [*Istoriya sovetskogo dramaticheskogo teatra: v 6 t. T. 4: 1933–1941*]. Moscow: Nauka, 1968, 696 p.

31. Chernova T. Smolensk Latvian Theater [Smolenskiy latyshskiy teatr]. *Latyshi i belorusy: vmeste skvoz veka: sbornik nauchnykh statey. Vyp. 5* (Latvians and Belarusians: Together Through the Centuries. Collected Scientific Works. Issue 5). Minsk: RIVSh, 2016, pp. 54–60.

32. Babichenko D. L. (Comp.) "The Happiness of Literature". State and Writers. 1925–1938. Documents [*"Schaste literatury". Gosudarstvo i pisateli. 1925–1938. Dokumenty*]. Moscow: Rosspan, 1997, 318 p.

33. On the Restructuring of the Leningrad Literary and Artistic Organizations [O perestroyke Leningradskikh literaturno-khudozhestvennykh organizatsiy]. *Rezets* (Tool Bit), 1932, no. 13–14, May 10, p. 21.

34. About Literary Groups in the Region and About the Party Meeting in Preparation for the Congress of Writers [O literaturnykh gruppakh v oblasti i o partsoveschanii po podgotovke k sezdu pisateley]. *Rezets* (Tool Bit), 1933, no. 21, Nov., p. 22.

35. Participants of the First Congress of Soviet Writers with a Decisive Vote [*Uchastniki Pervogo sezda sovetskikh pisateley s reshayuschim golosom*]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Участники_Первого_съезда_советских_писателей_с_решающим_голосом (accessed 30 June 2022).

36. Bakhtin V., Lurie A. (Eds.) Writers of Leningrad: Bio-Bibliographic Reference. 1934–1981 [*Pisateli Leningrada: Biobibliograficheskiy spravochnik. 1934–1981*]. Leningrad: Lenizdat, 1982, 376 p.

37. Leningrad Martyrology, 1937–1938: Memory Book of the Victims of Political Repressions. Vol. 7: January, 1938 [*Leningradskiy martirolog, 1937–1938: Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy. T. 7: yanvar 1938 goda*]. St. Petersburg: RNB, 2007, 742 p. Available at: https://visz.nlr.ru/person/book/t7 (accessed 30 June 2022).

38. Dicharov Z. I. (Author-comp.) Crucified. Writers – Victims of Political Repression. Issue 3. Executioners are Judged by Time [*Raspyatye. Pisateli – zhertvy politicheskikh repressiy. Vyp. 3. Palachey sudit vremya*]. St. Petersburg: Otdelenie izdatelstva "Prosveschenie", 1998, 255 p.

39. Rovda K. I. Lunacharsky – Academician and Director of the Pushkin House [Lunacharskiy – akademik i direktor Pushkinskogo Doma]. *A. V. Lunacharskiy: issledovaniya i materialy* (A. V. Lunacharsky: Research and Materials). Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1979, pp. 207–232. Available at: http://lunacharsky.newgod.su/issledovania/issledovaniya-i-materialy/lunacharskij-akademik-i-direktor-pushkinskogo-doma/ (accessed 30 June 2022).

40. Rovda K. Revolutionary Tribunal: Review [Revolyutsionnyy tribunal: retsenziya]. *Rezets* (Tool Bit), 1933, no. 19, Oct., pp. 22–23.

41. Eiduk J. Deputies of the Uprisings: a Poem [Deputaty vosstaniy: stikhotvorenie]. *Rezets* (Tool Bit), 1933, no. 19, Oct., p. 11.

42. Leningrad Martyrology, 1937–1938: Memory Book of the Victims of Political Repressions. Vol. 8: January – February 1938 [*Leningradskiy martirolog, 1937–1938: Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy. T. 8: yanvar – fevral 1938 goda*]. St. Petersburg: RNB, 2008, 698 p. Available at: https://visz.nlr.ru/person/book/t8/28/10 (accessed 30 June 2022).

43. Decree of the Council of People's Commissars of the USSR of July 16, 1937 "On the Liquidation of the Educational Society Prometheus" [*Postanovlenie Sovnarkoma SSSR ot 16 iyulya 1937 g. "O likvidatsii prosvetitelnogo obschestva Prometey"*]. Available at: https://topos.memo.ru/en/node/70 (accessed 30 June 2022).

Архивные источники

Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб.)

1. Фонд 16. Ленинградский губернский комитет ВКП(б) 1917–1927.

1.1. Оп. 11. Опись дел постоянного хранения. 1919–1927.

1.1.1. Д. 11325. Отчеты и сведения о состоянии работы среди латышей на отдельных предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях, отчеты латышского сектора Областной совпартшколы за 1924/1925 учебный год, латышского домпросвета за октябрь – декабрь месяцы и латышской группы писателей за июнь – декабрь месяц – 18 л.

2. Фонд 24. Ленинградский областной комитет КПСС. 1927–1991.

2.1. Оп. 8. Общее делопроизводство. 1927–1939.

2.1.2. Д. 260. Репертуары театров на 1935–1936 год и о работе областных театров в районах Ленинградской области. 1935–1936. – 143 л.

Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб.)

1. Фонд 258. Национальные дома просвещения города Ленинграда 1918–1937.

1.2. Оп. 4. Латышский Дом просвещения им. Эфферта. 1934–1937.

1.2.3. Д. 21. Анкеты работников Домпросвета и Латышского театра. 1937. – 33 л.

2. Фонд 371. Санкт-Петербургское отделение Союза писателей России. 1918–2018.

2.1. Оп. 2. Личные дела членов Ленинградского отделения Союза советских писателей. 1928–1957.

2.1.3. Д. 90. Кикутс Петр Рудольфович. 1934. – 6 л.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.)

1. Фонд 4331. РГПУ им. А. И. Герцена Министерства образования Российской Федерации. 1918–2001.

1.1. Оп. 42. Архивная опись дел по личному составу (личные дела профессорско-преподавательского состава). 1925–1945.

1.1.1. Д. 158. Эйдук Ян Юрьевич – старший ассистент кафедры латышского языка и литературы. 1928.

Архив Российской Академии наук.

1. Фонд 150. Институт русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом) 1899–1952.

1.1. Оп. 002. Личные дела выбывших сотрудников.

1.1.1. Д. 190. Эйдук Ян Юрьевич, аспирант-докторант ИРЛИ. 1934–1937.

Archive Materials

Central State Archives of Historical and Political Documents of St. Petersburg [Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga].

1. Fond 16 – Leningradskiy gubernskiy komitet VKP(b) 1917–1927 (Fund 16 – Leningrad Governorate Committee of AUCP(b) 1917–1927).

2. Fond 24 – Leningradskiy oblastnoy komitet KPSS. 1927–1991 (Fund 24 – Leningrad Regional Committee of AUCP(b) 1927–1991).

Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg [Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva Sankt-Peterburga].

1. Fond 258 – Natsionalnye doma prosvescheniya g. Leningrada 1918–1937 (Fund 258 – National Education Houses of the City of Leningrad 1918–1937).

2. Fond 371 – Sankt-Peterburgskoe otdelenie Soyuza pisateley Rossii 1918–2018 (Fund 258 – St. Petersburg branch of the Writers' Union of Russia. 1918–2018).

Central State Archives of St. Petersburg [Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga]

1. Fond 4331 – RGPU im. A. I. Gertsena Ministerstva obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii. 1918–2001 (Russian State Pedagogical University in the name of A. I. Herzen of the Ministry of Education of the Russian Federation)

Archive of the Russian Academy of Sciences

1. Fond 150 – Institut russkoy literatury Akademii nauk SSSR (Pushkinskiy Dom) 1899–1952 (Fund 150 – Institute of Russian Literature of the Academy of Sciences of the USSR (Pushkin House) 1899–1952).

Приложение

Издания латышской секции ЛАПП – ССП (на русском языке)*

Арайс-Берце А. Смерть Менуса: Рассказы подпольщика / Предисл.: Я. Эйдук. Тот, кого убили (А. Арайс-Берце). – Л.: Прибой, 1925. – 98, [2] с., портр.

Эйдук Я. Тот, кого убили (А. Арайс-Берце) // Арайс-Берце А. Смерть Менуса: Рассказы подпольщика. – Л.: Прибой, 1925. – С. 3–8.

Клусайс Э. Бунтующий народ: Рассказы / И. [!] Клусайс; пер. с латыш. Э. С-на; со вступ. ст. И.[!] Эйдук. Латышская пролетарская литература и Клусайс. – Л.: Прибой, 1925. – 152 с.

Лайцен Л. Оправданные: Рассказы / Пер. с латышск. Э. Сильман. – Л.: Прибой, 1925. – 115, [2] с.

Упит А. Северный ветер: Роман. Из эпохи 1905 года в Латвии / Пер. с латышск. Э. Сильмана. – Л.: Кубуч, 1925. – 371 с.

Клусайс Э. Тысяча девятьсот семнадцатый / Пер. с латышск. – Л.: Прибой, 1926. – 32 с.

Молодая латышская литература: Альманах / А. Цеплис, Р. Эйдеман, Клусайс (Э. Эфферт), Судрабу Эджус, Эд. Саленек; Вступит. ст. В. Кнорин. Латышская литература после войны и революции. – Л.: Прибой, 1926. – 240 с.: портр.

Бергис С. Центр тяжести: Повесть. – Л.: Прибой, 1926. – 80 с.

Клусайс (Э. Эфферт). Женщина с винтовкой: Рассказы / Пер. с латышск. Э. С-на; Вступит. ст.: Я. Эйдук. Э. Эфферт (Клусайс). – Изд. 2-е. – [Л.]: Прибой, 1927. – 337, [2] с. – (ВАПП. [Новинки пролетарской литературы]); на об. титула: Klusais (E. Efferts). Plinsu seeva.

Эйдук Я. Эфферт (Клусайс): вступительная статья // Клуссайс (Э. Эфферт). Женщина с винтовкой: Рассказы. Пер. с латышск. Э. С-на. – Изд-е 2-е – [Л.]: Прибой, 1927. – С. 3–10.

Лайцен Л. Камнем в окно: Рассказы / Пер. с латышск. Л. Латани. – [Л.]: Прибой, 1927 – 115, [2] с. – На об. титула: Linards Laicens. Skaista Italiya.

Упит А. На радужном мосту = Pa varaviksnts tiltu: Роман / Пер. с латышск. Э. Я. Сильмана. – Л.: Мысль, [1927]. – 356 с.

Голая жизнь: Альманах революционных писателей Латвии, Эстонии, Финляндии, Белоруссии / Р. Эйдеман, Л. Лайцен, А. Упит, А. Курций, К. Румор, К. Трейн, Ф. Туглас, С. Ингман, Я. Колас. – Л.: Красная газета, 1928. – 260 с.

Блауман Р. Под сенью смерти: Рассказы / Пер. с латышск. Л. Латани; Вступит. ст. Я. Эйдук. Рудольф Блауман. – [Л.]: Прибой, 1928. – 236, [2] с. – На обороте тит. л.: Rudolfs Blaumanis. Naves ena.

Триумф: Латышский литературно-художественный альманах / А. Зедин, Я. Эйдук, О. Рихтер; Вступит. ст. Я. Лой. Латышско-пролетарская литература. – [Л.]: Прибой [и] ЛАПП, 1929. – 127 с. – (Современная пролетарская литература).

Лоя Я. Латышско-пролетарская литература // Триумф: Латышский литературно-художественный альманах. – [Л.]: Прибой [и] ЛАПП, 1929. – С. 3–9.

Лоя Я. В. Против субъективного идеализма в языковедении // Языковедение и материализм /под ред. Н. Я. Марра. – Л., 1929. – С. 131–217.

Упит А. Северный ветер: Роман / Пер. с латышск. Э.Я Сильмана. – Л.: Красная газета,1929. – 264 с.

Лайцен Л. Избранные произведения: Т. 1. Эмигрант: Роман / Пер. с латышск. Э. Я. Сильмана. – Л.: Прибой, 1929. – 295 с., портр.

Лайцен Л. Избранные произведения: Т. 2. Гибель британского средиземноморского флота: Рассказы. – Л.: Прибой, 1930. – 268 с.

Лайцен Л. Избранные произведения: Т. 3. Взывающие корпуса / Пер. с латышск. Э. Я. Сильмана. – Л.: Прибой, 1929. – 231 с.

Лайцен Л. Избранные произведения: Т. 4. «Да здравствует!» – «Долой!»: Рассказы. – Л.: Прибой, 1930. – 300 с. – Рассказы из сборников «Оправданные» и «Камнем в окно».

Лайцен Л. Избранные произведения: Т. III. Взывающие корпуса / Пер. с латышск. Э. Я. Сильмана. – Изд-е 2-е. – [Л.]: Прибой, 1930. – 230, [1] с.

Эйдук Я. Революционный трибунал: Повести и рассказы / Пер. с латышск. под ред. Э. Сильмана. – Л.; М.: ЛАПП – [ОГИЗ]. Гос. изд-во худ. лит-ры (тип. им. Бухарина в Лгр.), 1931–181, [2] с.

Кадытис-Грозный А. Четверть человека: Рассказы / Пер. с латышск. Э. Я. Сильмана. – Л.; М.: ЛАПП – [ОГИЗ]. Гос. изд-во худ. лит-ры (тип. Печатный двор в Лгр.), 1931. – 123, [2] с.

Упит А. М. Рассказы о пастырях / Пер. с латышск. Э. Я. Сильмана. – М.; Л.: ОГИЗ – Гос. изд-во худ. лит-ры, 1931 (тип. им. Евг. Соколовой в Лгр.) – 222, [2] с.

Упит А. М. Под железной пятой: Роман / Пер. с латышск. Э. Я. Сильмана. – М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры – ОГИЗ, 1931 (тип. Печатный двор в Лгр.). – 372 с. – На об. тит. л.: Andrejs Upits. Zem naglotapapeza.

Калнынь Я. Звездный сбор (На полях маневров): Рассказы. – Л.; М.: ОГИЗ. Гос. изд-во худ. лит-ры – Ленинград – Балт. ЛОКАФ, [1931] (тип. им. Евг. Соколовой в Лгр.). – 104 с. – (Литература и война).

Калнынь Я. Кипуны. По районам сплошной коллективизации (Дневник бригадира). – М.; Л.: ЛАПП – ОГИЗ. Гос. изд-во худ. лит-ры, 1931 (тип. им. Евг. Соколовой в Лгр.). – 104, [2] с. – (Современная пролетарская литература).

Калнынь Я. Звездный сбор: Рассказы. – Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, [1933]. – 178, [2] с., ил.

Лайцен Л. Собрание сочинений: Т. I. Стихи и пьесы / Вступ. ст.: Эмиль Фросс. Творчество Линарда Лайцена. – [Л.]: Гос. изд-во худ. лит-ры, Ленингр. отд-е, 1934. – 147 с.

Лайцен Л. Собрание сочинений: Т. II. Рассказы [из книг «Малена», «Фонарь во мраке» и «Оправдание»]. – [Л.; М.]: Гос. изд-во худ. лит-ры (тип. в Лгр.), [1932]. – 209, [3] с.

Лайцен Л. Собрание сочинений: Т. III. Рассказы. Мебельная Рига. Прекрасная Италия. – [М.; Л.]: Гос. изд-во худ. лит-ры (тип. им. Бухарина в Лгр.), [1932]. – 224 с.

Лайцен Л. Собрание сочинений: Т. IV. Эмигрант / Пер. с латышск. Э. Я. Сильмана. – [М.; Л.]: Гос. изд-во худ. лит-ры (тип. им. Бухарина в Лгр.), [1931]. – 207 с. – На об. доб. титул. л.: Linards Laicens. Emigrants.

Лайцен Л. Собрание сочинений: Т. V. Взывающие корпуса / Пер. с латышск. Э. Я. Сильмана. – [М.; Л.]: Гос. изд-во худ. лит-ры (тип. в Лгр.), [1931]. – 224 с. – На об. доб. титул. л.: Linards Laicens. Kleedrose korpusi.

Лайцен Л. Портфель и петля: Рассказы о социал-демократах / Авторизир. пер. Э. Сильмана. – Л.: Гослитиздат, 1934. – 156 с.

Кадытис-Грозный А. На берегах Даугавы: Повесть / Пер. с латышск. автора; Послесловие: Э. Эйзеншмидт. – [Л.]: ГИХЛ. Ленингр. отд-ние, 1934. – 188, [3] с. – На об. тит. л.: A. Kaditis-Groznijs. Uz Daugavas krasteem.

Эйдук Я. Ю. Фрейлигрaт и Маркс. Тезисы к диссертации на степень кандидата наук. – [Л.]: тип. АН СССР, [1935]. – 4 с.

Эйдеман Р. Восстание камней (и другие рассказы) / пер. с латышск. П. В. Свирис и О. А. Эйдеман. – IV изд-е. – Л.: Гослитиздат, 1935. – 273, [2] с.

Эйдук Я. Фердинанд Фрейлигрaт и Карл Маркс. – М.; Л.: Изд-во АН СССР (тип. им. Володарского в Лгр.), 1936– 214 с., ил.

Лайцен Л. Лимитрофия: Роман / Пер. с латышск. Э. Сильмана. – Л.: Гослитиздат, 1936. – 381 с.

Упит А. Возвращение и смерть Яна Робежнека: Роман / Пер. с латышск. Э. Сильмана; Послесловие П. Кикутса. – Л.: Гослитиздат, 1936. – 503, [2] с., ил. – На об. тит. л.: Andrejs Upits. Jāna Robežnieka pānakšana. Riga. 1932. Jāna Robežnieka nave. Riga. 1933.

Кикутс П. Реализм Андрея Упитса // Упит А. Возвращение и смерть Яна Робежнека: Роман / Пер. с латышск. Э. Сильмана. – Л.: Гослитиздат, 1936. – С. 491–503, [1].

Публикации в журналах
«На литературном посту» (РАПП) и «Резец» (ЛАПП)

Эйдук Я. Линард Лайцен // На литературном посту. 1927. – № 24. – С. 54–56.

Эйдук Я. Партизаны на станции: отрывок из повести «Ревтрибунал» // Резец. – 1931. – № 14. Май. – С. 1–2.

Ровда К. Революционный трибунал: рецензия на книгу Я. Эйдука «Революционный трибунал» (Л., ГИХЛ, 1931) // Резец. – 1933. – № 19. Окт. – С. 22– 23.

Лайцен Л. Разнесите домовитость! Стихотворение / Пер. В. Саянов // Резец. – 1931. № 26–27. Сент. – С. 7.

Эйдук Я. Депутаты восстаний: Стихотворение / Пер. В. Саянова // Резец. – 1933. – № 19. Окт. – С. 11.

Лайцен Л. Петер Руйтеле в высоком собрании / Пер. с латышск. Э. Я. Сильман //Резец. – 1933. – № 22. Нояб. – С. 1–9.

Линард Лайцен. [К 50-летию со дня рождения и 30-летию литературной деятельности]. Передовая статья // Резец. – 1933. – № 22. Нояб. – 2-я стр. обложки.

*В список включены произведения латышских авторов на русском языке, изданные в Ленинграде в 1925–1936 гг. В их число входят работы: 1) членов латышской секции ЛАПП – Ленинградского отделения ССП; 2) членов московской латышской секции; 3) латышских писателей, проживающих в Латвии.

В случае, если местом издания является сразу Москва и Ленинград [(М.; Л.) или (Л.; М.)], в списке указаны только напечатанные в типографиях Ленинграда.

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

УДК 1

Оптимизм в философии надежды Отто Фридриха Больнова*

Андреева Юлия Владимировна – Башкирский институт социальных технологий, кафедра политологии, истории и теории государства и права, доцент, кандидат педагогических наук, доцент, Уфа, Россия.

Email: andreeva_u_v@insto.ru

SPIN: 3581-7400

Авторское резюме

Состояние вопроса. Являясь по своей сути экзистенциализмом, философия Отто Фридриха Больнова направлена на позитивное восприятие воспитания и обучения в их человеческом измерении.

Методы исследования. Основными методами исследования стали теоретический анализ и педагогическая интерпретация философско-экзистенциальных и философско-антропологических идей немецкого философа и педагога О. Ф. Больнова.

Цель исследования. На примере философского подхода О. Ф. Больнова показать возможности благоприятной педагогической атмосферы в развитии оптимизма как профессионально-личностного качества будущего учителя.

Результаты исследования. Основное понятие философии и педагогики О. Ф. Больнова – «надежда». Речь идет о преодолении чувства опасности, страха и беззащитности в рискогенных ситуациях в современном мире и о создании в педагогическом процессе «новой защищенности», которая раскрывается через понятия «доверие», «послушание», «благодарность», «защитное воспитание». В рамках концепции считается необходимым формирование благоприятной «педагогической атмосферы» (термин О. Ф. Больнова) на основе, по крайней мере, трех педагогических условий: создания педагогической атмосферы защищенности; атмосферы «завтрашности»; атмосферы доверия к миру, помогающему младшим в лице старших обрести основания для радости, доверия, благодарности и послушания. Сущность понятия «оптимизм» рассматривается в рамках данной конкретной концепции – философии экзистенциализма Отто Больнова. Экзистенциально-философский подход позволяет обогатить образовательную практику, давая максимально полное представление о том, какие способы отношений (доверие, уважение, благодарность) между учителем и учеником задействованы в развитии оптимизма.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании социальной философии, этики и педагогики.

* © Андреева Ю. В., 2022.

Выводы. Предложенный подход к развитию оптимизма как профессионально-личностного качества педагога и первые полученные результаты дают возможность сформулировать фундаментальную идею: если оптимизм – это качество, то его можно воспитать. Подход О. Ф. Больнова содержит свои условия и методы, позволяющие это сделать с учетом специфики российской системы образования и ее духовных ценностей.

Ключевые слова: экзистенциальная философия; педагогика; оптимизм; надежда; доверие миру; благодарность; «чувство завтрашности».

Optimism in Otto Friedrich Bollnow's Philosophy of Hope

Andreeva Yulia Vladimirovna – Bashkir Institute of Social Technologies, Department of Political Science, History and Theory of State and Law, PhD (Pedagogy), Associate Professor, Ufa, Russia.

Email: andreeva_u_v@insto.ru

Abstract

Background. In fact being existentialism, the philosophy of Otto Friedrich Bollnow is aimed at a positive perception of education and training for human's needs.

Research methods. The main research methods were theoretical analysis and pedagogical interpretation of the philosophical-existential and philosophical-anthropological ideas of the German philosopher and teacher.

The purpose of the study. To show the possibilities of the pedagogical atmosphere in the development of optimism as a professional and personal quality of the future teacher, using the example of O. F. Bollnow's philosophical approach.

Results. The basic concept of O. F. Bollnow's philosophy and pedagogy is "hope". It means overcoming the feeling of danger, fear and defenselessness in risky situations in the modern world and creating a «new security» in the pedagogical process, which is revealed through the concepts of "trust", "obedience", "gratitude", "protective education". Within the framework of the concept, it is necessary to create a favorable "pedagogical atmosphere" (the term of O. F. Bollnow) based on at least three pedagogical conditions: the creation of a pedagogical atmosphere of security; an atmosphere of "tomorrow"; an atmosphere of trust in the world, where the youngers with the help of the elders find the grounds for joy, trust, gratitude and obedience. The essence of the «optimism» concept is considered from the viewpoint of Otto Bollnow's existentialism. The existential-philosophical approach makes it possible to enrich educational practice, giving the most complete idea of what types of relations (trust, respect, gratitude) between the teacher and the student are involved in the development of optimism.

Implications. The results of the study can be used in teaching social philosophy, ethics and pedagogy.

Conclusion. The approach proposed to the development of optimism as a professional and personal quality of a teacher and the first results obtained make it possible to formulate a fundamental idea: if optimism is a quality, then it can be

cultivated. O. Bollnow's approach contains its own conditions and methods to put them into practice, taking into account the specifics of the Russian education system and its spiritual values.

Keywords: existential philosophy; pedagogy; optimism; hope; trust in the world; gratitude; «sense of tomorrow».

Введение

На сегодняшний день в силу разрушения структуры духовных ценностей и подмены их материальными намечается утрата духовных ориентиров и нравственных примеров в системе образования, что осложняет процесс воспитания и обучения подрастающей личности. Увеличение объема знаний и учебной информации само по себе не раскрывает нравственных смыслов обучения, не намечает нравственных ориентиров в воспитании и не указывает пути преодоления неудач и выхода из духовного кризиса. Даже смена парадигм образования с информационной на личностно-ориентированную трудно исполнима ввиду наличия противоречий между:

– необходимостью повышения мастерства учителя, развития у него критического мышления и социальной ответственности и формальным подходом к данному вопросу;

– потребностью в учебно-педагогическом взаимодействии, основанном на доверительном общении, и практикой ее реализации в педагогическом процессе вуза;

– осознанием научной и практической значимости проблемы развития навыков позитивного мышления, конструктивного анализа и диалога и недостаточной ее изученностью в педагогическом аспекте;

– между высокой теоретической подготовкой учителей, знанием ими способов реализации личностно-ориентированного подхода и слабым использованием технологий радости сотрудничества, учения и творчества;

– недооценкой педагогической наукой общечеловеческих ценностей и таких сложных нравственных понятий, как доверие, надежда, благодарность, послушание, долгое время не выступающих в качестве критериев нравственного сознания педагога;

– между потребностью в защите и защитном воспитании у детей и неумением ее выразить в доброжелательном взгляде, слове, тихой улыбке и отношении у взрослых;

– между осознанием необходимости радости и оптимизма в жизни школы и использованием ее в качестве пустого или внешнего призыва, лозунга.

Решению противоречий способствует научное внимание к ценностно-смысловым, нравственно-ориентирующим аспектам педагогики как науки и образовательной практики, которая должна стать доминирующей и помочь в осознании человеком нравственной силы и самостоятельности, обретении им способности быть и оставаться самими собой, нахождении личностного смысла в учебной деятельности.

Проблема развития оптимизма в образовательном пространстве вуза является одной из актуальных в силу острой необходимости в разработке педагогической концепции развития оптимизма, которая бы ориентировала на радость и успех в образовательной практике обучения и воспитания.

На примере философского подхода О. Ф. Больнова можно подробнее исследовать возможности педагогической атмосферы в развитии оптимизма как профессионально-личностного качества будущего учителя.

Достижение данной цели конкретизируется в решении нескольких задач:

– изучить степень разработанности проблемы развития оптимизма в экзистенциальной философии и педагогике на примере антропологического подхода немецкого философа и педагога Отто Фридриха Больнова;

– предоставить авторскую педагогическую интерпретацию философских идей в рамках подхода немецкого философа.

Результаты исследования

Высшая школа как социальный институт способна ориентировать растущую личность на духовные ценности, зная, что материальные блага – только условия для их развития. Основные идеи экзистенциальной философии способствуют этому, но следует признать, что они с трудом вписываются в современную практику образования, хотя и образуют методологическую основу педагогики экзистенциализма, в рамках которой превалируют следующие установки.

1) Мир иррационален, но познаваем с помощью чувств; познать его законы разумом нереально, но это возможно сделать путем эмоционального постижения.

2) Человек иррационален, но уникален в своем познании мира через реализацию себя и обретение своего «Я». В процессе самореализации происходит процесс самопознания, преодолеваются трудности личностного роста, свободы выбора и ответственности за него. Получая опыт переживания пограничной ситуации, человек обращается к себе, учится себе доверять, получает возможность воспитания в себе поведения, которое М. Хайдеггер, характеризует как «решимость», а Х. Ортега-и-Гассет – как волю к существованию в момент опасности и ее дерзких вызовов.

3) Феномен жизни скрыт в осознании безосновности самой жизни; переживание и опыт делают жизнь экзистенцией и наполняют ее эссенцией, то есть в опыте переживаний и личностной значимости рождаются смыслы собственного существования, которое нельзя рассматривать плоско и в пространстве. Необходимо признавать, что жизнь реализуется в прыжке («вперед и выше»), в мгновении, в преодолении, в перспективе, в «повторении вновь возможности» через предельное напряжение Dasein как способности выстраивать свою жизнь, как признание границ собственного существования.

4) Dasein – пограничная ситуация между жизнью и смертью, критическая ситуация спасения от страха «ежемгновенного ничто», страха собственной смерти с его преодолением путем осознания данного страха и признания человеческой конечности и собственных границ.

5) Человеческое существование мыслится под углом зрения «живого Я» (Dasein), включенного в общество: человек живет не как он сам, а как das «man»; омасовленное бытие (общественное бытие в своей массе) представляет опасность из-за утраты индивидуальной экзистенции самого человека. Тогда общение, выражаясь словами К. Ясперса, выглядит как «любящая вражда».

6) Общество способно нивелировать личность, лишить ее неповторимого своеобразия и оригинальности, разрушить его самобытность и творчество. Под негативным социальным прессингом человек учится жить неподлинно, не искренне, не аутентично, используя обман, болтовню и неискренность в целях защиты самого себя от других. При этом именно общество, объединенное в коллектив единомышленников, способно защитить личность и создать благоприятные условия для ее развития.

7) Каждое мгновение жизни (dasein) делает человека иным и ответственным за свое благо.

8) Свобода человека всегда условна, только тогда она становится осуществимой возможностью его самореализации, открывая все «богатство возможностей строительства собственной жизни».

Уже к середине XX века человек со своими слабостями, страхами, достоинствами и сильными сторонами потерялся на фоне технического прогресса, компьютерных технологий и электронного обучения; но при этом сам он пережил кризис гарантированности человеческого существования благодаря экзистенциальной педагогике, которая стремилась вернуть человека, побудив его отказаться от соблазна «сверхчеловечности», подкрепленной материальным успехом.

Так, например, немецкий философ и педагог О. Ф. Больнов создал целую философию педагогической атмосферы. Он призывал учить в школе детей тому, как обладать спокойным сознанием настоящего в кризисной ситуации, как быть готовым к трудностям и мужественно преодолевать их, при этом сохраняя *любовь к жизни* и доверие к миру.

Сама жизнь дает общую схему для индивидуального Dasein, которое конкретизируется в любви, в признательном доверии, в надежде и *уверенном мужестве к будущему*. В позитивном экзистенциализме О. Ф. Больнова жизнь состоит не только из «ничто» и «тоски», но и из соревновательной, агональной радости, проблематичности и игры. Построение собственной жизни иногда выглядит как построение нового человеческого бытия. Оно возможно на основе «силы вновь обретенной веры» и новой пробужденной «верорасположенности».

О. Ф. Больнов говорил о надежде и успокаивающей уверенности, путь к которой лежит через осознание человеком неустранимости, непрочности и хрупкости своего бытия. Надежда исходит из возможностей человека и его доверия к собственным силам. Здесь, на границе всех рациональных возможностей, человек обретает якобы полное доверия отношение к будущему, лишенному каких-либо духовных оснований самой жизни, в частности – конкретного образа надежды на спасение.

Выраженный в такой форме пессимизм можно назвать иррациональным оптимизмом. О. Ф. Больнов писал, что оптимизм зарождается в семье благодаря *любви матери*, которая в будущем становится основой доверия к жизни и контакта с миром. *В основе всех условий воспитания лежит защитное окружение дома и семьи* [см.: 2]. Это своего рода вовлеченная безопасность, которая не от чего-то, а в чем-то – чувство, которое невозможно воспитать в условиях детского дома, возникающее в любящей семье, своего рода застрахованная безопасность. Семья воспринималась им как остров защищенности, на котором можно расти и развиваться до возможности и способности самостоятельно противостоять суровой действительности: «Мать своей любовью и заботой создает для ребенка пространство доверия, надежности, ясности. Все, что внутри, становится принадлежащим ему, полным смысла, живым, дорогим, близким и доступным» [3, s. 19].

Педагогическая атмосфера, дарящая ребенку чувство защищенности, возникает только в кругу любящих людей и открывает возможности для встреч и нового опыта общения. О. Ф. Больнов рассматривал человеческую сторону педагогического процесса, связанную с взаимоотношениями людей. К педагогическим качествам он относил: доверие, доброту, терпение и ответственность, любовь и благодарность. Но еще: жизнерадостность, *«чувство завтрашности»* (das Gefuhl des Morgentlichen), *радость от ожидания* [4, p. 135–146].

Жизнерадостность – качество хорошего воспитателя, который может создать радостную атмосферу, бережно поддерживая познавательный интерес и радость открытия нового самими детьми в процессе учения. Это качество может проявлять себя не только молодым задором юности, но и тихой радостью в зрелости.

Просветленная жизнерадостность педагога (die Heiterkeit) – это своего рода состояние внутренней ясности, счастья и статического благополучия, которые, в свою очередь, становятся основой для юмора и доброты. Это чувство внутреннего равновесия, которое наполняет человека счастьем и сопровождается тихой улыбкой. Своей тишиной просветленная радость отличается от громкой радости юности, которая зависит от успехов в деятельности. Просветленная радость не характерна для юности, она возникает как результат многих раздумий и преодолений. Но это не холодное дистанцирование, а поддержка и одобрение со стороны старших, обеспечивающая защищенность молодых людей, вызывающая в них радость и уверенность. В книге «Педагогическая атмосфера» [4, p. 158] О. Ф. Больнов писал о просветленной жизнерадостности и считал, что она служит основой и предпосылкой для доброты и юмора педагога. И если громкая радость ученической юности сопровождается успехом в деятельности, то зрелая просветленная радость педагога сопровождается чувством тишины и внутреннего равновесия между желаемым и достигнутым. Достоинство просветленной жизнерадостности выражается в методе некоторого дистанцирования как педагогической способности взглянуть на учебную ситуацию со стороны. Просветленная жизнерадостность наступает вместе со

зрелостью и в связи с преодолением многих трудностей на пути к успеху. Причем это не холодное и расчетливое дистанцирование, это отношение любви и одобрения к молодежи, которое призвано поддержать своим спокойствием, упроченным опытом с целью эмоциональной педагогической поддержки и придания уверенности, радости жизни и хорошего настроения подрастающему поколению.

«*Чувство завтрашности*» – чувство радостного устремления к будущему, способность строить далеко идущие планы, но также и романтические воздушные замки, с усердием воплощая их в жизнь. В педагогической антропологии чувство завтрашности выступает педагогическим условием (вторым, после чувства защищенности) воспитания и обучения. Чувство имеет двойственную природу: с одной стороны, это устремленность в будущее, с другой – способность действовать по принципу: «Здесь и сейчас!». Человек всегда живет в быстротечности момента, в преходящести настоящего, но в то же время он всем сердцем обращен к будущему, «которому радуется, с нетерпением ждет красивую полноту жизни» [3, s. 35].

Счастье и здоровье человека состоит в умении устанавливать баланс между ожиданием и исполнением в действительности. Педагогическая задача – заботиться, чтобы подход с завтрашней радостью к ребенку не закончился его бесплодным разочарованием. Третье педагогическое условие: дать человеку основания для *надежды* и пробудить ее после разочарований, в этом защитная функция воспитания от возможного кризиса разочарований.

Доверие к взрослому порождает у ребенка желание воспитываться, послушание и благодарность. *Благодарность* – само собой разумеющееся чувство, возникающее у ребенка по мере преодоления им возрастных, учебных и других кризисов. «Быть благодарным, это – основное чувство в смысле осознания себя как части целого, как благодарность за жизнь вообще, за то, что есть любящие и оказывающие защиту и помощь люди» [3, с. 39]. Благодарный человек учится с ответственностью и чистой совестью.

С доверием связана педагогическая вера в ребенка и его нераскрытые еще возможности. С благодарностью связано и *послушание* как признательность педагогу, которая выражается в потребности ученика выдержать экзамен перед уважаемым лицом и быть им признанным. Благодарность может перерасти во всеобъемлющий дар взрослого за жизнь в целом. «Благодарность из страха – есть конец всяческому развитию» [3, с. 43].

Ребенок перенимает ожидания взрослых и формируется в соответствии с той картиной доверия, верой, надеждой, которую создал педагог. Причем педагогические требования не должны идти вразрез с ученическими возможностями, это было бы вопиющей педагогической несправедливостью. В этом вопросе следует опираться на то, что есть и оставлять за ребенком право быть собой. Уместно и осознание границ педагогических ожиданий, где жизнь «здесь и сейчас» спланированным образом находится во власти человека, при этом будущее может пойти не по плану и готовить человеку нечто новое.

Ключевым педагогическим качеством О. Ф. Больнов считает терпение, которое отличается от терпения, например, ремесленника. Педагогическое

терпение приобретает внешнюю форму надежды. *Надежда*, с точки зрения О. Ф. Больнова, «является строительным материалом человеческой души» [3, с. 61].

Человеку предлагается жить в ненадежности, в постоянной внутренней готовности к возможным катастрофам, к встрече с самой смертью. И когда человек, не уклоняясь от неизбежных опасностей своего будущего, органично и примет их на себя, он, по О. Ф. Больнову, почувствует необъяснимую и таинственно присутствующую уверенность, что даже в условиях крайней смертельной опасности каким-то образом найдется спасительный выход в лоне некоего всеобъемлющего бытия.

Перед лицом самой смертельной опасности человека защищают такие ценности жизни как благодарность, доверие, терпение, утешение и надежда. Осознавая их, человек начинает жить подлинно, аутентично.

Аутентичное (подлинное) существование – это знание всех возможностей бытия, всех граней реальности. Знание возможностей открывается интуиции (а не разуму), заключающейся в чувстве тоски, которое трактуется как понимание собственной смертности. Тоска, тревога, осознание собственной смертности – проявления и условия подлинной жизни.

Философия Отто Фридриха Больнова базировалась на оптимистической по своей сущности картине немецкого идеализма, на который опиралась педагогика XX века, и в которой пока отсутствовал новый образ человека. О. Ф. Больнов в ряде своих работ поставил целью раздвинуть границы классической педагогики со стабильных воспитательных процессов к нестабильным формам (кризису, пробуждению, встрече), ориентированным на экзистенциальную философию и антропологию. На указанных выше положениях строится философско-педагогическая образцовая модель воспитания.

Жизненное кредо экзистенциальной философии О. Ф. Больнова – в признании за человеком безусловной беззащитности, заброшенности и одиночества. Вслед за ним выстраивается «новое убежище», «чувство глубокой укрытости, основанное на воспитываемом отношении к действительности через понятие “бытие-доверие”». Преодоление трудностей мыслится через критический анализ этических понятий страха, решения и решимости. Признавая положение человека в мире в атмосфере духовной потерянности с чувством всеобщей беззащитности, ему открываются пределы бытия, преодолевается страх. Сила, скрытая внутри самой сущности человека, отзывается и пробуждается решимостью («бегством в решение»), надеждой обрести решение. Таким образом, жизненное кредо экзистенциальной философии О. Ф. Больнова – в решимости как способе противодействия беззащитности и содействия будущему. В решимости прослеживается автономная позиция человека по отношению к враждебному миру, противопоставление себя, своего «Я» самовластию судьбы. Через собственную свободу духа и «ввязывание» в деятельность человек получает чувство сопричастности к миру и к достижению своей подлинной сущности. В неустойчивом мире человек способен занять устойчивое (стойкое) отношение

(позицию), «зацепиться за нее когтями» и обрести, тем самым, уверенность и внутреннюю опору в себе самом, рассчитывая на себя и собственные силы. На пути к этой подлинности человек изживает в себе чувство потерянности и безмерности и возвращается к самому себе, сохраняя возможность быть и оставаться собой.

Разум как чувство меры способен сохранить оптимизм «путем обуздания иррациональных сил». Опираясь на меру, человек обуздывает желания и обретает себя. Другими словами, речь идет о благоразумии как форме оптимизма в целях сохранения внутренней уверенности и равновесия. В безмерности, вслед за Ф. Ницше, О. Ф. Больнов видел все зло мира, потерю гуманности и человечности. Мера объявляется новым экзистенциалом, ограничительным пределом социальной сущности человека. Мера и разум ведут к порядку мира, а страсть к беспорядку и хаосу.

Методы, которые были предложены Отто Больновым в своих трудах [1, с. 149], могут быть сведены к следующим:

– повторяющаяся самоинтерпретация – наверстывание (повторение) радостей прошлого;

– феноменологическое описание переживания радости и надежды;

– дополнительные методы: объяснение как метод и интуитивное педагогическое понимание с переживанием как состояние интуитивной оценки прошлого опыта; герменевтическая интерпретация прошлого опыта как «суперметод» воспитания (герменевтическая педагогика);

– героический пессимизм как форма разумной меры, тайного доверия миру и противопоставление постоянной решимости, исходя из чувства меры;

– размышление о надежде и радости.

Экзистенциально-философский подход

Многие философы говорили о том, что человек живет, преодолевая кризисы, страдание, боль, страх и вину (Ж.-П. Сартр, К. Ясперс и др.), пока в 50-е годы XX века немецкий философ и педагог О. Ф. Больнов не наметил позитивное направление в экзистенциализме.

Экзистенциальная философия по-новому выразила и осмыслила кризис человеческих отношений: доверия, ответственности, благодарности, послушания, любви к детям, гуманизма, оптимизма, который обнаруживается до сих пор в науке, обществе и образовании. Экзистенциализм – это попытка повернуть человека к ограниченности и конечности собственного бытия, подчеркнув величие, бессмертие и смысл земного существования.

Таким образом, любые взаимоотношения обоюдны в учебно-педагогическом процессе, они являются составляющей педагогической культуры и этики, в частности, оптимизм тех, кто учит и тех, кто учится. Безусловно, оптимизм – профессионально-личностное качество хорошего учителя, которое следует развивать еще в стенах педагогического вуза и поддерживать на первой ступени педагогической карьеры, дабы избежать массового ухода начинающих специалистов из школы и дальнейшего падения престижа учительской профессии.

Вывод

Предложенный подход к развитию оптимизма как профессионально-личностного качества педагога и первые полученные результаты дают возможность сформулировать фундаментальную идею: если оптимизм – это качество, то его можно воспитать, и подход О. Ф. Больнова содержит свои условия и методы, позволяющие это сделать с учетом специфики российской системы образования и ее духовных ценностей.

Список литературы

1. Больнов О. Ф. Философия экзистенциализма / Пер. с нем. и предисл. С. Э. Никулина. – СПб.: Лань, 1999. – 222 с.

2. Куликов В. Б. Больнов (Bollnow) Отто Фридрих // Российская педагогическая энциклопедия. В 2 томах. Т. 1. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. – С. 199.

3. Bollnow O. Die padagogische Atmosphare: Untersuchungen uber die gefuhl-smasigen zwischenmenschlichen Voraussetzungen der Erziehung. — Essen: Die Blaue Eule, 2001. – 112 s.

4. Hufnagel E. Otto Friedrich Bollnow // Padagogische Theorien im 20. Jahrhundert. – Frankfurt am Main: Haag und Herchen, 1982. – Pp. 135–146.

References

1. Bollnow O. F. Existential Philosophy [*Filosofiya ekzistencializma*]. Saint Petersburg: Lan, 1999, 222 p.

2. Kulikov V. B. Bolnov Otto Fridrikh [Bollnow Otto Friedrich]. *Rossiyskaya pedagogicheskaya entsiklopediya. V 2 t. T. 1* (Russian Pedagogical Encyclopedia: in 2 vol. Vol. 1). Moscow: Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya, 1993, p. 199.

3. Bollnow O. *Die padagogische Atmosphare: Untersuchungen uber die gefuhl-smasigen zwischenmenschlichen Voraussetzungen der Erziehung*. Essen: Die Blaue Eule, 2001, 112 s.

4. Hufnagel E. Otto Friedrich Bollnow. *Padagogische Theorien im 20. Jahrhundert*. Frankfurt am Mai: Haag und Herchen, 1982, pp. 135–146.

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

УДК [612.67+612.68]: 612.818

Российские физиологи об адренергических механизмах нервной трофики в приложении к процессам старения и долголетия*

Забродин Олег Николаевич – Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова Министерства здравоохранения Российской Федерации, кафедра анестезиологии и реаниматологии, старший научный сотрудник, доктор медицинских наук, Санкт-Петербург, Россия.

Email: ozabrodin@yandex.ru
Scopus ID: 36909235400

Авторское резюме

Предмет исследования: Проведен анализ данных изучения ведущими русскими физиологами нервной трофики, адренергических механизмов ее нарушений (нейрогенной дистрофии) в процессе старения и восстановления с помощью адренопозитивных средств.

Результаты: Симпатико-адреналовая система (САС) и ее основа – симпатическая нервная система (СНС) поддерживают трофику тканей и органов путем активации в них энергетических и пластических процессов с помощью своего нейрохимического посредника (медиатора) норадреналина (НА). По мере старения организма наступает старение и СНС, уменьшение синтеза НА в симпатических окончаниях и ослабление ее трофической функции. Долголетию способствуют физические методы (закаливание, дозированные голодание и физические нагрузки) и фармакологические средства, поддерживающие трофическую функцию СНС и адренергическую медиацию – взаимодействие НА с адренорецепторами тканей.

Выводы: Воздействия, повышающие продолжительность жизни экспериментальных животных и людей – дозированные охлаждение (закаливание) и голодание, регулярные физические упражнения (тренировки) и т. п. – связаны с активацией адренергических механизмов трофической и адаптационно-трофической функции СНС.

Ключевые слова: нервная трофика; старение; долголетие; симпатическая нервная система; адренергическая медиация.

* © Забродин О. Н., 2022.

Russian Physiologists on Adrenergic Mechanisms of Nervous Trophism in Application to the Processes of Aging and Longevity

Zabrodin Oleg Nikolaevich – First St. Petersburg State Medical University named after Academician I. P. Pavlov of the Ministry of Health of the Russian Federation, Department of Anesthesiology and Intensive Care, Senior Researcher, Doctor of Medical Sciences, Saint Petersburg, Russia.

Email: ozabrodin@yandex.ru

Abstract

Objective of the study: The analysis is based on the data collected by leading Russian physiologists in the field of nervous trophism, adrenergic mechanisms of its disorders (neurogenic dystrophy) in the process of aging and recovery with the help of adrenopositive agents.

Results: The sympathetic-adrenal system (SAS) and its basis – the sympathetic nervous system (SNS) support the trophism of tissues and organs by activating energy and plastic processes in them with the help of their neurochemical mediator – norepinephrine (NA). Aging of the organism is accompanied by aging of the SNS, a decrease in the synthesis of NA in the sympathetic endings and a weakening of its trophic function. Some physical methods (cold acclimation, dosed starvation diet and exercise regimen) and pharmacological agents that support the trophic function of the SNS and adrenergic mediation – the interaction of NA with adrenoreceptors of tissues facilitate longevity.

Conclusion: Effects that increase the lifespan of experimental animals and humans – dosed cooling (cold acclimation) and starvation, regular physical exercises (training), etc. – are associated with the activation of adrenergic mechanisms of the trophic and adaptive-trophic functions of the SNS.

Keywords: nervous trophism; aging; longevity; sympathetic nervous system; adrenergic mediation.

Прежде всего следует остановиться на определении понятия «нервная трофика». Различные дефиниции «нервной трофики» подчеркивают способность нервной системы к поддержанию структурной целостности и функционального постоянства органов и тканей путем активации в них трофических (энергетических и пластических процессов) на оптимальном уровне, или, согласно Л. А. Орбели [см.: 14], на уровне, соответствующем потребностям момента.

Изучение нервной трофики и ее нарушений явилось в значительной мере приоритетным направлением в исследованиях отечественных ученых (И. П. Павлов, Л. А. Орбели, А. Д. Сперанский, С. В. Аничков и др.).

С. В. Аничков понимал под нервной трофикой регулирующее влияние нервной системы на «те обменные процессы в тканях, которые непосредственно обеспечивают их структурную целостность и функциональную готовность» [1, с. 3].

Л. А. Орбели и его школа развили учение об адаптационно-трофической функции симпатической нервной системы (СНС). Л. А. Орбели подчеркивал, что «…независимо от того, играют ли нервы роль в патологии или нет, определенные отделы нервной системы по специальным проводникам, по симпатическим волокнам, в нормальных физиологических условиях участвуют в регуляции химических процессов в органах и определяют собой как ход химической реакции, так и физическое состояние мышц и тканей» [см.: 14, с. 594].

Основополагающий вклад в учение о нервной трофике внесли работы И. П. Павлова, обобщенные им в докладе «О трофической иннервации» [см.: 15]. В нем он указывал, что трофические нервы определяют в интересах организма как целого точный размер окончательной утилизации питательных материалов каждым органом и что «…химический жизненный процесс каждой ткани регулируется в его интенсивности особыми центробежными нервами и притом по распространенному в организме принципу: в двух противоположных направлениях. Одни нервы усиливают этот процесс и тем поднимают жизненность ткани, другие ослабляют его и при чрезвычайном их раздражении лишают ткань способности сопротивляться разрушительным, постоянно внутри и вне организма действующим влияниям всякого рода» [15, с. 578].

Исследованиями С. В. Аничкова и сотрудников в это высказывание И. П. Павлова было внесено уточнение: к ослаблению «жизненного процесса каждой ткани» (дистрофии) приводит усиленное возбуждение нервов, повышающих «жизненность ткани», а именно, симпатических нервов, но вследствие последующего истощения их резервных возможностей.

Для выяснения механизмов развития нейрогенной, рефлекторной дистрофии сердца, желудка (и в первую очередь слизистой оболочки желудка – СОЖ), печени и поджелудочной железы С. В. Аничковым и сотрудниками был проведен фармакологический анализ с использованием нейротропных средств, прерывающих проведение нервных импульсов в различных звеньях рефлекторной дуги. Дистрофические изменения в органах у животных вызывали раздражением рефлексогенных зон и интра- и проприорецепторов [см.: 1, 10].

Проведенный анализ выявил ведущую роль в развитии дистрофии органов гиперактивации адренергических механизмов, то есть механизмов, связанных с осуществлением адренергической передачи нервного возбуждения путем высвобождения из симпатических окончаний медиатора (нейрохимического посредника между ними и тканями) норадреналина (НА). Использованные раздражения вызвали: гиперактивацию СНС, повышенное высвобождение из симпатических окончаний НА и последующее его истощение в них [см.: 1; 7; 8; 10]. Вследствие этого осуществление в органах энергетических и пластических процессов, поддерживающих целостность тканей и их резистентность к повреждающим воздействиям, существенно нарушается.

При этом в СОЖ развиваются деструктивные изменения: геморрагические эрозии слизистой оболочки желудка (ГЭСОЖ) и изъязвления

стенки желудка, в других исследованных органах – микроскопические и ультрамикроскопические изменения. Последние прослеживаются в виде повреждения ультраструктуры внутриклеточных органелл, в первую очередь митохондрий, – субстрата энергообразования в клетках [см.: 10].

Факт истощения содержания НА в стенке желудка и миокарде в результате раздражения у животных рефлексогенных зон был признан Комитетом по делам изобретений и открытий при СМ СССР в качестве Открытия, сделанного С. В. Аничковым, И. С. Заводской, Е. В. Моревой, В. В. Корховым и О. Н. Забродиным и зарегистрированного в 1971 г. за № 74.

Предупреждение истощения содержания НА с помощью препаратов, способствующих его синтезу или препятствующих его усиленному высвобождению и последующей ферментативной инактивации предотвратило развитие в исследуемых органах дистрофических изменений. Напротив, на их возникновение в СОЖ усугубляющее влияние оказывало истощение или нарушение синтеза НА в стенке желудка [см.: 7; 8].

Таким образом, экспериментально было доказано важное свойство СНС и ее медиатора НА *поддерживать резистентность тканей к повреждающим воздействиям*.

Также и в физиологических условиях были получены непосредственные доказательства того, что тонус СНС поддерживает скорость метаболизма у здоровых взрослых людей [см.: 29].

Дальнейшие исследования С. В. Аничкова и сотрудников обнаружили способность СНС ускорять обратное развитие дистрофических изменений в органах, – процесс репаративной регенерации тканей.

Фармакологические средства, способствовавшие тем или иным путем взаимодействию НА с адренорецепторами тканей, ускоряли восстановление содержания НА и энергетических процессов в стенке желудка, сердце и поджелудочной железе, нарушенных вследствие наносимого раздражения, и активировали репарацию указанных органов после их рефлекторного повреждения, в частности, заживление ГЭСОЖ [см.: 7; 8; 13].

Напротив, ослабление с помощью центральных и периферических нейротропных блокаторов центробежной импульсации по симпатическим нервам и высвобождения из их окончаний НА тормозили у экспериментальных животных в исследованных органах восстановление содержания НА, нарушенного энергетического обмена и структурной целостности. Подобными же тормозящими эффектами обладали средства, истощающие депо катехоламинов (КА) [см.: 7; 8; 13].

Представленные выше результаты дополнили понятие «нервная трофика» *как свойство СНС стимулировать репаративные процессы в тканях* и позволили дать ему расширенное определение: «Под нервной трофикой следует понимать способность нервной системы (и в первую очередь симпатического ее отдела) к поддержанию в клетке, ткани, органе и организме в целом: энергетических и пластических процессов, структуры, функции, резистентности к повреждающим воздействиям и к восстановлению структуры и функции после их нарушения».

Известно, что у людей по мере старения развиваются нарушения трофики тканей: поседение и выпадение волос на голове, ломкость ногтей, остеопороз, трофические язвы на ногах и др. Известный морфолог А. С. Догель высказал гипотезу о том, что старение организма в целом обусловлено старением СНС [см.: 6].

Это предположение получило развитие в работах В. В. Фролькиса и сотрудников [см.: 18–19]. В их исследованиях старение СНС получило дальнейшие морфологическое, физиологические и биохимические подтверждения.

Многочисленные факты указывают на то, что процесс старения связан с повреждением структуры и функции симпатико-адреналовой системы (САС) и входящей в нее СНС. В самих симпатических окончаниях развиваются дегенеративные изменения [см.: 18]. В них по мере старения уменьшается синтез и содержание НА [см.: 27].

Эти факты уместно связать с нарушением аксонального тока – транспорта компонентов синтеза белка и нейромедиаторов внутри нейрона [см.: 3; 19].

В связи с этим отмечено достоверное уменьшение уровня НА в крови испытуемых и величины выделения его с мочой в покое [см.: 2; 25]. Также у старых испытуемых происходит заметное уменьшение секреции А надпочечниками в покое и в ответ на острый стресс [см.: 31]. В соответствии со всем этим снижается реактивность СНС при стрессе [см.: 18; 28].

Прогрессивное старение экспериментальных животных – собак, перенесших ленинградское наводнение 1924-года, вызвавшее развитие у них невроза, привело И. П. Павлова к мысли о том, что причиной этого явления стало перенапряжение нервной системы животных, приведшее к срыву высшей нервной деятельности (ВНД).

И действительно, при старении у животных и людей нарушаются процессы ВНД: условные рефлексы образуются с большим трудом, являются менее стойкими [см.: 17]. Эти явления уместно связать, в частности, с ослаблением адаптационно-трофических влияний СНС на центральную нервную систему (ЦНС), в частности, на кору головного мозга: удаление верхних симпатических ганглиев у собак приводило к срыву выработанных условных рефлексов и к затруднению выработки новых [см.: 14].

При старении у животных и людей происходит также уменьшение адаптационно-трофического влияния СНС на скелетную мускулатуру. Характерный показатель этого – ослабление феномена Орбели-Гинецинского. Вкратце он состоит в восстановлении работоспособности утомленной скелетной мышцы лягушки вследствие раздражения электрическим током цепочки симпатических ганглиев [см.: 14]. Этот феномен воспроизводится у старых крыс с бóльшим трудом, чем у молодых, а именно – при значительно бóльшем напряжении тока (повышение порога возбудимости) [см.: 18].

При этом компенсаторной реакцией организма, направленной на поддержание жизненно важной адренергической медиации, является: увеличение уровня катехоламинов (КА) – НА и А в плазме крови людей и животных [см.: 22; 30]. С учетом пониженной реактивности СНС увеличенный

уровень можно объяснить нарушением обратного захвата их симпатическими окончаниями [см.: 26; 28] и замедленным выведением из крови вследствие ослабленной инактивации с образованием конечного продукта – ванилилминдальной кислоты [см.: 18]. К компенсаторным реакциям также следует отнести повышение чувствительности денервированных структур, как позднее было установлено, – адренорецепторов тканей, к КА [см.: 12].

В покое СНС поддерживает скорость метаболизма у людей, активируя бета-адренорецепторы тканей и стимулируя в тканях и органах энергетический метаболизм. Такой эффект СНС более выражен у тренированных пожилых людей, чем у лиц того же возраста, ведущих сидячий образ жизни, благодаря большей выработке энергии [см.: 20; 21].

С целью улучшения нарушенной при старении адаптационной функции СНС и отсрочивания процесса старения рекомендовано усиление двигательной активности и афферентной (центростремительной) импульсации к головному мозгу с помощью массажа и акупунктуры [см.: 24].

Задерживают процесс старения экспериментальных животных (крыс) средства, сохраняющие или восстанавливающие катехоламинергическую медиацию, в частности – ингибитор моноаминоксидазы В депренил [см.: 23], и близкий по строению к дофамину ибопамин, препятствующий дегенерации нейронов [см.: 33]. Также предшественник КА l-диоксифенилаланин (L-ДОФА) проявляет лечебный эффект у больных болезнью Паркинсона и способствует продлению их жизни [см.: 32].

Следует заключить, что поддержание адренергических механизмов нервной трофики является важным фактором замедления процесса старения [см.: 34].

Среди факторов, способствующих долголетию у людей – творческих работников и ученых, следует отметить, по крайней мере, три: 1) наличие жизненной доминанты, «дела жизни»; 2) сверхценность идеи («сверх» продолжительности индивидуальной жизни); 3) страстность в искании истины [см.: 9]. Среди них И. П. Павлов особо выделял страстность, скромность, а также последовательность в достижении цели [см.: 16].

Известно, что среди ученых, преданных науке, многие доживают до глубокой старости и, несмотря на сидячий образ жизни и преклонный возраст, сохраняют интеллект и высокую работоспособность. Представляется, что в основе этого феномена лежит динамогенное действие эмоций [см.: 4] – способность САС мобилизовать энергетические (психические и физические) ресурсы под влиянием сильных эмоций или в экстремальных условиях [см.: 11]. В. С. Дерябин в статье «Эмоции как источник силы» (1944) объяснил этот феномен усилением адаптационно-трофических влияний СНС на ЦНС и скелетную мускулатуру [см.: 4]. Знаменательно, что все перечисленные условия долголетия характеризуются умеренной активацией СНС.

Следует отметить, что острые отрицательные эмоции (страх, гнев) и, в особенности, длительные, связанные с ущербом для личности (оскорбление, унижение, ревность, зависть, переживание всякого рода несправедливости и т. п.), истощают СНС и адренергическую поддержку нервной трофики.

Напротив, значительную роль в долголетии играют положительные эмоции, способствующие улучшению трофики тканей, что отмечено в народной поговорке: «От радости кудри вьются, от горя – секутся». Уместно привести рецепт долголетия известного писателя В. А. Гиляровского: «Никого и ничего в жизни не бойся и никогда не сердись – проживешь сто лет».

В заключении, основываясь на исследованиях отечественных физиологов, можно отметить, что воздействия, повышающие продолжительность жизни экспериментальных животных и людей – дозированные охлаждение (закаливание) и голодание, регулярные физические упражнения (тренировки) и т. п. – связаны с активацией адренергических механизмов трофической и адаптационно-трофической функции СНС.

Список литературы

1. Аничков С. В., Заводская И. С., Морева Е. В., Веденеева З. И. Нейрогенные дистрофии и их фармакотерапия. – Л.: Медицина, 1969. – 238 с.

2. Воронков Г. С. Возрастные особенности содержания адреналина и норадреналина в крови и моче и некоторые стороны их обмена при различных функциональных состояниях организма. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата медицинских наук. – Киев, 1975. – 22 с.

3. Глебов Р. Н., Кржижановский Г. Н. Аксональный ток веществ при различных физиологических и патологических состояниях нервной системы // Успехи современной биологии // 1978. – Т. 82. – В. 6. – С. 417–436.

4. Дерябин В. С. Эмоции как источник силы // Наука и жизнь. – 1944. – № 10. – С. 21–25.

5. Дерябин В. С. Психология личности и высшая нервная деятельность: Психофизиологические очерки / Отв. ред. О. Н. Забродин. Издание 2-е, дополненное. – М.: ЛКИ, 2010. – 202 с.

6. Догель А. С. Старость и смерть. – Птг.: Мысль. – 1922. – 45 с.

7. Забродин О. Н. Влияние фармакологических веществ на развитие геморрагических эрозий и уровень норадреналина в стенке желудка у крыс // Фармакология и токсикология. – 1978. – № 1. – С. 32–36.

8. Забродин О. Н. Фармакологический анализ адренергических механизмов репарации слизистой желудка // Достижения современной нейрофармакологии. – Л.: Академия медицинских наук СССР, Институт экспериментальной медицины АМН СССР, 1982. – С. 40–43.

9. Забродин О. Н. «Письмо к молодежи» И. П. Павлова и три условия долголетия // Российский медико-биологический вестник имени академика И. П. Павлова. – 2000. – № 1–2. – С. 207–212.

10. Заводская И. С., Морева Е. В. Фармакологический анализ механизма стресса и его последствий. – Л.: Медицина, 1981. – 214 с.

11. Кеннон В. Физиология эмоций. Телесные изменения при боли, голоде, страхе и ярости. – М.–Л.: Прибой, 1927. – 173 с.

12. Кеннон В., Розенблют А. Повышение чувствительности денервированных структур. Закон денервации. – М.: Издательство иностранной литературы, 1951. – 264 с.

13. Комаров Ф. И., Заводская И. С., Морева Е. В., Щедрунов В. В., Лисовский В. А. Нейрогенные механизмы гастродуоденальной патологии. – М.: Медицина, 1984. – 240 с.

14. Орбели Л. А. О некоторых достижениях советской физиологии // Избранные труды. Т. 2. – М.–Л.: Издательство АН СССР, 1962. – С. 587–606.

15. Павлов И. П. О трофической иннервации // Полное собрание сочинений. Т. 1. – М.–Л.: Издательство АН СССР, 1951. – С. 577–582.

16. Павлов И. П. Письмо к молодежи // Полное собрание сочинений. Том 1. – М.–Л.: Издательство АН СССР, 1951. – С. 22–23.

17. Петрова М. К. О роли функционально ослабленной коры головного мозга в возникновении различных патологических процессов в организме. – Л.: Медгиз, 1946. – 95 с.

18. Фролькис В. В. Старение. Нейрогуморальные механизмы. – Киев: Наукова думка, 1981. – 320 с.

19. Фролькис В. В., Мурадян Х. К. Экспериментальные пути продления жизни. – Л.: Наука, 1988. – 248 с.

20. Bell C., Seals D. R., Monroe M. B., Day D. S., Shapiro L. F., Johnson D. G., Jones P. P. Tonic Sympathetic Support of Metabolic Rate Is Attenuated with Age, Sedentary Lifestyle and Female Sex in Healthy Adults // Journal of Clinical Endocrinology and Metabolism. – 2001. – Vol. 86. – No. 9. – Pp. 4440–4444. DOI: 10.1210/jcem.86.9.7855

21. Bell C., Day D. S., Jones P. P., Christou D. D., Petitt D. S., Osterberg K., Melby C. L., Seals D. R. High Energy Flux Mediates the Tonically Augmented Beta-adreergic Support of Resting Metabolic Rate in Habitually Exercising Older Adults // Journal of Clinical Endocrinology and Metabolism. – 2004. – Vol. 89. – No. 7. – Pp. 3573–3578. DOI: 10.1210/jc.2003-032146

22. Banerji T. K., Parkening T. A., Collins T. J. Adrenomedullary Catecholaminergic Activity Increases with Age in Male Laboratory Rodents // Journal of Gerontology. – 1984. – Vol. 39. – No. 3. – Pp. 264–268. DOI: 10.1093/geronj/39.3.264

23. Burchinsky S. G., Kuznetsova S. M. Brain Monoamine Oxidase and Aging. A Review // Archives of Gerontology and Geriatrics. – 1984. – Vol. 14. – No. 1. – Pp. 1–15. DOI: 10.1016/0167-4943(92)90002-l

24. Hotta H., Uchida S. Aging of Autonomic Nervous System and Possible Improvements in Autonomic Activity Using Somatic Afferent Stimulation // Geriatrics and Gerontology International. – 2010. – No. 10. – Suppl. 1. – Pp. 127–136. DOI: 10.1111/j.1447-0594.2010.00592.x

25. Kărki N. T. The Urinary Excretion of Noradrenaline and Adrenaline in Different Age Groups, Its Diurnal Variations and the Effect of Muscular Work on It // Acta Physiologica Scandinavica. – 1956. – Vol. 39. – Suppl. 132. – Pp. 1–96.

26. Kreider M. S., Goldberg P. B., Roberts J. Effect of Age on Adrenergic Neuronal Uptake in Rat Heart // Journal of Pharmacology and Experimental Therapeutics. – 1984. – Vol. 231. – No. 2. – Pp. 367–372.

27. Martinez J. L. (Jr.), Vasquez B. J., Messing R. B., Jensen R. A., Liang K. C., McGaugh J. L. Age Related Changes in the Catecholamines Content of

Peripheral Organs in Male and Female F 344 Rats // Journal of Gerontology. – 1981. – Vol. 36. – No. 3. – Pp. 280–284. DOI: 10.1093/geronj/36.3.280

28. McCarty R. Age-related Alterations in Sympathetic-adrenal Medullary Responses to Stress // Gerontology. – 1986. – Vol. 32. – No. 3. – Pp. 172–183. DOI: 10.1159/000212785

29. Monroe M. B., Seals D. R., Shapiro L. F., Bell C., Johnson D., Parker Jones P. Direct Evidence for Tonic Sympathetic Support of Resting Metabolic Rate in Healthy Adult Humans // American Journal of Physiological Endocrinology and Metabolism. – 2001. – Vol. 280. – No. 5. – Pp. 740–744. DOI: 10.1152/ajpendo.2001.280.5.E740

30. Pfeifer M. A., Weinberg C. R., Cook D., Best J. D., Reenan A., Halter J. B. Differential Changes of Autonomic Nervous System Function with Age in Man // The American Journal of Medicine. – 1983. – Vol. 75. – No. 2. – Pp. 249–258. DOI: 10.1016/0002-9343(83)91201-9

31. Seals D. R., Esler M. D. Human Ageing and the Sympathoadrenal System // Journal of Physiology. – 2000. – Vol. 528. – No. 3. – Pp. 407–417. DOI: 10.1111/j.1469-7793.2000.00407.x

32. Sweet R., McDowell F. H. Five Years' Treatment of Parkinson's Disease with Levodopa. Therapeutic Results and Survival of 100 Patients // Annals of Internal Medicine. – 1975. – Vol. 83. – No. 4. – Pp. 456–463. DOI: 10.7326/0003-4819-83-4-456

33. Walker R. F., Weideman C. A., Wheeldon E. B. Reduced Disease in Aged Rats Treated Chronically with Ibopamine, a Catecholaminergic Drug // Neurobiology of Aging. – 1988. – Vol. 9 (3). – Pp. 291–301. DOI: 10.1016/s0197-4580(88)80068-x

34. Zabrodin O. N. Disturbances of Sympathetic Regulation of Trophic Processes of Ageing // Proceedings of the 27th Annual Conference of the Australian Association of Gerontology. – Melbourne, 1992. – Pp. 108–110.

References

1. Anichkov S. V., Zavodskaya I. S., Moreva E. V., Vedeneeva Z. I. Neurogenic Dystrophies and Their Pharmacotherapy [*Neyrogennye distrofii i ikh farmakoterapiya*]. Leningrad: Meditsina, 1969, 238 p.

2. Voronkov G. S. Age-Related Features of the Content of Adrenaline and Norepinephrine in Blood and Urine and some Aspects of their Metabolism in Various Functional States of the Body. Abstract of the Ph. D. Degree Thesis in Medicine [*Vozrastnye osobennosti soderzhaniya adrenalina i noradrenalina v krovi i moche i nekotorye storony ikh obmena pri razlichnykh funktsionalnykh sostoyaniyakh organizma. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata meditsinskikh nauk*]. Kiev, 1975, 22 p.

3. Glebov R. N., Krzhizhanovskiy G. N. Axonall Flow of Substances in Various Physiological and Pathological Conditions of the Nervous System [Aksonalnyy tok veschestv pri razlichnykh fiziologicheskikh i patologicheskikh sostoyaniyakh nervnoy sistemy]. *Uspekhi sovremennoy biologii* (Advances of Modern Biology), 1978, vol. 82, no. 6, pp. 417–436.

4. Deryabin V. S. Emotions as a Source of Power [Emotsii kak istochnik sily]. *Nauka i zhisn* (Science and Life), 1944, no. 10, pp. 21–25.

5. Deryabin V. S., Zabrodin O. N. (Ed.) Psyhology of the Personality and Higher Nervous Activity: Psychophysiological Essays [*Psikhologiya lichnosti i vysshaya nervnaya deyatelnost: Psikhologicheskie ocherki*]. Moscow: LKI, 2010, 202 p.

6. Dogel A. S. Old Age and Death [*Starost i smert*]. Petrograd: Mysl, 1922, 45 p.

7. Zabrodin O. N. Influence of Pharmacological Substances on the Development of Hemorrhagic Erosions and the Level of Norepinephrine in the Stomach Wall in Rats [Vliyanie farmakologicheskikh veschestv na razvitie gemorragicheskikh eroziy i uroven noradrenalina v stenke zheludka u krys]. *Farmakologiya i toksikologiya* (Pharmacology and Toxicology), 1978, no. 1, pp. 32–36.

8. Zabrodin O. N. Pharmacological Analysis of Adrenergic Mechanisms of Gastric Mucosa Repair [Farmakologicheskiy analiz adrenergicheskikh mekhanizmov reparatsii slizistoy zheludka]. *Dostizheniya sovremennoy neyrofarmakologii* (Achievements of Modern Neuropharmacology). Leningrad: Akademiya meditsinskikh nauk SSSR, Institut eksperimentalnoy meditsiny AMN SSSR, 1982, pp. 40–43.

9. Zabrodin O. N. "Letter to Youth" by I. P. Pavlov and Three Conditions of Longevity ["Pismo k molodezhi" I. P. Pavlova i tri usloviya dolgoletiya]. *Rossiyskiy mediko-biologicheskiy vestnik imeni akademika I. P. Pavlova* (I. P. Pavlov Russian Medical Biological Herald), 2000, no. 1–2, pp. 207–212.

10. Zavodskaya I. S., Moreva E. V. Pharmacological Analysis of the Mechanism of Stress and Its Consequences [*Farmakologicheskiy analiz mekhanizma stressa i ego posledstviy*]. Leningrad: Meditsina, 1981, 214 p.

11. Cannon W. B. Bodily Changes in Pain, Hunger, Fear and Rage [*Fiziologiya emotsiy. Telesnye izmeneniya pri boli, golode, strakhe i yarosti*]. Moscow–Leningrad: Priboy, 1927, 173 p.

12. Cannon W. B., Rosenbluth A. Increasing the Sensitivity of Denervated Structures. The Law of Denervation [*Povyshenie chuvstvitelnosti denervirovannykh struktur. Zakon denervatsii*]. Moscow: Izdatelstvo inostrannoy literatury, 1951, 264 p.

13. Komarov F. I., Zavodskaya I. S., Moreva E. V., Schedrunov V. V., Lisovsky V. A. Neurogenic Mechanisms of Gastroduodenal Pathology [*Neyrogennye mekhanizmy gastroduodenalnoy patologii*]. Moscow: Meditsina, 1984, 240 p.

14. Orbely L. A. About Some Achievements of the Soviet Physiology [O nekotorykh dostizheniyakh sovetskoy fiziologii]. *Izbrannye trudy, Tom 2* (Selected Works, vol. 2). Moscow: Izdatelstvo AN SSSR, 1962, pp. 587–606.

15. Pavlov I. P. About Trophic Innervations [O troficheskoy innervatsii]. *Polnoe sobranie sochineniy. Tom 1* (Complete Works. Vol. 1). Moscow–Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR, 1951, pp. 577–582.

16. Pavlov I. P. Letter to the Young [Pismo k molodezhi]. *Polnoe sobranie sochineniy. Tom 1* (Complete Works. Vol. 1). Moscow–Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR, 1951, pp. 22–23.

17. Petrova M. K. On the Role of a Functionally Weakened Cerebral Cortex in the Occurrence of Various Pathological Processes in the Body [*O roli funktsionalno oslablennoy kory golovnogo mozga v vozniknovenii razlichnykh patologicheskikh protsessov v organizme*]. Leningrad: Medgiz, 1946, 95 p.

18. Frolkis V. V. Aging. Neurohumoral Mechanisms [*Starenie. Neyrogumoralnye mekhanizmy*]. Kiev: Naukova dumka, 1981, 320 p.

19. Frolkis V. V., Muradyan H. K. Experimental Ways of Life Extension [*Eksperimentalnye puti prodleniya zhizni*]. Leningrad: Nauka, 1988, 248 p.

20. Bell C., Seals D. R., Monroe M. B., Day D. S., Shapiro L. F., Johnson D. G., Jones P. P. Tonic Sympathetic Support of Metabolic Rate Is Attenuated with Age, Sedentary Lifestyle and Female Sex in Healthy Adults. *Journal of Clinical Endocrinology and Metabolism*, 2001, vol. 86, no. 9, pp. 4440–4444. DOI: 10.1210/jcem.86.9.7855

21. Bell C., Day D. S., Jones P. P., Christou D. D., Petitt D. S., Osterberg K., Melby C. L., Seals D. R. High Energy Flux Mediates the Tonically Augmented Beta-adreergic Support of Resting Metabolic Rate in Habitually Exercising Older Adults. *Journal of Clinical Endocrinology and Metabolism*, 2004, vol. 89, no. 7, pp. 3573–3578. DOI: 10.1210/jc.2003-032146

22. Banerji T. K., Parkening T. A., Collins T. J. Adrenomedullary Catecholaminergic Activity Increases with Age in Male Laboratory Rodents. *Journal of Gerontology*, 1984, vol. 39, no. 3, pp. 264–268. DOI: 10.1093/geronj/39.3.264

23. Burchinsky S. G., Kuznetsova S. M. Brain Monoamine Oxidase and Aging. A Review. *Archives of Gerontology and Geriatrics*, 1984, vol. 14, no. 1, pp. 1–15. DOI: 10.1016/0167-4943(92)90002-l

24. Hotta H., Uchida S. Aging of Autonomic Nervous System and Possible Improvements in Autonomic Activity Using Somatic Afferent Stimulation. *Geriatrics and Gerontology International*, 2010, no. 10, suppl. 1, pp. 127–136. DOI: 10.1111/j.1447-0594.2010.00592.x

25. Kărki N. T. The Urinary Excretion of Noradrenaline and Adrenaline in Different Age Groups, Its Diurnal Variations and the Effect of Muscular Work on It. *Acta Physiologica Scandinavica*, 1956, vol. 39, suppl. 132, pp. 1–96.

26. Kreider M. S., Goldberg P. B., Roberts J. Effect of Age on Adrenergic Neuronal Uptake in Rat Heart. *Journal of Pharmacology and Experimental Therapeutics*, 1984, vol. 231, no. 2, pp. 367–372.

27. Martinez J. L. (Jr.), Vasquez B. J., Messing R. B., Jensen R. A., Liang K. C., McGaugh J. L. Age Related Changes in the Catecholamines Content of Peripheral Organs in Male and Female F 344 Rats. *Journal of Gerontology*, 1981, vol. 36, no. 3, pp. 280–284. DOI: 10.1093/geronj/36.3.280

28. McCarty R. Age-related Alterations in Sympathetic-adrenal Medullary Responses to Stress. *Gerontology*, 1986, vol. 32, no. 3, pp. 172–183. DOI: 10.1159/000212785

29. Monroe M. B., Seals D. R., Shapiro L. F., Bell C., Johnson D., Parker Jones P. Direct Evidence for Tonic Sympathetic Support of Resting Metabolic Rate in Healthy Adult Humans. *American Journal of Physiological Endocrinology and Metabolism*, 2001, vol. 280, no. 5, pp. 740–744. DOI: 10.1152/ajpendo.2001.280.5.E740

30. Pfeifer M. A., Weinberg C. R., Cook D., Best J. D., Reenan A., Halter J. B. Differential Changes of Autonomic Nervous System Function with Age in Man. *The American Journal of Medicine*, 1983, vol. 75, no. 2, pp. 249–258. DOI: 10.1016/0002-9343(83)91201-9

31. Seals D. R., Esler M. D. Human Ageing and the Sympathoadrenal System. *Journal of Physiology*, 2000, vol. 528, no. 3, pp. 407–417. DOI: 10.1111/j.1469-7793.2000.00407.x

32. Sweet R., McDowell F. H. Five Years' Treatment of Parkinson's Disease with Levodopa. Therapeutic Results and Survival of 100 Patients. *Annals of Internal Medicine*, 1975, vol. 83, no. 4, pp. 456–463. DOI: 10.7326/0003-4819-83-4-456

33. Walker R. F., Weideman C. A., Wheeldon E. B. Reduced Disease in Aged Rats Treated Chronically with Ibopamine, a Catecholaminergic Drug. *Neurobiology of Aging*, 1988, vol. 9 (3), pp. 291–301. DOI: 10.1016/s0197-4580(88)80068-x

34. Zabrodin O. N. Disturbances of Sympathetic Regulation of Trophic Processes of Ageing. *Proceedings of the 27th Annual Conference of the Australian Association of Gerontology*. Melbourne, 1992, pp. 108–110.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Требования к оформлению статей

Журнал оформляется в соответствии с требованиями ВАК к ведущим научным изданиям и с требованиями крупнейшей зарубежной базы данных SCOPUS. Аналитическая база данных SCOPUS позволяет наладить обмен информацией между ведущими научными журналами мира, вычислять индекс цитирования учёных. Шаблон для оформления статьи можно скачать по ссылке: шаблон. Более подробная информация о требованиях приводится ниже.

1) Редакция рецензируемого научного сетевого журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» принимает материалы объёмом, как правило, до 80 000 знаков (2 а. л.). Материалы, размещённые в электронном журнале, считаются опубликованными и являются объектами авторского права. Редакция журнала не принимает статьи, опубликованные ранее или находящиеся на рассмотрении в других журналах, а публикуемая статья должна обладать научной новизной и актуальностью. При повторном опубликовании материалов в других изданиях ссылка на журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» обязательна. Все материалы, представленные для публикации в Журнале, подлежат рецензированию. Рецензирование может осуществляться в двух формах: внешнее (сопроводительная рецензия-рекомендация к материалу, представленному для публикации в Журнале) и внутреннее (организуется Редакционной коллегией Журнала). Внешнее рецензирование является обязательным для материалов, представленных аспирантами или соискателями учёной степени кандидата наук; к таким материалам должен прилагаться отсканированный отзыв-рекомендация научного руководителя, заверенный подписью и печатью организации. Статьи аспирантов принимаются, как правило, в соавторстве с научным руководителем, в таком случае внешняя рецензия не требуется. Внутреннее рецензирование осуществляется в течение двух недель с момента получения статьи. Подписанный рецензентом и заверенный печатью оригинал рецензии хранится в редакции три года; автору рецензируемых материалов по его запросу предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

Плата за публикации с авторов не взимается. Авторское вознаграждение не выплачивается. Точка зрения членов редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов статей. Редакторы имеют право вносить в статьи исправления, не меняющие их смысл.

2) Основной текст:
– формат листа – А4, ориентация – книжная
– формат файла – doc или rtf

– шрифт – Times New Roman
– масштаб – 100%
– интервал – обычный
– смещение – нет
– отступы от полей – 0 см
– междустрочные интервалы перед и после абзаца – 0 пт
– междустрочный интервал – одинарный
– размер шрифта – 14 пт
– поля – по 2,0 см со всех сторон
– абзацный отступ – 1,25 см

3) Перед статьёй указываются:

Сначала слева пишется индекс УДК. Ниже приводится заголовок (размер шрифта 16, полужирный, выравнивание по центру). Точка в конце заголовка не ставится. Ниже слева – ФИО авторов полностью. Далее для каждого автора: полное название организации (не аббревиатура), место работы в именительном падеже, должность, учёная степень, звание, город, страна. Ниже справа указываются электронная почта, ниже – коды автора (при наличии): SPIN, ResearcherID, ORCID, ScopusID. Далее приводятся авторское резюме (обычно 100-250 слов – подробнее см. пункт 7) и ключевые слова, разделяющиеся точкой с запятой. Данная информация, кроме УДК и кодов автора, приводится сначала на русском, потом – на английском языках.

4) Примечания оформляются в виде постраничных сносок 10 шрифтом.

5) Список литературы в конце статьи оформляется в двух вариантах: русском и английском. Русский вариант должен быть выполнен в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 и ГОСТ 7.32–2017. Английский вариант должен быть выполнен в соответствии с иностранным стандартом, принимаемым аналитической базой данных SCOPUS.

При оформлении списка литературы следует обратить внимание на некоторые особенности. Необходимо указывать всех авторов издания, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в аналитической системе. Запятая между фамилией автора и инициалами не ставится. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.», «,» и «:». Знаки «–», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т. п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н. Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Использование сокращений нежелательно (например, правильнее написать не «J Clin Endocrinol», а «Journal of Clinical Endocrinology & Metabolism»). Пожалуйста, сверяйтесь с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной

Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия.

Помните, что в любом случае, даже если у Вас возникает вопрос по оформлению документа, например, потому что он не подходит ни под один из рассмотренных ниже вариантов, главное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, – это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления списка литературы:

а	б	в	г	д	е	ё	ж	з	и	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	э	ю	я
a	b	v	g	d	e	e	zh	z	i	y	k	l	m	n	o	p	r	s	t	u	f	kh	ts	ch	sh	sch		y		e	yu	ya

Для помощи в транслитерации рекомендуем воспользоваться сайтом https://translit.ru: в поле «мой транслит» в окошке в верхнем правом углу ввести номер настроек 45848 и нажать кнопку «Войти» (при переходе по приведённой гиперссылке данные настройки загружаются автоматически), ввести в основное окно текст на русском языке, нажать на кнопку «В транслит» и получить необходимый текст.

Русские имена можно транслитерировать либо по приведённым правилам (например, «Ivanov», «Orlov»), либо по другим, если их иное написание является более распространённым и встречается в англоязычных источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey», «Ignatyev» вместо «Ignatev»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

Обратите внимание, что по правилам русского языка в заголовках только первое слово пишется с заглавной буквы, а по правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

При составлении списка литературы желательно не пользоваться автоматической нумерацией, а проставлять цифры вручную.

Шаблон для описания книги в русском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги. – Город: Издательство, год. – количество страниц.

Примеры:

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 956 с.

Орлов В. В., Васильева Т. С. Философия экономики. – Пермь: Издательство Пермского университета, 2005. – 264 с.

Соединение достижений НТР с преимуществами социализма. – М.: Мысль, 1977. – 190 с.

Шаблон для описания книги в английском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги на английском языке [*Транслитерированное название книги курсивом*]. Город: Издательство, год, страницы.

Примеры:

Bell D. The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting [*Gryaduschee postindustrialnoe obschestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya*]. Moscow: Academia, 1999, 956 p.

Connection of Achievements of a Scientific and Technological Revolution with the Advantages of Socialism [*Soedinenie dostizheniy NTR s preimuschestvami sotsializma*]. Moscow: Mysl, 1977, 190 p.

Orlov V. V., Vasileva T. S. Philosophy of Economics [*Filosofiya ekonomiki*]. Perm: Izdatelstvo Permskogo universiteta, 2005, 264 p.

Шаблон для описания главы из книги или книги из собрания сочинений в английском варианте:

Имена авторов. Название книги или главы на английском языке [Транслитерированное название книги]. *Транслитерированное название собрания сочинений или книги курсивом* (Название собрания сочинений или книги). Город: Издательство, год, страницы.

Примеры:

Leybnits G. V. Monadology [Monadologiya]. *Sochineniya. Tom 1* (Works. Vol. 1). Moscow: Mysl, 1982, 636 p.

Marx K. A Contribution to the Critique of Political Economy [K kritike politicheskoy ekonomii]. *Sochineniya. T. 13* (Works. Vol. 13). Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1960, pp. 1–784.

Pavlov I. P. Physiology and pathology of Higher Nervous Activity. Twenty-Year Experience of Objective Studying of Higher Nervous Activity of Animals [Fiziologiya i patologiya vysshey nervnoy deyatelnosti. Dvadtsatiletniy opyt obektivnogo izucheniya vysshey nervnoy deyatelnosti (povedeniya) zhivotnykh]. *Polnoe sobranie sochineniy. T. III. Kn. 2* (Complete Works. Vol. III. Book 2). Moscow – Leningrad: AN SSSR, 1951, pp. 383–408.

Ukhtomskiy A. A. Principle of a Dominant [Printsip dominanty]. *Sobranie sochineniy. T. 1* (Collected Works. Vol. 1). Leningrad: LGU, 1950, pp. 197–201.

Шаблон для описания статьи из журнала в русском варианте:

Имена авторов. Название статьи // Название журнала. – год. – номер. – страницы статьи.

Пример:

Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. – 2012. – № 10. – С. 3–19.

Шаблон для описания статьи из журнала в английском варианте:

Имена авторов. Название статьи на английском языке [Транслитерированное название статьи]. *Транслитерированное название журнала курсивом* (Название журнала на английском языке), год, номер, страницы.

Пример:

Agazzi E. The Idea of a Knowledge-Based Society [Ideya obschestva, osnovannogo na znaniyakh]. *Voprosy filosofii* (Problems of Philosophy), 2012, no. 10, pp. 3–19.

Шаблон для описания материалов конференции в русском варианте:

Имена авторов. Название выступления // Название конференции. – Город. – год. – страницы.

Примеры:

Пигров К. С. Материализм в современной российской философии как нравственная проблема // Проблемы материализма в социальной философии: Сборник статей, посвященный 70-летию профессора СПбГУ П. Н. Хмылева / отв. ред. В. М. Лукин. – СПб.: СПбГУ. – 2008. – С. 109–116.

Игнатьев М. Б., Пинигин Г. И. Астрономия с лунной базы // Международная научная конференция «Применение ПЗС-методов для исследования солнечной системы». – Николаев. – 2003. – С. 98–106.

Шаблон для описания материалов конференции в английском варианте:

Имена авторов. Название выступления на английском языке [Транслитерированное название выступления]. *Транслитерированное название конференции курсивом* (Название конференции на английском языке). Город: Издательство, год, страницы.

Примеры:

Pigrov K. S. Materialism as a Moral Issue in Modern Russian Philosophy [Materializm v sovremennoy rossiyskoy filosofii kak nravstvennaya problema]. *Problemy materializma v sotsialnoy filosofii: Sbornik statey, posvyaschennyy 70-letiyu professora SPbGU P. N. Khmyleva* (Problems of Materialism in Social Philosophy: Collected Articles Dedicated to 70th Anniversary of professor SPSU P. N. Khmylev). Saint Petersburg: SpbGU, 2008, pp. 109–116.

Ignatyev M. B., Pinigin G. I. Astronomy from the Moonbase [Astronomiya s lunnoy bazy]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Primenenie PZS-metodov dlya issledovaniya solnechnoy sistemy»* (Proceedings of International Scientific Conference “Application of CCD-Methods for the Solar System Exploration”). Nikolaev, 2003, pp. 98–106.

Шаблон для описания Интернет-ресурса в русском варианте:

Название страницы // Название сайта. – URL: адрес сайта (дата обращения).

Пример:

«Война» в шорт-листе «Инновации»: Минкульт хочет дать премию, МВД гноит в тюрьме // Сайт «Свободная Война» в поддержку арестованных Олега Воротникова и Лёни Николаева. URL: http://free-voina.org/post/3289581310 (дата обращения 10.07.2013).

Шаблон для описания Интернет-ресурса в английском варианте:

Название статьи на английском языке [*Транслитерированное название статьи курсивом*]. Available at: адрес сайта (accessed дата последнего посещения сайта).

Пример:

Voina in the Short-list “Innovations”: Ministry of Culture Wants to Give an Award, Ministry of Internal Affairs Leaves to Rot in Prison [*Voyna v short-liste «Innovatsii»: Minkult khochet dat premiyu, MVD gnoit v tyurme*]. Available at: http://free-voina.org/post/3289581310 (accessed 10 July 2013).

Если статья имеет идентификатор DOI, то он пишется в самом конце.

Пример:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*, 1934, vol. 41, pp. 309–329. DOI: 10.1037/h0070765.

Для англоязычных источников данные пишутся только на английском языке без дополнительных скобок.

Пример:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, pp. 102–254.

Для источников на других языках данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* (Archives of All Physiology). 1892, Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы только англоязычные источники, делать русскоязычный список литературы не имеет смысла. То есть вне зависимости от того, на каком языке статья сделана, если все источники являются иностранными, то список литературы делается один в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы. Если же присутствуют русскоязычные источники, то статья на русском языке должна иметь 2 списка литературы, а статья на английском – один.

6) Ссылки в тексте на цитируемые работы (порядковый номер в списке литературы и при необходимости номер страницы) размещаются в квадратных скобках: [1], [2, с. 51] (для статьи на английском [2, p. 51]).

7) Требования к авторскому резюме (abstract) достаточно сильно отличаются от правил и традиций составления авторских резюме для российских изданий. Поскольку авторские резюме на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных учёных основным или даже единственным источником информации о содержании статьи, то их объём недопустимо сводить к 3–5 строкам. По аннотации зарубежные специалисты оценивают публикацию, определяют свой интерес к ней, могут сделать на неё ссылку, запросить перевод полного текста и т. п. Аннотация на английском языке не должна просто полностью повторять текст аннотации на русском, так как за русскоязычной следует полный текст на этом же языке. Аннотацию на английском следует делать подробнее и больше по объему, она должна способствовать раскрытию содержания и сути исследования

Авторские резюме должны быть:

– информативными (не содержать общих слов);

– оригинальными (не повторять дословно русскоязычную аннотацию);

– содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);

– структурированными (следовать логике описания результатов в статье);

– написанными качественным английским языком;

– имеющими объём примерно от 100 до 250 слов (возможно до 500 слов).

Наиболее распространённый способ составления аннотаций – краткое повторение в них структуры статьи, включающей введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение.

Авторское резюме в наиболее полном варианте включает следующие аспекты содержания статьи:

– предмет, тему, цель работы;

– метод или методологию проведения работы;

– результаты работы;

– область применения результатов;

– выводы.

Последовательность описания содержания статьи можно изменить, начав с изложения результатов работы и выводов.

Следует обратить внимание на то, что структура и тематические рубрики авторского резюме не заданы жестко и однозначно, они могут меняться в зависимости от содержания статьи. Так, предмет, тема, цель работы указываются только тогда, когда они не ясны из заглавия статьи. Метод и методологию проведения работы целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют специальный интерес с точки зрения содержания данной статьи.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье. Сведения, содержащиеся в

заглавии статьи, не повторяются в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например: «автор статьи рассматривает…»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в резюме не приводятся.

В тексте резюме следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: “The study tested”, а не “It was tested in the study”.

В тексте реферата на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов. Рекомендуется избегать употребления терминов, являющихся прямой «калькой» с русскоязычных терминов. Необходимо соблюдать единство терминологии в пределах резюме, применять значимые слова из текста статьи.

Рекомендации по составлению авторского резюме подготовлены на основе методической разработки кандидата технических наук О. В. Кирилловой, заведующей отделением ВИНИТИ РАН, члена Экспертного совета (CSAB) базы данных SCOPUS «Подготовка российских журналов для зарубежной аналитической базы данных SCOPUS: рекомендации и комментарии». http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf.

Пример оформления авторского резюме и списка ключевых слов

Философия информационного общества: новые идеи и проблемы

Авторское резюме

Состояние вопроса: В теории постиндустриального (информационного) общества широко распространена трактовка его как формирующегося общества знаний, в котором физический труд вытесняется умственным. Главным видом труда становится обработка информации, которая считается нематериальным ресурсом.

Результаты: Труд в сфере информационных технологий – преимущественно не физический и не умственный, а материальный всеобщий труд (термин К. Маркса). Всеобщий труд направлен на создание абстрактных материальных структур и виртуальной реальности – особой формы материи, строящейся как бы на матрице духовных процессов и приобретающей наибольшее сходство с идеальными явлениями. Особые свойства этой формы материи – «квазиидеальность» и «квазисубъективность» – внешне напоминают главные свойства духовных явлений – идеальность и субъективность.

Область применения результатов: Предложенный подход к концепции информационного общества является попыткой сформулировать некоторые фундаментальные идеи философского материализма, необходимые, с точки

зрения автора, для построения научной теории современного этапа общественного развития.

Выводы: Формирование информационного общества связано не с вытеснением духовным (знаниями) материального (физического труда), а с созданием человеком нового класса искусственных материальных явлений (виртуальной реальности), взаимодействующих с идеальным, духовным, тоньше и сложнее, чем взаимодействовали с ним все ранее возникшие формы материи.

Ключевые слова: информационное общество; всеобщий труд; материальное и идеальное; абстрактные материальные структуры; квазиидеальность и квазисубъективность.

The Philosophy of the Information Society: New Ideas and Problems

Abstract

Background: The information society is often thought to be a forming society of knowledge, in which manual labor is being replaced by intellectual labor. The treatment of information, which is supposed to be a non-material resource, becomes the main type of a labor-process.

Results: Labor in information technologies is mainly material universal labor (the term of K. Marx), but not manual or intellectual labor in the traditional sense. Universal labor is directed towards creation of so-called abstract material structures and virtual reality – a new special form of matter put on the matrix of spiritual processes which acquires a close resemblance with the ideal processes. Special qualities of this form of matter may be called “quasi-ideality” and “quasi-subjectivity”. They resemble outwardly the main qualities of spiritual events – ideality and subjectivity.

Research implications: The present study provides an approach to the theory of the information society which is based on re-interpretation of the conceptions of material and ideal carried out with the help of analysis of virtual reality and a labor-process in the sphere of information technologies.

Conclusion: The forming of the information society doesn’t mean only supplanting of material factors (manual labor) by ideal (knowledge). It is expressed in creating by man of a new type of artificial material objects (virtual reality), which communicates with spiritual, ideal reality in more delicate and complicated way than any other forms of matter could.

Keywords: information society; universal labor; material and ideal; abstract material structures; quasi-ideality and quasi-subjectivity.

8) Все формулы и обозначения из формул в тексте должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation.

9) Все схемы, рисунки и т. п. должны быть вставлены в текст как отдельный файл, делать рисунки средствами Microsoft Word недопустимо. Рисунки должны быть предоставлены редакции отдельными файлами в форматах jpg или png и должны быть пронумерованы в том порядке, в каком появляются в тексте.

10) Необходимо обращать внимание на различие между дефисом (ставится внутри слов, всегда без пробелов, например, «сине-зелёный»; выглядит коротко) и тире (ставится между словами, обозначениями и т. п., например, «с. 45–48»; выглядит длинно). Тире между цифрами ставится без пробелов, в любом другом случае перед и после тире должны стоять пробелы (например, «1950–1960 годы», «движение – жизнь»). Также необходимо обращать внимание, что между инициалами, в сокращениях и в других случаях, когда несколько слов или символов неразрывно связаны друг с другом, между ними ставится неразрывный пробел, который сохраняет соседние слова на одной строчке и не делает большое расстояние между ними при выравнивании по ширине (ctrl+shift+пробел; например, «и т. п.», «№ 8», «А. А. Иванов»).

11) Статьи принимаются на русском или английском языках. Возможна публикация статьи на двух языках.

12) Все материалы принимаются в электронном виде по электронной почте fikio@rambler.ru. В письме также необходимо указать дополнительный способ связи с автором (например, телефон).

13) Периодичность выпуска журнала – 4 раза в год.

Рукописи, оформленные без учёта перечисленных выше требований, к публикации не принимаются.

Образец оформления статьи

УДК 111

Название статьи

Иванов Иван Петрович – Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, кафедра истории и философии, доцент, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия.

Email: ivanovip@aanet.ru
SPIN: 0000-1111
Researcher ID: A-0000-1111
ORCID: 0000-1111-2222-3333
Scopus ID: 12345678901

Иванов Пётр Иванович – Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, кафедра истории и философии, аспирант, Санкт-Петербург, Россия.

Email: ivanovpi@aanet.ru
SPIN: 1111-0000

Авторское резюме
Текст резюме 100–250 слов (см. п. 7).

Ключевые слова: слово один; слово два (до 12 слов).

Title

Ivanov Ivan Petrovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, associate professor, PhD (Philosophy), Saint Petersburg, Russia.

Email: ivanovip@aanet.ru

Ivanov Petr Ivanovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, post-graduate student, Saint Petersburg, Russia.

Email: ivanovpi@aanet.ru

Abstract
Text of abstract (100–250 words).

Keywords: word number one; word number two (up to 12 words).

Текст статьи……..

Список литературы

1. …
2. …

References

1. …
2. …

Философия и гуманитарные науки в информационном обществе

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ЭЛ № ФС77-54191.

ISSN 2309-6888

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

www.fikio.ru

16+

Контакты редакции

Адрес: 190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 67, лит. А.
Телефон: 8 (812) 708-42-13
Email: fikio@rambler.ru

Учредитель – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения».

© «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», 2022.